

Лена
СЕВЕРОВА

Разрешни тебѣ

ЛЮБИТЬ

— Что ты здесь делаешь? — За тобой пришел. — Тебя никто не звал! — Настюш, ну что ты... — подходит ко мне, пытается обнять. — Не называй меня так! Ты не имеешь права меня так называть! Зачем ты пришел? Иди к своей беременной невесте, а меня оставь в покое! — Я и пришел к своей беременной невесте, — рычит Ярослав, — Побегала и хватит! Пора возвращаться домой, малыш...

Он сослуживец и друг моего брата. Когда-то он отверг мои чувства, растоптал сердце. Но сейчас, мой брат в плену, а моя жизнь и безопасность полностью зависит от него. Я бы рада сопротивляться своим чувствам, которые очнулись от той спячки, в которую я их намеренно погрузила, но он рушит все барьеры между нами, разбивает ту броню, что я выстраивала годами. И теперь я уже не знаю, чем все это закончится...

Разреши тебя любить

Ася Северова

Яр

— Алло, — хриплю в трубку, приоткрывая один глаз, смотрю на время, — бля, Егерь, тебе какого хрена не спится в такую рань?

— У нас проблемы, Яр, — голос командира взволнован. Сразу прикидываю, что случилось что-то серьезное.

— Слушаю!

— Не телефонный разговор. Встретимся в конторе. Часа хватит тебе?

— Полтора и буду на месте.

— Принято, — отключается.

Поднимаюсь с постели. Сбоку слышу недовольное бурчание. Поворачиваю голову. Ну, конечно... Лена. Я и забыл, что вчера притащил ее к себе. Нарушил свое собственное же правило: никогда не водить баб домой. Технически, это и не дом вовсе, в привычном смысле. Это моя временная квартира, которую я купил, чтобы вложить деньги, и сейчас делаю ремонт, чтобы потом продать дороже. Моя инвестиция, проще говоря. Недалеко за городом строится мой дом. Вот он и будет для моей семьи. А это так... Перевалочный пункт.

Встаю, иду в душ, встаю под прохладные струи воды, прикрываю глаза, собираюсь с мыслями. Интересно, что же такое произошло, что командир протрубил общий сбор. А то, что он общий не сомневаюсь. Слишком серьезный был тон.

От мыслей отвлекает звук открываемой дверцы душевой кабины. Лена прижимается к моей спине своей шикарнейшей “четверочкой”, обхватывает руками мой торс, что-то мурлычет мне на ухо. Но я сыт, потому и не торкает. Разрываю ее “захват” и выхожу из кабины.

— Боже, Костров, — фыркает моя временная любовница, — какой же ты бесчувственный сухарь.

А я не сухарь. Просто Лена — не моя женщина. Не та, от кого я хочу получать ласки. Не та, кого хочу ласкать. Моя “та самая” для меня недостижима. Но объяснять сейчас все это Лене нет никакого смысла. Да и завязывать пора с ней. Скоро моя девочка закончит семестр и я попробую ее забрать. Не хочу срывать ее с места в середине учебного семестра.

С Леной мы сошлись полгода назад, познакомились в клубе, провели ночь вместе. Я был только после задания, адреналин все еще кипел в крови и требовал выплеска. Вот она и попалась под руку. Мы с ней круто оторвались. На следующий вечер решили встретиться и повторить. Лена была опытна и максимально раскована в постели, что меня устраивало. Она оказалась вполне нормальной молодой женщиной, я отнесся к ней с уважением, а потому сразу сказал, что “серьезные отношения” и все, что с этим связано — это не ко мне. И что если она встретит подходящего кандидата на роль своего постоянного мужчины, то я только порадуюсь за нее. Но также было условие, что пока мы с ней делим постель, никого на стороне у нас нет. Лена согласилась на все эти условия, утверждала, что вся эта тема с отношениями тоже не про нее, ведь она только развелась со своим мужем. Лене тридцать пять лет и ее адекватность играла мне на руку. Потому что пришло время исполнить условия договора и прекратить наши с ней отношения. Ведь во мне теплилась надежда, что я смогу получить свою “ту самую”. Особенно сильно эта надежда вспыхнула во мне совсем недавно, после доверительных бесед с Лерой, девушкой командира, которую мы вытаскивали из серьезной передраги. Тогда и сдружились с ней. Именно она убедила меня в том, что еще не

все потеряно. Поэтому и нужно решать вопрос с Леной уже сейчас, ибо прыгать из одной постели в другую не по мне. Я мечтаю сойтись со своей девочкой и не хочу, чтобы мое “прошлое” мешало строить с ней наше будущее. Женщины — они ведь еще те загадки и сейчас Лена кажется вполне адекватной, но кто знает, что она может вытворить, когда я скажу, что между нами все закончилось. Решено, вечером с ней поговорим.

— Я спешу, — смотрю на ее обнаженное тело и понимаю, что больше не хочу ее. — Захлопни за собой дверь. Вечером нам нужно будет встретиться и поговорить.

— О чем? — напрягается Лена.

— Вечером, — отрезаю сурово и выхожу из ванной.

Быстро одеваюсь и выхожу из квартиры. Время поджимает.

— Здорово, мужики, — захожу в кабинет, пожимаю руки сослуживцам. — Командир, — протягиваю руку ему, пожимает в ответ. — Смотрю все в сборе, я последний?

— Да, Тоха только подошел. Ты ничего не пропустил. Присаживайся, разговор долгий будет, — Егор указывает на одно из двух свободных кресел и я понимаю, что Михи-то нет.

— А Михи наш где? Его ждать не будем? — спрашиваю и замечаю, как кто-то из ребят опускает головы и отводит взгляд. — Не понял...

— О нем и пойдет речь, — начинает командир. — Сегодня ночью я получил вот это.

Командир разворачивает свой лэптоп экраном к нам и включает воспроизведение записи. И вот тут мы все, ну или почти все, кроме командира, охреневаем от увиденного. На экране высвечивается лицо Михи. Ну, точнее то, что сейчас у него вместо лица. Сплошные синяки, гематомы, глаза заплыли от припухлостей, в уголках губ и над ними запекшаяся кровь. Руки связаны сзади, на лице гримаса боли. За его спиной стоит человек в маске и черной амуниции, держит дуло пистолета у виска Михи.

— Не так давно вы, русские солдаты, вторглись на частную территорию и забрали наших людей, — говорит на ломанном русском с ужасным акцентом, но мы все понимаем о ком идет речь и кто за всем этим стоит. Странно, я думал, что мы закрыли всю “верхушку”, но, надо полагать, кого-то пропустили. — Теперь пришла наша очередь забрать вашего человека. Вопрос лишь в том, какая именно участь постигнет его: участь павших или же похищенных...

Дальше этот мудака озвучивает условия. Говорит много и коряво, но смысл улавливают все. Им нужен обмен. Меняют нашего бойца на отца и сына Фират, турецких отморожков, которые торговали “живым” товаром, похищая молодых русских девушек, и чей трафик мы перекрыли. И именно сынок Фират и похитил девушку командира.

Смотрю на Егора — сжимает кулаки, стискивает зубы. Да, для него это вдвойне тяжелая ситуация. Его лучший друг в плену у пособников того, кто виновен был в похищении его Леры и издевательствах над ней.

Считываю реакцию остальных. Все в ярости, готовы сорваться и начать действовать, но тут нужен план. Хорошо продуманный и четкий план. На кону жизнь нашего бойца, нашего брата.

— Что делать будем? — подаю голос.

— Мы, — обводит взглядом присутствующих, — остаемся тут и думаем что делать. А ты, — смотрит на меня и выдерживает паузу.

— Я?

— А ты едешь за Настей, — не отводит от меня пытливого взгляда, пытается считать

реакцию. Но хрен ты там что увидишь, командир! Я умею держать “покерфейс”. — Аккуратно и тихо привозишь сюда. Переводчики сказали, что на записи, за пару секунд до того, как она обрывается, этот урод говорил на своем языке о ней. Там четко было сказано: “найти его сестру”.

Напрягаюсь. Внутренности стынют от страха за девчонку. Может, они ее еще не нашли... А, может, и нашли. Ведь сколько времени прошло с момента создания записи? Блядь! Тогда там нужен будет не только медик, но и весь штурмовой отряд, потому что есть риск, что уходить будем с боем. Отсюда вопрос, который я и озвучиваю:

— Почему я?

— Ты и сам знаешь, Яр, — хмыкает Егор. Понятно. Лерка, зараза, меня сдала. — Час не сборы, выдвигаешься напрямик отсюда в аэропорт. Номер рейса, билет и командировочные получишь в отделе кадров, все готово. Докладываешь сразу по прилету, затем каждые два часа. Выполняй!

— Так точно!

Поднимаюсь с кресла и, не сказав больше ни слова, выхожу из кабинета. В коридоре пытаюсь унять тремор рук. Никогда такого не было. Даже на самых сложных операциях, которые приходилось проводить прямо в “поле”, бывало, что и во время активных боевых действий. А тут все тело охватывает мандраж. Все потому, что моя девочка в опасности. Но хрен ее кто тронет. Убью каждого и срать я хотел на клятву Гиппократу.

Правда, наемники все же меньшая из моих проблем, потому как Настя явно не горит желанием меня видеть, основываясь на воспоминаниях о нашей встрече почти три года назад, в день ее восемнадцатилетия. Тогда мне досталась лишь фраза из двух слов и один неприличный жест. Если быть точнее, то, когда она открыла мне дверь, я услышал: “Пошел вон!” и узрел ее наманикюренный изящный средний палец. Сейчас, я уверен, с учетом характера и темперамента этой бестии, она об этом своем нежелании меня видеть будет орать во всеулышание и, естественно, никуда со мной не пойдет и слушаться не будет. Что ж, сам виноват, накосячил, признаю. Потом буду исправлять. Но сначала вытащу ее из этого дерьма, чего бы мне это не стоило. Надо будет — через плечо перекину и силой утащу.

Кивнув своим мыслям, и, не желая терять ни минуты, быстрым шагом иду в отдел кадров. Судьба сама подкинула мне шанс все исправить. Правда, обстоятельства так себе.

Не так я представлял наше с тобой воссоединение, Настюш. Но, что имеем, то имеем...

Яр

По прилету докладываю командиру. Я одет по гражданке: джинсы, кроссовки, водолазка и кожаная куртка. На голове бейсболка известного бренда. В общем, одет “как все”, а потому не привлекаю к себе лишнего внимания. Забираю багаж идвигаю к парковке. Ловлю такси. Еду до нужного адреса. Согласно расписания, Настя должна сейчас еще быть на учебе. Ладно, так даже лучше — среди толпы студентов затеряться проще, а, следовательно, и хвост срисовать, если он имеется.

Таксист паркуется у ворот учебного корпуса, расплачиваюсь наличными, выхожу. Вокруг знакомые места. Когда-то я тоже хотел учиться в этом университете, много прочел по нему информации, хотел получить диплом врача именно тут, ведь здесь до сих пор преподают светила отечественной медицины. Будучи тринадцатилетним пацаном уже тогда “горел” желанием стать врачом. Благо, что родители отнеслись с пониманием к моим предпочтениям в выборе будущей профессии, но все же с некоторыми правками.

Я родился и вырос в семье потомственных военных. Отец и дед служили Родине всю свою жизнь. Родители познакомились на службе — мама была штатным психологом в военной части, где папа трудился инструктором, “муштровал” новобранцев и обучал их тактике ведения боя. Сейчас дед на почетной пенсии, отец продолжает свою военную карьеру и, надо сказать, весьма успешно. Он дослужился до звания генерала, сейчас из штаба курирует проведение спецопераций в местах военных конфликтов, где требуется участие наших бойцов.

Родители, узнав о том, что я всерьез задумался стать врачом, причем практикующим хирургом, собрали “семейный совет”, на котором и решилось мое будущее. В четырнадцать лет меня отправили за границу к дяде, брату мамы, где я поступил в медицинский колледж. Все это было сделано для того, чтобы в восемнадцать лет я вернулся на Родину с уже полученным базовым медицинским образованием. Так и вышло. По возвращении, я почти сразу ушел служить в армию. После “учебки” был откомандирован в воинскую часть на границу с Грузией и определен в военный госпиталь для прохождения службы. Поначалу было нелегко, но ко всему привыкаешь. Там я и набрался опыта.

По окончании положенного года службы я остался в армии контрактником. Меня перевели в другую часть, где я, собственно, через год и познакомился с отрядом командира. Ромка тогда получил ранение в ногу, я его штопал. К тому моменту у меня уже рука была набита. Роман оценил мои навыки и предложил командиру мою кандидатуру на должность военврача в их отряд.

Потом началась настоящая служба. Задания, спецоперации, боевые выезды, конвой и тэ дэ и тэ пэ, как говорится. На службе мы прикрывали друг друга, на гражданке оттягивались вместе. Мы — не просто команда, мы — семья, через многое прошли вместе, побывали в таких передрыгах, что и вспоминать не хочется.

И все было хорошо.

Но потом появилась Она...

Мое наваждение. Сестра боевого товарища — это табу! Никаких исключений. А несовершеннолетняя сестра боевого товарища — это вообще за гранью добра и зла. Но сердцу не прикажешь, как бы сопливо-романтично это ни звучало.

Насте было шестнадцать, когда мы познакомились пять лет назад. Тогда мы с Михой, ее, как оказалось, старшим братом, встретились в супермаркете. У нас с командой намечался пикник за городом на даче у Михи и мы закупались бухлом. Выйдя из магазина и погрузив коробки с бутылками пива и вискаря в багажник к Михе, я бухнулся на пассажирское сиденье.

— Здравствуйте, — тонкий голосок донесся с заднего сиденья так неожиданно, что я аж дернулся.

— Привет, — повернувшись, поздоровался и ой как зря я это сделал. Повернулся, в смысле. Потому что на меня смотрело чудо невероятной красоты. Хрупкая, миниатюрная девушка с мягкими, женственными чертами лица. На щеках румянец, длинные ресницы и глаза цвета моря — голубые-голубые. Таких девочек, обычно, хватают и не отпускают. Меня словно молнией шарахнуло, так сильно захотелось ее себе. А ее губы — это вообще отдельный оргазмический восторг. — А ты у нас кто? — расплылся в улыбке, уже предвкушая продолжение знакомства и надеясь на него.

— А я не у “вас”, — нахохлилась девчонка. Ух, какая боевая! — Я сама у себя! — фыркнула и отвернулась. Тут дверца автомобиля громко хлопнула, отвлекая меня от созерцания этой прелести. — Миш, ну ты чего так долго? Я же опоздаю на репетицию.

— Не опоздаешь, — Миха посмотрел в зеркало заднего вида и подмигнул девчонке. Черт, вот облом... — И даже если опоздаешь, никто не начнет репетицию без исполнительницы главной роли в этом вашем школьном спектакле.

Школьном?

Школьном???

Мне не послышалось?

Да ну нахер! Как так?! Она же вообще на “школьницу” не похожа с этими своими пухлыми губами... Так, отставить пошлые мысли!

— А вы как, уже успели познакомиться? — друг кивнул в сторону “школьницы”.

— Ага.

— Почти, — в один голос ответили мы с девчонкой.

— Хм, что-то показания у вас не сходятся. Ну тогда, Яр, знакомься, это, — снова указал кивком на девчонку, — моя младшая сестра Настенька.

— Не называй меня так! — сквозь зубы прошипела Настя. Анастасия. Даже имя красивое.

— Видишь, мелкая, вроде, а уже злыдня, каких поискать, — Миха откровенно стебал свою сестру, а у меня в голове крутились шестеренки. Мало того, что школьница, так еще и сестра. — А это Ярослав, мой друг, Настенька.

— Миша! — со всей злостью выкрикнула Настя и шлепнула своей миниатюрной ладошкой по плечу брата. Черт, не отбила бы руку, а то брательник ее еще тот бугай перекаченный. — Говорила же, не смей меня так называть!

— Почему? — встрял в их перепалку и мне тут же достался разъяренный взгляд этой голубоглазой фурии. Бля, такой красоты вообще не видел никогда. Так, тормози, Костров! Тормози.

— А ее всегда бесило, что ее сравнивают со всем известной...

— Миша!

— Не перебивай старших, не доросла еще, ребенок!

— Да не ребенок я! — а вот это уже интересно...

— Подискутируем с тобой на эту тему через пару лет, сразу, как тебе стукнет хотя бы восемнадцать! — хрясь! Это мои последние надежды на то, что Настя совершеннолетняя треснула и рассыпалась. Шестнадцать! Ей всего шестнадцать! — А сейчас не мешай взрослым дядям разговаривать.

— Пффф... — смешно фыркнула и отвернулась к окну. Мы в это время уже двигались по городским пробкам.

— Так вот, — продолжал тем временем Миха, — в семье нашей все сравнивают нашу Настеньку со всем известной Настенькой из детских сказок. Ну этих, помнишь, типа “Морозко”?

— Помню, — кивнул.

— Она в детстве постоянно смотрела эти сказки и даже волосы отказывалась стричь, чтобы быть похожей на сказочную Настеньку с ее толстой косой. Так и повелось, — друг пожал плечами, продолжая улыбаться.

— Ну, спасибо, братец, что ты поведал своему другу сию душещипательную историю! — съязвила Настя, ловя мой взгляд. А я специально развернулся боком к другу, чтобы была возможность украдкой наблюдать за девочкой. Да, девочка она, шестнадцатилетняя...

— А мне нравилась та Настенька, и сказки я любил смотреть в детстве, — видел, что эта тема ее смущает. Решил поддержать.

— Да мне все равно! Просто не надо меня так называть! — уже откровенно рычала Настя. Потом поняла, видимо, что перегнула палку и добавила уже более миролюбивым тоном: — Пожалуйста. Просто... Просто не люблю, когда ко мне так обращаются.

— Хорошо, не стану так называть тебя, — успокоил девчонку и протянул ей руку, — Я Ярослав Костров, очень приятно познакомиться, Настя, — специально интонациями выделил ее имя, дав понять, что услышал ее просьбу.

— И мне приятно, Ярослав, — улыбнулась и засмушалась почему-то. Ох, и ведет меня, однако. Что ж ты делаешь со мной? Блять, хоть из тачки выпрыгивай на полном ходу. Но ничего, сегодня вечером оторвусь. На пикнике по-любому будут девушки “особого назначения”, которых пацаны позвали. Вот одна из них и поможет мне выкинуть из головы эти нездоровые мысли. Или даже две...

— Можешь называть меня Яр, так меня зовут близкие, — зачем-то добавил. Мозг совсем не соображал.

— Хорошо... Яр.

Отвернулся от нее от греха подальше. Нездоровая хрень какая-то! Нездоровые мысли! Нездоровые желания! Нездоровый Костров!

Спустя пятнадцать мучительных минут, наконец, высадили Настю и она побежала в школу. В школу, блядь! А я зачем-то посмотрел в окно... И как теперь это развидеть? Стройные ножки, округлые бедра... Фигурка модели.

— Яр! — окликнул меня друг.

— Чего? — черт, спалился что ли, что пялился на нее?

— Тебе домой за сменкой надо или сразу на дачу махнем? — кажется, пронесло.

— Не, у меня все с собой.

— Ну, погнали тогда.

Знакомый голос выдернул меня из воспоминаний. Перевожу взгляд в сторону крыльца. Вот она. Длинные волосы собраны в хвост, темные джинсы, обтягивающие все, что только

можно и нельзя, белая футболка и кожаная куртка. Красивая, зараза!

Схватить! Утащить! Не выпускать! Моё!

Эти три слова сейчас по кругу пульсируют в моей башке, пока я не замечаю, как какой-то напояженный мажор начинает нагло тискать мою девочку! И да, мою! Пусть Настя пока этого не понимает, а потом еще и долго отрицать будет, но все равно итог будет один — она будет моей. А этому мажору я сейчас руки, нахер, оторву.

Срываюсь с места, рискуя раскрыть себя и упустить возможность выяснить следят ли за девочкой. Тормозит меня звонок мобильного.

— Слушаю!

— Ты пропустил доклад, Костров, — в трубке голос командира. — Ты где? Нашел Настю.

— Да, вижу ее прямо сейчас. С ней... — скриплю зубами. Ревность — она такая, да! — С ней все в норме. Доведу до дома, оценю обстановку, потом доложу.

— Принято. И, Яр, сейчас скажу не как командир, но как друг. Не дави на нее. Твоя главная задача защитить ее и привезти сюда невредимой. Остальное потом.

— Есть “привезти невредимой”! — отбиваю звонок. Знаю, что неправильно! Знаю, что не по уставу. Но Егор сам сказал, что разговаривал со мной не как командир, а как друг.

Смотрю, как она за ручку с этим мажором выходит за пределы университетского двора эта сладкая парочка направляется в парк. Решили устроить романтическую прогулку? Ну что ж, составлю вам компанию. Но не факт, что она вам понравится...

Яр

Я — само спокойствие!

Выдержка и самообладание — мое все.

Я спокоен!

Я спокоен, блядь!

Глядя на милующуюся друг с другом парочку “Настя и какой-то мажористый хрен”, скулы сводит от того, как сильно сжимаются мои зубы. А кулаки так и чешутся кому-нибудь навялять. Кому-нибудь конкретному... Вот этому вот ушлепку, что сейчас тянет свои варенники к губам моей девочки. И похрен, что она ему улыбается. Похрен, что сама тянется к нему навстречу. На все похрен!

— Губищи свои от нее убрал, — рычу издалека, подходя к ним все ближе. — Эй! Ты глухой? Я сказал отошел от нее! — а, черт, меня срывает. Нельзя, нельзя так! Но не могу стоять и смотреть, как какой-то додик пытается облизнуть Настю.

— А ты кто такой? Нарисовался, не сотрешь... — открывает рот мажор.

— Понятно, будешь перед девочкой выпендриваться? Что ж, похвально, — подхожу к нему максимально близко, давлю своей аурой. А у меня она дай Боже! Раздавлю — не заметит! — только вот ты не учел, что мы с тобой в разных весовых категориях. Не позорься, а? Свали по-хорошему, будь другом?

Мажор хлопает глазами и переводит взгляд то на Настю, то опять на меня. Настя же стоит в полном шоке. Но я-то знаю, что еще пара минут, она придет в себя и вот тогда начнется настоящий армагеддон. Правда торнадо по имени Настя пройдет только по мне. Но даже от этого кайф поймаю свой — соскучился по ней адски. Поэтому мне зайдут даже ее крики и ругань.

— Ну так что? Все винтики в голове заработали? — спрашиваю у подозрительно притихшего мажора. Что, неужели рассмотрел меня и прикинул все свои шансы на победу? Точнее их отсутствие. — Давай, вали отсюда! — подгоняю.

Слышу сбоку, прямо с той стороны, где сейчас стоит Настя, шумный выдох и такой же шумный вдох. Набрала воздуха в грудь, моя красавица. Готовится открыть свой чудный ротик и вывалить на меня все, что обо мне думает. А, судя по ее гневному взгляду, думает она обо мне так себе.

— Да как ты смеешь! — понеслась! Поворачиваюсь к ней всем корпусом, забыв о мажорчике. Верю, что базовый инстинкт самосохранения уведет его куда подальше от нас. — Ты какого лешего появился, как черт из табакерки и лезешь в мою жизнь! Да кто ты такой, чтобы запрещать моему парню целовать меня?! — так, а вот это уже интересно. Парень, значит?

— А ну, стоять! — командую мажору, решившему свалить по-тихому, и хватаю его за капюшон. Притягиваю обратно к себе поближе, чтобы мог рассмотреть в моих глазах все, что я с ним сделаю, если он только неправильно ответит на поставленный вопрос. — Ты ее парень? — киваю в сторону Насти, что безостановочно ворчит. Но пока я не выясню, что за отношения связывают этих двоих, воспринимаю ругань Насти как белый шум. Пусть побухтит пока. — Отвечай!

— Н-нет, — заикаясь, качает отрицательно головой.

— Ах ты трус мажористый! Вот, значит, как ты замямлил? — Настя мигом переключается на мажора. Вот он попал! Стою, смотрю, как она колошматит его своими маленькими кулачками и мне становится одновременно смешно и жалко бедолагу.

— Беги, чувак! — откровенно ржу. — Беги!

Пацан кивает и срывается с места. Олимпийский резерв отдыхает по сравнению с этим “бегуном”. Разгон до максималки за две секунды.

— Теперь ты!

Бля, вот теперь, кажется, и я попал. Черт, надо было слушать Егора и не светиться раньше времени. Но тогда этот сморчок облюнъявил бы мою девочку. Ну нет уж! Лучше получить вынос мозга от нее, чем смотреть, как ее целует другой.

— Может, не надо? — примирительно поднимаю руки, типа сдаюсь.

— Надо, Ярик, надо! — надвигается на меня. Ох, и красивая же она, когда злится. Глаза аж искрят синевой! — Ты! — тыкает пальчиком мне в грудь, а меня от этого едва ощутимого касания будто током шарашит. — С чего ты решил, что имеешь право голоса? М? Или думаешь, что приехал и я тут же кинулась к тебе в объятия? Забыла о своем парне...

— Он сказал, что не твой парень, — перебиваю, чтобы уточнить.

— Да ты себя видел? — возмущенно обводит в воздухе руками мой силуэт, — тут любой скажет именно то, что ты хочешь услышать. Явился, блин, Афанасий: семь на восемь, восемь на семь! Что ты здесь забыл?

— Тебя приехал повидать, — спокойно пожимаю плечами.

— Повидал? Теперь вали! Вон, догоняй того труса, вдвоем побежите подальше от меня!

Настя разворачивается на сто восемьдесят градусов и уходит быстрым шагом в сторону автобусной остановки рядом с парком. Но через несколько шагов останавливается, шумно выдыхает и снова, развернувшись, подлетает ко мне.

— Вот что тебе надо, а? Ну жила ведь я спокойно, никого не трогала. Какого черта ты вдруг решил нарисоваться тут? Да я в другой город свалила, лишь бы быть подальше от тебя и череды твоих телок бесконечных. Поступила в классный ВУЗ, встретила отличного парня...

— Это он-то “отличный”?

— Это единственное, что ты услышал из того, что я сказала? — закатывает глаза от возмущения. — Боже, ну какой же ты эгоист! Каким был эгоистом, таким и остался! Да! Да! Кир отличный парень! Умный, заботливый, нежный... — так, кажется, я начинаю звереть на слове “нежный”. Откуда она знает, что он нежный? — ласковый... — а, нет! Уже не кажется. Я совершенно точно зверею!

— Ласковый? — хватаю ее за куртку и притягиваю к себе. Бля, ее запах туманит разум. Сучка, пахнет как первородный грех. — Нежный? — рычу ей прямо в губы. — Это откуда тебе известно вдруг, что он “ласковый и нежный”, — пародируя ее тонкий голосок, бешусь так, что вот-вот с катушек слечу.

— С чего вдруг такой интерес, а, Ярик? — шипит в ответ Настя, играя на моих нервах. — Откуда знаю? Да потому что позволила ему уже...

— Настя... — предупредительно.

— ... многое, — продолжает эта маленькая безбашенная стерва.

— Осторожнее. По тонкому льду идешь. Моя выдержка...

— Рассказать, где он меня трогал? — яростное шипение переходит в наигранно ласковый шепот.

— ... не железная, — договариваю фразу, зная, что это ее не остановит. Настя упертая. Если хочет что-то сказать или сделать, то никто и ничто ее не остановит. Так было раньше, сейчас — посмотрим...

— Где он меня целовал...

— Не беси!

— Как я кончала от его ласк...

— Сучка! — знаю ведь, что добить меня пытается, отомстить за прошлое. Но почему ведешь на эти провокации — не понимаю.

— Как он меня трахал...

— Ну все, блядь, ты меня достала! — а вот это уже перебор! — Доигралась, маленькая стерва!

Перехватываю Настю одной рукой за талию, другой наматываю ее волосы на кулак, чтобы не дергалась и вгрызаюсь в ее рот. Грубо, жестко целую, словно наказываю, а сама теряю себя. Ее вкус, мягкость губ, сопротивление языка, что пытается вытолкнуть меня из ее ротика, просто сводят меня с ума. Я столько лет ждал, что смогу вот так держать Настю в своих объятиях, целовать и не прокладывать мысленно в этот же момент себе самый короткий маршрут в адское пекло за то, что влюбился в девчонку-малолетку. Сейчас уже можно... Ее губы, о, это самое вкусное, что я когда-либо пробовал. Воздуха уже начинает не хватать, но я не готов от нее оторваться. А уж когда слышу едва заметный тихий стон, то и вовсе не могу позволить себе остановиться. Настя начинает отвечать на поцелуй. Робко, несмело и даже как-то неумело.

Да ну! Да не может быть! Серьезно?

— Это что, твой первый поцелуй? — спрашиваю удивленно. Голос хрипит, не слушается. Настя молчит. Препарирует меня взглядом, но молчит. И я уже тянусь к ней снова, чтобы продолжить целовать ее, как мою щеку обжигает хлесткая пощечина.

— За что? — возмущаюсь.

— Не. Смей. Меня. Целовать! — чеканит слова. — Никогда!

— Хочу и буду! Ты вообще в своем уме? На полном серьезе собиралась впервые поцеловаться с тем ушлепком? — до меня эта мысль только доходит. Злость выходит на принципиально новый уровень. Всерьез задумываюсь над тем, чтобы догнать мажора и сломать ему парочку ребер.

— Боже! Как же ты меня бесишь! Когда же до тебя дойдет, что я с кем хочу, с тем и целуюсь! Могу и большее позволить и у тебя разрешения точно спрашивать не буду. А знаешь почему? — чую, вопрос риторический. — Да потому что ты мне никто! Друг и сослуживец моего старшего брата и только! Я же тебя не спрашивала, скольких баб ты перетрахал у нас на даче на ваших “адреналиновых” вечеринках? Не спрашивала и не запрещала. Потому что не имела права. Ты сам мне так сказал. Помнишь? А теперь ты не имеешь никаких прав запрещать мне что-то делать! Хотел увидеть меня? Увидел! Полегчало? Теперь вали обратно и не мешай мне жить.

— Все сказала? — Настя выдохлась. Вся ее злость и ярость улетучилась. В глазах осталась лишь усталость и боль от воспоминаний. Разберемся. Не сразу, конечно. Постепенно, но разберемся. Не здесь нам вести разговоры. Уж слишком громко и темпераментно мы с Настей тут выясняли отношения. Из плюсов — никто не подумает, что я при исполнении. Из минусов — мы привлекли к себе слишком много внимания. Я хоть и проверил, что “хвоста” нет. Но пока мы тут “мило беседовали”, кто-то мог и подтянуться. —

Тогда идем.

Беру ее за руку, но Настя, ожидаемо, ее выдергивает из моей ладони.

— Никуда я с тобой не пойду!

— Не упрямясь, а? Я устал, толком не спал почти двое суток.

— Мне до этого нет никакого дела. Я иду домой. Ты идешь... — замолкает.

— Так! План такой, — перебиваю, чтобы хоть как-то прекратить эту бесконечную перепалку. — Мы сейчас идем к тебе, ты собираешь все самое необходимое в дорогу. Завтра — вокзал и поезд днем в пятнадцать пятьдесят по местному времени.

— Какой поезд? — удивляется Настя. — Я никуда с тобой не поеду.

— Насть, — черт, как сказать-то? — Тебе нужно вернуться на время.

— Зачем? — она слышит мой тон и замечает, как резко переменилось мое настроение.

Напрягается. — Что-то случилось? — шепчет, наверняка уже догадываясь. — Что-то с Мишей?

— Он в плену.

Настя

“Он в плену”...

“Он в плену”...

Слова Ярослава причиняют физическую боль. Складываюсь пополам прямо посреди парковой дорожки и захожусь в рыданиях.

В семьях военных родственников всегда готовят к разным исходам заданий и операций, в которых по долгу службы участвует член семьи. Но для меня это всегда было чем-то ненастоящим. Тем, что никогда не произойдет с нами. А тут плен...

Боже! Как так могло получиться?

— Нет, нет, нет... — повторяю глухо, словно в бреду. — Нет, так не могло... Яр! — выпрямляюсь и хватаю Яра за полы куртки, — Яр, Яричек, скажи, что все это неправда, пожалуйста, — прошу, а сама вижу в его глазах отчаяние.

— Насть, — прижимает к себе. Теперь не сопротивляюсь, утыкаюсь носом в его грудь, вдыхаю родной аромат. Боже, как же я соскучилась по нему. — Настюш, успокойся. Все не так плохо, как ты себе напридумывала. Егор с ребятами сейчас думают, как вытащить Миху оттуда. А моя задача привезти тебя домой.

— Да... — рассеянно соглашаюсь, хотя в голове будто вата, ничего не понимаю и с трудом осознаю все происходящее. Яр замечает мое состояние.

— Давай сейчас к тебе, переночуем, а завтра в путь. Идем.

Ярослав берет меня за руку. На этот раз я не одергиваю свою ладонь, несмотря на то, что ее будто огнем жжет. Меня реально словно током прошибает от каждого его прикосновения. Выходим из парка, идем в сторону моего дома, но почему-то мимо автобусной остановки. Ладно... Наверное, пойдем пешком. Тут недалеко до моего дома. Специально выбрала квартиру поближе к университету, чтобы можно было быстро добраться до учебы и не собирать все утренние пробки.

Яр молчит. Периодически поглядывает на меня, руку не выпускает. От его нежного поглаживания большим пальцем тыльной стороны моей ладони, по телу снова бегут импульсы удовольствия. Когда-то я мечтала о том, чтобы он вот так держал меня за руку... Чтобы мы гуляли и целовались... Пока он открытым текстом не заявил, что ему не нужна малолетка.

Впервые я увидела Яра в машине у брата. Это была, что называется, любовь с первого взгляда. Мне было шестнадцать, я любила читать красивые любовные романы, а тут такой экземпляр садится и начинает со мной разговаривать. В тот момент мне казалось, что у меня сердце остановилось. Яр мне виделся просто нереальным красавцем. Да чего уж там, он и есть красавец. А еще у него невероятная харизма и вагон мужского обаяния. Тогда мне подумалось, что ни одна девушка не сможет перед ним устоять. А позже... Позже я и сама в этом убедилась. Боже, сколько раз я заставляла момент, когда он поднимался вверх в свободную спальню с какой-то очередной длинноногой девицей. Сослуживцы Миши всегда отмечали все праздники у нас на даче. Миша частенько брал меня с собой, а я и рада была, потому что тогда могла хотя бы парой слов перекинуться с Яром. Я рисовала у себя в голове такие картинки, за которые мне сейчас становится стыдно. Глупая шестнадцатилетняя девчонка, мечтающая выйти замуж за взрослого друга старшего брата...

Я старалась красиво одеваться, аккуратно наносила макияж, чтобы выглядеть на все сто! После того, как несколько раз наблюдала за тем, с какой именно девушкой уединяется Яр, с дикой болью в сердце, анализировала и пыталась понять какой типаж ему по вкусу. Длинноногие модельки.

Что ж, для того, чтобы соответствовать его вкусу у меня было все: кукольная внешность, красивые длинные волосы, длинные ровные ноги. А вот с весом была проблемка. Для полного соответствия мне нужно было сбросить несколько лишних килограмм. Несколько месяцев я изнуряла себя диетами и дошло все до того, что попала в больницу.

Миша очень ругался на меня, что я совсем не слежу за своим здоровьем. Тогда мне было уже семнадцать и я училась в одиннадцатом классе. Поэтому, все подумали, что у меня стресс на фоне грядущих экзаменов. Я не стала отрицать.

Настоящий нервный срыв у меня случился, когда навестить меня пришел Ярослав. Он зашел ко мне в палату, мы с ним болтали минут десять, пока нас бесцеремонно не прервали. Дверь открыла девушка и с наигранно расстроенным лицом начала гундеть о том, что они куда-то там опаздывают. При этом она несколько раз назвала Яра “милый” и “солнышко”. К гадалке не ходи, все и так понятно кто они друг другу. И все бы ничего, вот только она совершенно не соответствовала образу всех тех “моделек”, к которому и я стремилась, отчего и попала в больницу. Девушка была, как говорится, “в теле”. Вот тут меня и прорвало.

Яр меня пытался успокоить, даже обнять хотел, но я не позволила, хотя желала этого больше всего на свете. Но не так. Не из жалости. Я сказала ему тогда о своих чувствах к нему. Как последняя дурочка надеялась, что они будут взаимны, ведь тот, кому все равно не пришел бы навестить меня в больнице. Как же я ошибалась... Ярослав тогда смотрел на меня, молчал. А потом окончательно разбил мне сердце одной лишь фразой: “Тебе семнадцать! Мне не нужна малолетка. Выкинь из головы то, что ты называешь любовью ко мне. Это твоя детская блажь. Она пройдет, когда ты повзрослеешь”.

Как же потом было стыдно и больно. Но тот урок я усвоила на всю жизнь: никогда не говорить о своих чувствах мужчине.

— У тебя продукты дома есть?

— А? — Яр своим вопросом возвращает меня из воспоминаний. Наверное, сейчас не время совсем думать о том, что нас с ним связывает, но именно эти воспоминания помогают мне не скатиться в истерику от мыслей о брате и о том, что с ним там могут сделать. — Что ты спросил?

— Я говорю продукты у тебя есть? Просто вон магазин, если что-то нужно, то давай зайдём.

— Нет, у меня холодильник битком. Вчера только ходила закупаться, — стою смотрю на него и понимаю, что ничерта у меня не прошло за столько лет... Все чувства, что я так старательно прятала в глубинах своего сердца, выползают наружу. Яр настолько стремительно разрушает все барьеры, построенные мной, чтобы защитить свое сердце от него. Он просто сметает их. И почему-то меня не покидает мысль, что делает он это целенаправленно. Вопрос только в том, зачем ему это? — Почему ты? — задаю вопрос, который не дает мне покоя с того момента, как он сказал, что приехал за мной.

— Что я? — наигранно удивляется, хотя в глазах полное понимание.

— Хреновый из тебя разведчик, Ярослав, — делаю замечание.

— Это с чего вдруг такие выводы?

— Врешь фигово.

— И в чем я тебе соврал?

— В том, что не понял вопроса. Но я не гордая, я поясню. Почему именно ты приехал? Почему не Рома? Или Мак?

— А что так сильно по ним соскучилась? — выражение лица вмиг меняется, Ярослав прищуривается и надвигается на меня. Приблизившись к моему лицу так, что между нашими губами остались жалкие миллиметры, он спрашивает: — По кому сильнее, а? По Ромке? Или все же Макару? М?

— Позволь спросить, тебе какое дело? — также двигаюсь ему навстречу. Между нашими губами расстояние становится еще меньше, практически исчезает. Я уже чувствую его горячее дыхание. Жду, жажду его эмоций. Боже, я словно вампир энергетический. Понимаю, что специально довожу его и не могу остановить себя, как тогда в парке. Но Ярослав переводит взгляд куда-то мне за спину, хмурится.

— Иди в подъезд, — жестко.

— Чего это ты раскомандовался? — возмущаюсь.

— Настя, блядь, — шипит, хватая меня за шею и притягивает к себе. — Я говорю, ты выполняешь. Сейчас я сказал живо в подъезд. Поднимайся на этаж и закройся в квартире.

— Яр, — страх моментально овладевает мной. Понимаю ведь, что Яр не шутит. Прямо сейчас, в этот момент что-то происходит и я мешаю ему.

— Давай, Настя. Быстрым шагом, но не бегом. И по башкой по сторонам не крути.

Разворачиваюсь на сто восемьдесят и, как велел Яр, быстро семеню в сторону подъезда. Безумно хочется оглянуться, посмотреть что там делает Ярослав, но я изо всех сдерживаю свое любопытство. Господи, только бы с ним ничего не случилось!

Зайдя в подъезд, срываюсь на бег. Поднимаюсь на свой третий этаж, достаю из кармана ключи от квартиры. На лестничной площадке почему-то темно. Но обращаю на это внимание только тогда, когда не могу попасть ключом в замочную скважину. Еще и руки дрожат. Так, надо выдохнуть и успокоиться. Достаю из кармана телефон, включаю подсветку и направляю на замочную скважину. И только я вставляю ключ, меня кто-то грубо хватая за шею, практически перекрывая доступ кислорода, и хрипит на ухо:

— Не дергайся, русская сучка, а то попорчу твое красивое личико...

Яр

Черт! Эта маленькая бестия просто сводит меня с ума! И это я не в хорошем смысле. Стоит, смотрит на меня своими синими омутами, дерзко вскинув свой аккуратный носик, а я не знаю чего сейчас хочу больше — притянуть к себе и смять ее губы жестким, грязно-развратным поцелуем, чтобы у девочки ноги подкосились, или все же придушить заразу мелкую! Рядом с ней просыпаются мои не самые, скажем так, правильные и адекватные стороны характера. Вот нахрена она заговорила про Мака с Ромой?! Нахрена?! Блядь, никогда не думал, что умею вот так ревновать. Красная пелена стоит перед глазами и будь тут прямо передо мной мои друзья и сослуживцы, те самые вышеупомянутые, отвечаю, набросился бы на них с диким ревом и кулаками. Потому что нехер моей девочке о них думать! Надо бы пар спустить... Замечаю движение позади Насти. Четверо амбалов восточной внешности, лица уж больно подозрительные и слишком пристальное внимание с их стороны. Так, один уже к телефону тянется. Ну точно, по нашу душу. Точнее по Настину. Хер вам, товарищи похитители, я скорее сдохну, чем вам ее отдам.

— Иди в подъезд, — команду жестко. С одной стороны понимаю, что может обидеться на мой тон, но с другой также вижу, что Настю бомбит, ей нужно выплеснуть эмоции и если сейчас смягчусь, то она не послушается и начнет вредничать прямо тут, на улице. А мне надо вывести ее, как минимум, из поля зрения амбалов.

— Чего это ты раскомандовался? — ну начинается! Блядь, ну что за упрямая девица!

— Настя, блядь, — хватаю за шею и притягиваю к себе. — Я говорю, ты выполняешь. Сейчас я сказал живо в подъезд. Поднимайся на этаж и закройся в квартире.

— Яр, — ее глаза моментально распахиваются от страха, чувствую, что она начинает дрожать. Черт, напугал...

— Давай, Настя, — заключаю ее личико в свои ладони, сталкиваемся лбами, большими пальцами поглаживаю ее нежную кожу. Несмотря на ситуацию в целом, ловлю свой кайф. — Быстрым шагом, но не бегом. И по башкой по сторонам не крути.

Настя кивает и уходит в сторону подъезда. Смотрю ей вслед, прикидываю как действовать дальше. Чуть погодя, как только Настя скрывается за массивной металлической дверью, четверо типов идут в том же направлении.

Выдвигаюсь наперерез, надо успеть перехватить в тамбуре. Прикидываю варианты развития событий и прокручиваю в голове примерный план действий. Так, первым делом надо вырубить главного в их группе, стало быть вот того амбала. Сука, где только вас таких орангутангов делают?! Ладно, где наша не пропадала...

Пока варюсь в своих мыслях и медленно подхожу к подъезду, успеваю первым подойти к дверям. Будущие инвалиды отстают буквально на пару-тройку шагов, значит, успею занять нужную позицию в подъезде. Надеюсь, там местные хулиганы выкрутили лампочку.

Захожу в тамбур и меня тут же ослепляет яркий свет. Нет, не выкрутили, однако. Ладно, будем действовать по ситуации. Настя живет на третьем этаже. Главное не выпустить их из этого тамбура. Занимаю позицию в проходе к лестнице. Жду. Спустя полминуты двери, наконец, открываются и в маленькое помещение тамбура вваливается первая “жертва”. Ну, понеслась.

Главная ошибка, которую совершают похитители, заходят по очереди. Кто ж так

делает?! Но, к моей радости, их необдуманное действие играют мне на руку. Достая табельный и вырубая первого резким сильным ударом рукояткой в висок. Его глаза моментально закатываются и он бесшумно оседает на бетонный пол. Со вторым также везет. Приложив его головой о стену, переключаюсь на третьего. Вот с ним пришлось повозиться. По его движениям понимаю, что у него отличная спецподготовка. Мужик обладает серьезными навыками рукопашного и ножевого боя. Дважды чуть не достал меня ножом, едва увернулся. Мне все же удается взять его в удушающий и “усыпить”.

— Блядь! Блядь! — понимаю, что пока возился с третьим, упустил из поля зрения четвертого похитителя и он, похоже, уже поднялся на этаж.

Резко срываюсь с места, не удосужившись даже руки этим мудакам зафиксировать стяжками. Нет на это времени. Быстро поднимаюсь на второй этаж, стараясь особо не шуметь. Дальше замедляюсь и ступаю по ступеням бесшумно, прислушиваюсь и молнюсь, чтобы Настя уже была в квартире, в безопасности. Но... Это была бы не Настя, если бы послушалась и сделала все правильно... Слышу какую-то возню на третьем этаже, тихий Настин всхлип и дальше хриплый, грубый шепот:

— Не дергайся, русская сучка, а то попорчу твое красивое личико...

Ну, теперь, чувак, ты конкретно так попал!

Подхожу к мужику со спины. На площадке темно, но я успеваю заметить, как по Настинной щеке бежит одинокая слеза. Сука, урою этого мудака сейчас. Пока эта сволочь обнюхивает мою девочку, аккуратно, можно сказать даже бережно, перехватываю его руку, в которой он держит нож, прижимая его к Настинной щеке, резко отвожу ее сторону, оттаскивая эту тушу от Насти. Малышка резко разворачивается, прижимается к стене и, прикрыв ладонями рот, скатывается по стене на пол. Так, понятно. У нее небольшой шок. Разберемся. Сначала задам пару вопросов.

— Кто вас послал? — не ослабляя захвата, позволяю небольшой порции кислорода попасть в легкие похитителя.

— Пошел к черту!

— Неправильный ответ! — перехватив поудобнее, ломаю мужику руку. Тот начинает вопить. — Кто вас послал? И на этот раз советую дать мне информацию, если не хочешь, чтобы я сломал тебе и вторую руку.

— Яр... — Настя шепчет, зовет меня, а мне нельзя сейчас отвлекаться. И не стоит ей это все видеть. Потому рычу на нее: — Зашла в квартиру!

К моему удивлению, Настя послушно поднимается с пола, открывает двери ключами, хлопок и она скрывается в квартире. Можно вернуться к допросу.

— А теперь я тебя внимательно слушаю. Ну?

— Я не знаю, — хрипит. Сжимаю его шею сильнее, перекрывая доступ кислорода. Мужик начинает биться в моих руках. Пусть поймет, что я не шучу. Спустя минуту снова позволяю дышать. — Нам просто прислали фото девочки, адрес дома и билеты на самолет. Все инструкции по переписке. Даже голоса не слышали. Был приказ привезти живой, — замолкает.

— Дальше!

— Нам разрешили... — откашливается. Так, тут уже интереснее. Делаю подсечку, роняю похитителя на колени, перехватываю так, чтобы не вырвался, но мог дышать. Мне совсем не нужно, чтобы он сейчас отключился. Мне нужна информация, чтобы знать, как вывести мою девочку из-под удара. — Понимаешь, нашей задачей было привезти ее живой. Никто не

говорил о ее... хм... целостности. Нам сказали, что если пустим девку по кругу, то еще и приплатят сверху десять процентов.

Стою и орхреневаю. Несмотря на ужасный акцент и постоянные хрипы от нехватки воздуха, ошибиться и неправильно понять то, что только что сказал наемник — просто нереально. Это что ж за мразь такая их наняла, что хотела не просто похитить Настю, но и сотворить с ней такое... Сломать ее хотели? Блядь, убью любого, кто тронет ее!

Собираюсь с мыслями, беру себя в руки и задаю главный интересующий меня вопрос:

— Сколько вас тут? — мне надо понимать насколько сложным будет наш отход и со сколькими наемниками нам придется столкнуться по пути. Ну и по времени пока непонятно — есть ли оно у нас или все же счет идет на минуты.

— Иди нахер! — сплевывает изо рта кровь и ржет, демонстрирую окровавленные зубы.

— Снова неправильный ответ, — на первый взгляд, говорю спокойно. Но в душе клокочет ярость. Ломаю ему вторую руку. В подъезде снова звенит его вопль. — Я предупреждал, что будет больно, если не будешь отвечать. Итак, сколько вас?

— Много! — гогочет. — Тебе не вытащить ее живой. Вас либо двоих прикончат, либо грохнут тебя, а ее отправят заказчику.

— Ну, тут ты ошибаешься.

Срываюсь. Мозгами это понимаю, но тело действует на автомате. Со всей дури бью наемника в лицо. Тот падает на пол, стонет и хрипит, а я запрыгиваю сверху и начинаю методично его избивать. Сука! Какая же он сука! Вижу перед собой не только его, но всех, кто хотел причинить моей малышке вред. Не могу остановиться. Не контролирую себя. Перед глазами просто пелена. Кулаки уже сбиты, но я не останавливаюсь. Тормозит меня внезапный всхлип и тихое:

— Ярик, Яричек, остановись... Пожалуйста, Ярик.

Кулак сам по себе зависает в воздухе. Замираю над бессознательным телом наемника, поворачиваюсь на голос. Настя стоит в дверном проеме и, даже не пытаясь сдерживать слезы, смотрит на меня. В глазах страх. Но кого она сейчас боится? Меня?

Поднимаюсь на ноги, осматриваю себя. Да уж, видок тот еще. Весь в крови. Наверняка, рожа перекошена от гнева и адреналина. Делаю шаг в сторону Насти, она тут же отпрыгивает назад. Черт, значит меня боится. Блядь!

— Настюш, малыш... — хриплю не своим голосом. — Ты только меня не бойся, пожалуйста. Я тебя... Я же за тебя любого... Насть...

— Яр, я знаю, знаю. Я не боюсь. Ну, тебя не боюсь. Просто страшно... — пытается что-то объяснить, но от шока и стресса, видимо, мысли путаются, говорит отрывисто. А потом она шумно выдыхает и кидается ко мне, обхватывает меня руками, прижимается ко мне всем телом. Обнимаю ее в ответ, стараясь не испачкать ее чужой и своей кровью. Плачет.

— Тшшш, тише, девочка. Все хорошо, я с тобой, — успокаиваю, — я с тобой.

Даю себе минуту на отдых. Нам обоим нужна эта передышка. Так и стоим. Уткнувшись носом Насте в макушку, дышу ею и понимаю, что понемногу прихожу в себя. Затем аккуратно отстраняю от себя Настю, подталкиваю в квартиру. Заходим, запираю дверь на замок. Помню, что счет идет на минуты. Наверняка, наемники должны были доложить о результатах. Сколько прошло времени? Смотрю на часы — прошло двадцать восемь минут с момента, как я зашел в подъезд. Плюс четыре-шесть минут от звонка главного наемника, когда он, вероятнее всего, доложил, что объект обнаружен. Итого в среднем тридцать три минуты с начала их операции. Задача для пятого класса: сколько нужно времени четырем

здоровенным амбалам для того, чтобы поймать и затаскать в машину хрупкую девочку? Десять минут на наблюдение и подстраховку, чтобы не было лишних глаз. Минут десять на вскрытие замка. В квартиру вошли бы двое: один остался бы на улице, один на площадке. Значит, Настю забирали бы двое. С учетом ее характера и какой-никакой подготовке, а то, что Миха ее тренировал — это я точно знаю, на ее захват ушло бы минут пятнадцать, максимум. В конечном итоге, ее бы просто вырубил. Вытащить девушку без сознания и не привлечь внимания — еще минут десять. Плюс дойти до машины — пять минут. Получается, на все про все у них ушло бы максимум пятьдесят минут. Значит, что у нас не больше десяти минут на сборы. Плюс-минус четыре минуты. Но с учетом того, что те трое внизу оклемаются с минуты на минуту, тормозить нельзя.

— Настя, слушай меня внимательно. Сейчас возьми рюкзак и собери туда только документы, карты, наличку и то, что тебе понадобится по мелочи. Переоденься поудобнее и никаких каблуков. Возможно, придется бежать в прямом смысле этого слова, так что кроссовки — лучший вариант.

— Угу, — кивает.

— Я в ванную умываться, ты — собираться. Времени на сборы — пять минут! Вперед! и к окнам не подходи.

Да, не стоит забывать о том, что за окнами квартиры тоже могут наблюдать. Да и водилу наемников нельзя списывать со счетов.

Настя сбегает в комнату собираться, я же, как и планировал, иду в ванную. Смотрю на себя в зеркало и охреневаю от своего вида. И как она еще обнималась со мной?! Я же маньяк в чистом виде! Лицо и шея в крови, благо не в моей, костяшки сбиты, куртка и та заляпана кровью. Стягиваю с себя куртку, футболку, все в утиль. Умываюсь. Выхожу из ванной, Настя уже стоит в коридоре, ждет меня. На ней черный спортивный костюм с белыми полосками и всем известным названием фирмы, на голове такая же черная бейсболка, на ногах белые кроссовки, легкая куртка. У ног стоит небольшой рюкзачок. Она тоже уже умылась, видимо, на кухне. На лице ни грамма косметики. Такая она сейчас юная и красивая. Стоит, переминается с ноги на ногу, а, увидев мой голый торс, залипла на мне взглядом, закусив нижнюю губку. Сука, так бы и сожрал сейчас. Адреналин плещется в крови. Член дергается в штанах. Хотя и понимаю, что сейчас точно не время. Прикрываю глаза на мгновение, делаю несколько глубоких вдохов и выдохов.

— У тебя же есть пара Михиных футболок? — взяв себя в руки, спрашиваю у Насти.

— А? Что? — вид у нее растерянный. — А, да, есть. Сейчас принесу. Скрывается в спальне и возвращается с вещами в руках. — Вот, — протягивает мне одежду. Нарочно касаюсь ее рук своими, задерживая на мгновение ее ладонь в своей. Настя подрагивает и отводит взгляд. — Я подумала, что тебе куртка тоже понадобится, — отдает вещи и отходит от меня, разорвав контакт наших рук. Черт, а было так приятно. Ладно, подумаем об этом позже. Сейчас надо сваливать по-быстрому.

— Спасибо, — шустро натягиваю на себя футболку, кофту и куртку, на голову — капюшон. Распикиваю по карманам то, что забрал из своей куртки. — Идем, нам пора.

Настя пытается закинуть свою рюкзак себе на плечи. Смешная... Перехватываю рюкзак из ее рук. Она сначала упирается, потом отдает его мне.

— Умница, — подмигиваю ей, она смущенно улыбается. Оттаивает потихоньку моя девочка. Прохожу вглубь квартиры и открываю двери на балкон.

— Ты куда? — спрашивает.

— Я же сказал, мы уходим.

— Но это балкон.

— Спасибо, я вижу, — выхожу на балкон и нахожу справа люк на верхний этаж.

— Не понимаю... — Настя растерянно смотрит на меня.

— Настюш, это старая пятиэтажка. Здесь все балконы соединены вот такими вот люками, — указываю наверх. — Так мы выберемся на крышу, а с крыши перепрыгнем на соседний дом, там расстояние мизерное, и оттуда в метро.

— П-п-прыгнем? — Настя начинает заикаться и пятиться назад. — Нет, нет, ни за что! Я не буду прыгать. Нет! Почему нельзя просто спуститься?

— Насть, ну ты же не глупая. Там внизу нас по-любому ждут. А, может даже и не внизу, а прямо за дверью. Я не могу так рисковать тобой.

— Нет...

— Ну же, малыш, — протягиваю ей руку, — доверься мне.

Настя раздумывает всего пару мгновений, потом вкладывает свою ладонь в мою руку и шагает ко мне. В темпе мы выбираемся на крышу. Повезло, что на четвертом и пятом этажах нас не заметили на чужих балконах. Подойдя к краю крыши, сам немного офигеваю. Да уж, расстояние не совсем “мизерное”, как я заверял Настю. Пока летел изучил план дома и строений рядом, продумывая пути отступления в случае форс-мажора. И там было указано, что между домом Насти и соседним зданием всего метр расстояния. Но кто-то, видимо, ошибся в измерениях... Поболее будет. Сильно поболее...

— Яр?

— М?

— Ты в своем уме?

— Вроде, да. А что есть сомнения? — поворачиваюсь в сторону Насти и вижу, как ее трясет.

— Ну, у меня два варианта ответа на твой вопрос. Если ты думаешь, что я соглашусь прыгнуть через эту, блин, пропасть, — Настин голос срывается, — то ты однозначно не в адеквате...

— Значит, я неадекват, — перебиваю, не дав договорить, потому что прыгать ей придется. Другого варианта нет. — Надо прыгать.

— Ты шутишь? Нет, я не буду! — отскакивает от меня и отрицательно качает головой. — Яр, я же высоты боюсь. Нет!

— Малыш, — захватываю ладонями ее лицо, — Насть, девочка моя, прыгать все равно придется. Но!

— Но? — шепчет, облизывая сухие губы. Так и хочется впиться в них. Но это позже... Все позже...

— Я тебя поймаю! Клянусь. Веришь?

— Верю, — тихо, едва слышно отвечает.

Прижимаюсь губами к ее губам, слегка прикусываю нижнюю губку и после ее удивленного “Ох” врываюсь в ее рот. Ее вкус мгновенно бьет по рецепторам, вызывая волну неконтролируемого желания. Наши языки касаются друг друга и мы оба стонем в тот момент. Ощущения просто невероятные. Настя обнимает меня за шею, проходясь своими пальчиками по моему затылку. Рычу от такой мимолетной ласки и продолжаю целовать свою девочку. Понимая, что времени не остается и нужно спешить, собрав всю свою волю в кулак, отрываюсь от Насти.

— Я же, кажется, запретила тебе меня целовать, — в глазах поволока от удовольствия, а она все продолжает сопротивляться и качать права.

— Это на удачу, — подмигиваю, — и мы еще обсудим это твое “я запретила!”, — пародирую Настин голос.

Разворачиваюсь к краю крыши, перекидываю рюкзак на соседнее здание, отхожу на десять шагов назад.

— Смотри внимательно, — говорю строго. — Сделаешь все в точности, как я сейчас.

Дальше я разбегаюсь и перепрыгиваю на другую крышу. Поворачиваюсь к Насте, она стоит бледная, как простыня.

— Давай, малышка, твоя очередь.

— Я не смогу, Яр.

— Сможешь! Давай. Разбегайся.

— Ты точно поймалась?

— Клянусь!

— Не уронишь?

— Никогда!

— Хорошо... Хорошо...

Настя отходит подальше от края крыши, что-то говорит себе под нос, но я не слышу из-за ветра. Кивает каким-то своим мыслям, разбегается и прыгает.

Яр

— Где мы? — пропускаю Настю вперед, запираю двери.

— Это квартира моего друга. Он сейчас в отъезде, так что можем тут заночевать.

— Почему бы не пойти в гостиницу? Не глупая, понимаю, что нельзя светиться, но неужели ты думаешь, что у тех людей настолько все схвачено?

— Не знаю, но рисковать не хочу, — подхожу к ней сзади, помогаю снять куртку. На мгновение застываю, заключив Настю в легкие объятия. Только бы не вырвалась. Настя, кажется, теряет и тоже замирает. Не дышит. Молчит. — Только не тобой... — хриплю ей на ушко и прикусываю мочку, она дергается и пытается вывернуться из объятий. Не отпускаю.

— А ну отпусти меня! — шипит моя бестия.

— И не подумаю, — откровенно забавляюсь. Ничего не могу с собой поделать, мне нравится, когда она бесится.

— Я сказала отпусти!

— Мечтай! — резко разворачиваю ее в кольцо своих рук и, не давая опомниться, прихватываю ее нижнюю губу зубами. Посасываю, втягиваю ее. Настя пытается отбиваться, что-то мычит, но я чувствую, как ее сопротивление стихает с каждой секундой. С ее губ срывается порочный стон и это позволяет мне проскользнуть языком внутрь и начать целовать ее “по-взрослому”. — Ай! — внезапная боль отрезвляет. Зараза своим кроссовком заехала мне по колену. — Какого хрена ты творишь?

— Я тебя предупреждала, чтобы ты меня не трогал и, тем более, не целовал? — отскакивает от меня, — Предупреждала! Вот и получай!

— Тебе ж самой по кайфу было! — злость начинает подниматься из глубин моего сознания. А злость помноженная на адреналин после драки, бурлящий в крови, это та еще ядреная смесь. — А ну иди сюда! — кидаюсь за ней.

Вот же упрямая девчонка. Сама млеет, тает в моих руках. Становится будто пластилиновая. Я же вижу, чувствую, что она понемногу сдается каждый раз, когда я ее целую или обнимаю, доверчиво жметя ко мне. А потом словно приходит в себя и снова шипит. Вот и пойми девушек...

Так, ладно, мне надо в душ. Поправив стояк в штанах, иду во вторую спальню, достаю из шкафа два полотенца, одежду для себя и футболку для Насти, оставляю одежду для нее в гостинной на диване.

Холодный душ невероятно бодрит и помогает привести мысли в порядок. Итак, что мы имеем: исходя из того, что у Настиного дома нас встречали, нельзя исключать, что та группа была не единственной. Хвоста за нами не было, пока мы катались в метро и добирались сюда. Но то, что я ушатал четверых наемников совершенно точно не осталось незамеченным. А, значит, заказчик уже знает, что Настя под защитой и просто так умыкнуть ее не получится. Также они понимают, что в городе мы не останемся. Следовательно, все пути отхода будут отслеживаться. Как только нас обнаружат, будут идти нахрапом, им терять нечего... Однозначно, на вокзале нас будут ждать. Аэропорт тоже не вариант. Автобус? Долго и утомительно. Плюс по пути много остановок, на которых нас могут перехватить. Придется брать тачку и по-тихому вывозить Настю из города.

Выйдя из душа, звоню командиру, докладываю обстановку. Егор соглашается с моим предложением насчет поездки на машине. Скидывает контакты проверенного человека, который эту машину нам организует. Созваниваемся с посредником, он сообщает, что тачку пригонит на адрес завтра к семи утра. Есть время отдохнуть.

— Насть, — стучусь в дверь комнаты, где она закрылась. Думает, спряталась от меня... — Я освободил ванную. Если хочешь принять душ, то вперед. Мы здесь проторчим до утра.

Слышу за дверью тихие шаги. Затем створка чуть приоткрывается, Настя смотрит на меня настороженно.

— Снова целоваться полезешь? — хмурится, застыв на мне взглядом.

— Только если сама попросишь!

— И не надейся! Ни за что не попрошу! — возмущается, отталкивает меня с прохода и выходит из комнаты.

— Вещи и полотенце на диване, — кричу ей вслед. Она резко разворачивается, хватая полотенце и мчится в ванную. Уже через минуту я слышу громкий хлопок двери и щелчок замка. Закрылась, зараза такая. Нет, я, конечно, не собирался подглядывать... Хотя, кого я обманываю?! С удовольствием бы подглядел, а потом бы до утра слушал Настины гневные причитания. Идиллия...

В морозилке нахожу пачкупельменей. Что ж, не густо, но и не пусто. Ставлю кастрюлю на плиту. В шкафу нахожу чай, сахар и пачку печенья. Отлично, ужин и легкий завтрак нам обеспечен.

Пельмени готовы, я раскладываю их по тарелкам, когда слышу тихие шаги за спиной.

— Новостей о Мише нет?

— Пока нет. Но... — поворачиваюсь к Насте. Стоит, глаза на мокром месте, а я ума не приложу, как ее поддержать и успокоить.

— Но? — в надежде смотрит на меня.

— Но давай будем верить в лучшее! Миха отличный спец, и не из такой зад... и не из таких передрыг выбирался. Прорвется. А мы ему поможем.

— Да, он у меня молодец, — Настя чуть заметно улыбается, а я глаз от нее отвести не могу. Футболка едва прикрывает обнаженные бедра. Почему-то мне кажется, что под ней лишь тонкие кружевные трусики и все... Да, все... Поплыла моя башка...

— А я? — сам не понял, как это сказал.

— Что ты? — удивленно.

— Я у ТЕБЯ молодец? — специально интонациями выделяю “у тебя”. Настя краснеет. И это отчего-то так мило смотрится, что я невольно начинаю улыбаться во все свои тридцать два. Хотя, вру. Тридцать один. Один зуб мне выдернули еще в детстве, когда я его сломал во время поедания бесконечно мною любимых орехов в сахарной глазури и кунжуте.

— Я... я... — Настя мнется, не знает что ответить. Кажется, это впервые я загнал ее в подобное состояние, когда она не знает, что сказать. Обычно, наоборот, за словом в карман не полезет. А тут глазками хлопает, губками шлепает, бя! Так бы и сожрал эти губы.

— Присаживайся, я ужин приготовил, — решаю не мучить ее и перевожу тему. Она с удовольствием ведется. Присаживается за стол, берет вилку.

— Оу, пельмени! — восклицает почти с детским восторгом. — Сто лет их не ела! Приятного аппетита, — и принимается за еду.

— И тебе.

После ужина Настя помогает убрать со стола, моет посуду, пока я достаю из шкафа два комплекта постельного белья. Закончив все приготовления ко сну, расходимся по разным комнатам.

— Спокойной ночи, Ярослав.

— Спокойной, Настюш, — желаю в ответ и Настя тут же скрывается за дверью. Снова щелчок замка.

Ворочаюсь уже час и никак не могу заснуть. Диван просто звезда какой неудобный Кости уже ломит, как будто из тренажерного зала не вылезал сутки. Смотрю на часы — двадцать пять. Еще поспать нормально можно, но сна ни в одном глазу. Так и лежу, пялюсь в потолок, думая о том, как должно быть приятно спать с Настей, прижимая к себе ее теплое, податливое, хрупкое тело. Вдыхать ее запах, уткнувшись носом ей в макушку...

Плавая в своих фантазиях и мечтах, краем уха улавливаю тихий звук открывающейся двери. Видимо, Настя захотела попить или в туалет и не хочет меня разбудить. Притворяюсь спящим, чтобы не напугать девчонку. Слышу, как Настя делает шаг, еще шаг, и еще... А потом останавливается. Ее дыхание выдает волнение с головой. Чувствую, что она сейчас стоит рядом со мной. Резкий вдох, шумный выдох. И, словно решившись, тянет на себя край моего одеяла и ныряет ко мне под бок. Замирает.

Секунда, две, три... Потом я не выдерживаю и притягиваю Настю к себе. Удивительно, но она даже не брыкается, только упирается своими ладонями мне в грудь и старается выровнять дыхание. Да, мне бы тоже не помешало успокоиться, а то сердце, как оголтелое, долбит в грудак, вот-вот проломит. А уж когда Настя начинает поглаживать меня своими маленькими, нежными ладонями, мой самоконтроль трещит по швам. Но здесь я себя торможу. Потому что если слечу с катушек, то настою, продавлю и Настя поддастся. Ну будет у нас один раз секс. И да, я этого дико хочу. Но я-то хочу Настю не “на раз” и не “на пару раз”, а навсегда. И если сейчас поддамся своим изменным плотским желаниям, потом начнется полный трэш и шансы на то, что она будет со мной сведутся практически к нулю. Поэтому я стискиваю до боли зубы и не позволяю себе сорваться. Просто обнимаю Настю и дышу ею.

— Это ничего не значит! — бурчит мне в грудь. Ее губы прижимаются к моей коже и когда она говорит, ощущение будто целует. Мне хочется заорать! Ну правда! Я тут стараюсь сдерживаться, а она одним своим разговором рахерачивает мой самоконтроль в труху.

— Повторяй себе это почаще! — откровенно стебусь над ней. Ну реально ведь смешно, как она сопротивляется сама себе.

— Нет, Яр, я серьезно! — приподнимается на локте и в темноте пытается отыскать мой взгляд. — Мне просто стало страшно. Место незнакомое, да и все, что произошло...

— Угу, так я тебе и поверил...

— Ну, знаешь! Все, плохая была идея. Я пошла в комнату! — пытается подняться, но я ее не отпускаю.

— Успокойся и спи! — говорю строго и это срабатывает, Настя перестает барахтаться и затихает. Сам тоже расслабляюсь. — Умничка моя.

— Я не твоя!

— Моя.

— Нет!

— Да!

— Вот ты гад! Бесишь меня! — Настя так смешно фыркает, щекоча меня своим

дыханием.

— Пусть и гад, но ты меня и такого любишь.

— Вот еще! Пф... Любить тебя мне не хватало! Я тебя не люблю! — с пылом заявляет, но не вырывается из моих объятий.

— Не убедила. Попробуй-ка еще раз! — подначиваю.

— Я не люблю тебя!

— Не, все равно, как там говорил Станиславский? Не ве-рю! — по слогам.

— Ах ты! Ты...

— Я! Я! — поглаживаю по спине и волосам, — спи давай. Приятных снов, — целую висок.

Настя замолкает и мне уже начинает казаться, что она спит. Я тоже погружаюсь в спокойный сон, держа любимую своих объятиях. Тихий шепот возвращает меня в реальность:

— Все равно я тебя не люблю.

— Малыш, — хриплю ей на ушко, оставляя влажную дорожку из поцелуев, — себя-то хоть не обманывай. Ты любишь меня, я люблю тебя. Этого ничто не изменит.

— Спокойной ночи, — переводит тему. Что ж...

— И тебе, Настюш.

Настя

Сколько лет я мечтала вот так просыпаться в объятиях Кострова? Такого милого, веселого, красивого, но в то же время далекого... Запретного... Не моего Кострова... Приоткрыв глаза, понимаю, что за те несколько часов, что я проспала в объятиях Ярослава, я практически на него залезла. Боже, я же лежу на нем, а он даже и не замечает этого. Спит? Было бы отлично, если бы он сейчас десятый сон смотрел, потому как мне хочется выбраться из кольца его рук, не разбудив его. Вот только рука его начинает какое-то странное движение... Она медленно и нежно поглаживает мое бедро, которое оголилось во время сна. Замираю, как мышшь под веником. Не дышу. Не хочу, чтобы он возомнил себе, что мне нравится это все. Закусываю губу, чтобы не издать постыдный стон, который готов вот-вот сорваться с моих губ. Боже, ну это же невозможно просто! Почему? Почему каждое прикосновение Яра такое возмутительно приятное???

Если по началу я думала, что он поглаживает меня на автомате, во сне, то когда я услышала тихий смешок, все мои предположения развеялись в прах. Собственно, как и надежда выбраться из его рук и остаться при этом незамеченной.

Медленно поворачиваю голову к его лицу. Яр смотрит на меня, кажется вполне бодрым и проснувшимся. Черт! Не прекращает меня наглаживать. Зажмуриваюсь, перевожу дыхание.

— Что ты делаешь, позволь узнать? — взяв себя в руки, говорю спокойно и якобы равнодушно.

— Позволяю, — ухмылочка опять эта... — нагло глажу тебя.

— Хм... Это я заметила. Но с чего ты решил, что тебе можно так делать?

— Мне захотелось.

— Аргумент, конечно... — почему? Почему я не подрываюсь с дивана, как ошпаренная, а продолжаю этот пустой разговор, наслаждаясь при этом его прикосновениями?!

Влюбленная дура! И опять эти дурацкие бабочки в животе порхать начинают. Просыпаются, словно от спячки и щекотят меня изнутри. Как тогда... Когда я еще верила, что нравлюсь ему. Намеренно стараюсь думать и воскрешать в памяти самые неприятные моменты, связанные с Яром. Но бабочки, как назло, набирают свою силу и порхают, порхают... Сколько ж можно-то! Что ж вы никак не сдохните-то?! Это не наш мужчина и никогда нашим не будет!

Погрузившись в свои мысли и сомнения, едва улавливаю момент, когда меня резко переворачивают и я оказываюсь на спине, подмятая под большое сильное мужское тело. Испугавшись столь внезапной смены положения, удивленно таращусь на нависающего надо мной Яра. Он сосредоточен. Смотрит на меня так... проникновенно. Словно хочет донести до меня какой-то важный посыл. Пытаюсь выдавить из себя хоть один звук, возмутиться, в конце концов! И если уж не по-настоящему, то хотя бы ради приличия. Но не успеваю. Меня затыкают самым примитивным, но безумно приятным способом. Яр меня целует, запуская новую волну этих непослушных бабочек в моем животе. Как же приятно с ним целоваться, чувствовать его вкус, поглаживания его языка, мякоть его нежных губ. Никогда не думала, что от поцелуев можно потерять голову и просто отключиться от реальности, наслаждаясь вкусом губ любимого мужчины.

— Настюш... — хрипит мне на ухо, а я от тембра его голоса вся покрываюсь

мурашками. — Девочка моя... Хочу тебя адски.

Дальше руки Яра задирают мою футболку и почти оголяют грудь. Почти! Потому что в следующее мгновение на меня словно ушат ледяной воды опрокидывается. Все возбуждение испаряется, потому что слова Яра набатом звучат в моей голове: “Девочка моя... Хочу тебя... Хочу тебя”... Эти слова отрезвляют, потому что я их уже слышала от него. Вот только адресованы они были не мне, а той, кто стонала и извивалась под ним в тот момент также, как я сейчас... Боже, какая гадость!

— Слезь с меня! — грубо пытаюсь оттолкнуть Яра. Но разве сдвинешь эту глыбу! — Слезь! Отпусти!

— Насть, Насть! Что случилось? Ты чего? — непонимающе отстраняется от меня, заглядывает в глаза и то, что он видит в них заставляет его остановиться.

— Ты меня ни с кем не перепутал? — рычу в ответ, сильнее отталкивая от себя. К моему удивлению, мне это удается. Соскакиваю с кровати и отхожу от него подальше.

— Не понял, — тоже начинает злиться.

— Я тебе не очередная проходная девка, которых ты трахал в спальне на нашей даче! — срываюсь, вываливаю все, что у меня на душе. — Каждая из них была “твоей девочкой”. Каждой ты шептал, как сильно ее хочешь, — одинокая слеза срывается с ресниц и катится по щеке. Боже, дай мне сил не разреветься перед ним, прошу! — Ты бы хоть свои подкаты по-другому формулировал, а то звучит как заезженная пластинка.

— Настя... — смотрит на меня ошарашено, но в глазах мелькает понимание. Он только что осознал, что я видела его... с ними... — Я... Блядь! — ударяет кулаком по кровати, — я, блядь, просто не знаю, что сказать.

— А ничего и не нужно говорить! Все и так понятно. Ты на адреналине после стычки с наемниками, тебе нужно сбросить напряжение. А тут я под руку удачно попала, влюбленная в тебя дурочка. Так почему бы не воспользоваться, да? Так ведь ты хотел, Яр? — отчаянно кричу, уже даже не пытаюсь сдерживать слезы.

Развернувшись на пятках, выбегаю из комнаты. Спасибо Яру, не идет за мной. Не хочу! Не могу! Не могу его видеть!

Запираюсь в ванной, встаю под струи воды. Я ведь всегда мечтала быть для него единственной, а оказалась “одной из”... Дышу. Дышу... Немного расслабляюсь, хотя слезы все еще продолжают бежать по щекам. Но сейчас их скрывает вода. Так что это не считается. Не буду я из-за него плакать! Не заслуживает он моих слез! И бабочек этих в своем животе вытраплю! Достали!

Спустя почти час выхожу из ванной. Мне удастся взять себя в руки и хоть немного устаканить свое расшатанное состояние. В приоритете теперь только мысли о брате. Яр прав, Мишка крутой боец, у него отличная подготовка. Так что, думается мне, те, кто взял его в плен уже начинают сильно жалеть об этом. Ну или пожалеют в скором времени, если Миша поставит для себя такую цель. Он выберется. Я верю в него. А его группа ему поможет уйти оттуда невредимым, прикроет его.

В коридоре сталкиваемся с Яром. Прохожу мимо молча.

— На кухне чай и печенье. Позавтракай и выдвигаемся, — говорит строго, отстраненно. Так и хочется крикнуть в его невозмутимое лицо: “Что, не ожидал, что тебя отошлет малолетка, которую ты послал несколько лет назад?!” но я упорно молчу. Только киваю, проходя в кухню.

Через двадцать минут мы садимся в машину, которую пригнал какой-то проверенный

человек Егора, Мишиного командира. В полной тишине трогаемся с места.

Три дня пути...

Замкнутое пространство...

Ярослав и я...

Боже, дай мне сил выдержать эту поездку!

Настя

Мы заезжаем в мой родной город к ночи третьего дня пути. Уставшие. Все тело ломит, мышцы затекли. Но мне, однозначно, гораздо легче, чем Яру, ведь у меня была возможность периодически лежать, растянувшись на заднем сиденье.

Вся поездка прошла в относительном спокойствии. За исключением одного... Хм... пикантного момента. Я умудрилась облапать Яра во сне! Кошмар! До сих пор не пойму, как такое могло произойти. Это была вторая ночь в пути. Мы вымотались и я пересела назад, чтобы немного поспать. Яр продолжал рулить. Точно помню, что засыпала я одна, а вот проснулась практически лежа на Ярославе. И это лишь полбеды! Моя рука мирно покоилась на его вздыбленном члене. Находясь на границе сна и яви, пытаюсь понять как так вышло, что мужчина спит со мной, а главное, что это такое твердое упирается мне в ладонь, я еще и пожамкала эту твердость. Только потом, когда я услышала сдавленный стон Ярослава, поняла что я натворила. Отпрянула от него, будто обожглась. Но тот даже не проснулся. Продолжил спать, что-то тихо мурлыкая себе под нос и улыбаясь. За оставшееся время в пути, Яр ни разу не дал понять, что он в курсе моей маленькой “шалости”. Вот только его хитрый ухмыляющийся взгляд не дает мне покоя. Или я все же себя просто накручиваю?

Проезжая по знакомым улицам, понимаю, что соскучилась по своему городу. Не была тут год или около того. Вроде, и недолго отсутствовала, но тоска немного щемит сердце.

— Куда мы? — спрашиваю Ярослава, когда мы проезжаем нужный поворот.

— Ко мне, — невозмутимо.

— Но я не хочу! Вези меня ко мне. Я домой хочу.

— Насть, — тяжело вздыхает Яр. И, блин, я понимаю, что он устал! Понимаю, что я его достала и он уже на пределе. Но ехать к нему? Я не готова ступить на его территорию. — Слушай, у меня нет сил с тобой спорить сейчас. У тебя в голове твои тараканы явно голосуют против меня. Но если не хочешь добровольно, то у меня приказ от командира не везти тебя на твой адрес и не оставлять тебя одну. А выполнить оба пункта я могу только у себя дома. Поэтому разговор окончен, — говорит строго, но затем, видя мое замешательство и обиду за свой тон, добавляет уже чуть мягче: — Малыш, давай все споры и скандалы завтра, а? Я устал, ты устала. Поверь, ничего хорошего из нашего спора сейчас не выйдет. А вот завтра мы с тобой будем оба отдохнувшие и я с удовольствием предоставлю тебе свой мозг для орального прессинга.

— Морального...

— Что? — поворачивается ко мне и переспрашивает, хотя в глазах смешинки пляшут.

— Морального прессинга. Ты там... оговорился.

— Как знать... Оговорочка по Фрейду, — улыбается и подмигивает мне.

— Ладно, — сдаюсь. — Вези меня в свое логово разврата и порока.

— Фу! Что за мысли? — возмущается вполне искренне.

— А как называется место, куда ты водишь всех своих бесконечных баб? — черт, опять завожусь и начинаю огрызаться. Сильно меня задевает это. — Ты хоть дезинфекцию проводишь, после того, как выпроваживаешь очередную свою пассию?

— Чисто для информации, я не вожу к себе домой, как ты выразилась, своих пассий, — рычит на меня. — К твоему сведению, для подобных занятий есть другие места. Гостиницы,

например...

— Или наша дача...

— Блядь! — взрывается Яр, резко сворачивает в “карман” и останавливает машину. С чувством бьет по рулю несколько раз. — Блядь, да не должна ты была этого увидеть! Не должна! — поворачивается и орет на меня.

— Не. Смей. На. Меня. Орать! — холодно и тихо чеканю слова. Сама же еле сдерживаюсь, чтобы не начать истерить.

— Настюш, — заключаю мое лицо в свои большие и теплые ладони. В нос моментально бьет родной запах и хочется мурлыкать от такой мимолетной ласки. Прикрываю глаза, наслаждаюсь моментом, разумеется, делая вид, что мне все равно. Яр поглаживает мои скулы большими пальцами, чувствую на своих губах его горячее дыхание. — Родная, ну не мог я тогда... Не мог я с тобой... Понимаешь? И видеть ты этого всего не должна была. Мой косяк, признаю. Прости. Прости, малышка. Но сейчас ведь все по-другому, Насть.

— Да, Ярослав, — открываю глаза и отстраняюсь от него, вырываясь из захвата. — Ты прав, сейчас все по-другому. Сейчас мне все это неважно!

— Снова закрываешься и вредничаешь? — Яр осуждающе смотрит на меня. Затем заводит двигатель и трогается с места. — Ладно, посихуй, пока. Все равно ты моя. Остальное — фигня. Прорвемся.

Я молча смотрю на мелькающие дома и машины, потому что мне нечего сказать. Уверенность Яра в том, что мы будем вместе, непоколебима и это, если честно, почему-то греет мне душу. А вот мозг всячески этому сопротивляется. Отсюда и все мои истерики, крики, сомнения и обиды. Хотя, по большому счету, нет у меня права истерить и предъявлять ему за всех его баб. Мне было семнадцать, я была несовершеннолетней... И с чего вдруг я его оправдываю?! Я же не хочу, чтобы мы были вместе! Не хочу же? Блин, запуталась сама в своих чувствах...

— Приехали.

Молча покидаем машину, забрав с собой наши немногочисленные вещи. Подъезд. Лифт. Двери в квартиру. Сейчас я шагну на территорию Яра и отчего-то мне страшно. Вдруг я увижу тут то, что меня расстроит? Женские вещи, зубные щетки, резинки для волос...

Стоп! Стоп! Стоп! Хватит! Иначе изведу себя в конец.

Ярослав открывает двери ключом, распахивает и молча приглашает внутрь. Набрал в грудь побольше воздуха, шагаю через порог.

Щелчок выключателя и темный коридор озаряется светом. Серые стены, серый пол, серые двери. С одной стороны мрачновато, но с другой очень даже стильно. Прохожу дальше, сняв обувь. Мебель в гостиной холодных белых оттенков, светло-серый диван и кресла, шторы блэкаут темно-графитового цвета, пол такой же серый, под дерево. Минимализм. Смотрится очень круто. Чуть дальше замечаю еще одну дверь. Видимо, в спальню.

— Ну как? — тихо интересуется Ярослав, встав за моей спиной. — Потянет?

— Тут мило...

— Но?

— С чего ты взял, что будет какое-то “но”?

— С того, что я слишком хорошо тебя знаю. Жги, детка!

— Здесь все какое-то... холодное, что ли. Словно ты тут существуешь, а не живешь, —

пытаюсь сформулировать словами все, что чувствую, находясь здесь.

— Хм, в точку, Настюш. Я тут временно живу.

— То есть это съемная квартира?

— Ну почему же? Моя, — Ярослав отходит от меня, проходит к дивану и плюхается на него с высоты своего роста. Тихонько сажусь рядом, сдвинувшись в угол дивана прямо к подлокотнику. Жду продолжения его рассказа. — Купил ее, чтобы вложить деньги. Убитую в хлам. Сделал ремонт, но жить тут я не буду.

— А где будешь? — любопытно же, хотя понимаю, что не имею права задавать ему такие вопросы.

— Где буду? — Яр откидывается на спинку дивана и мечтательно прикрывает глаза. — Мы с тобой будем жить в нашем собственном доме, который я строю недалеко от города.

Это уже не в какие рамки! С чего вдруг он планирует наше с ним будущее? Да еще и так смело, решительно!

Сижу, смотрю на него и торможу себя, чтобы не начать скандалить. Он ведь просил дать ему отдохнуть сегодня. Да и упертый он, спорить с ним бесполезно сейчас. Яр считает, что то, что я сейчас его “слушаюсь”, это что-то значит. Что я приняла себя его девушкой. Но он ошибается. Я здесь только из-за брата и опасности, что нависла надо мной. Да, именно так. Дело осталось за малым — самой поверить в эту версию. Но я должна. Второй раз я просто не переживу, если он меня отошлет. Допускаю вероятность, что этого, может, и не произойдет, но... Ох, уж это “но”... Страшно мне. Очень. Боюсь снова обжечься и остаться с разбитым сердцем, которое второй раз склеить, может, и получится, но вряд ли оно будет жизнеспособным.

— Где я могу переодеться? — задаю вопрос, намеренно игнорируя его предыдущую реплику.

— Вон там спальня, — кивает в сторону двери, так и не открыв глаз. Устал... — Там в шкафу возьми любую футболку и штаны или шорты. Наверху чистые полотенца. Бери любое.

— Спасибо, — встаю с дивана и иду в указанном направлении. В спальне особо не заостряю внимание на обстановке, чтобы, не дай Бог, не заметить присутствие женщины тут. Я же тогда сразу в гостиницу сбегу, не догонит. Беру из шкафа первую попавшуюся футболку. Она пахнет Яром. Прихватив полотенце, снова выхожу в гостиную. — Яр, а где ванная?

В ответ тишина. Подхожу ближе и понимаю, что Ярослав крепко спит. Положив вещи на кресло, приподнимаю ноги Яра и аккуратно толкаю его на подушку, укладывая поудобнее. Стараюсь делать все без резких движений, чтобы не разбудить ни Яра, ни его инстинкты. А то еще не разберется спросонья, кто его тут тревожит, и зарядит мне в лицо кулаком. Нет уж, такого мне не надо. А потому, аккуратно уложив спящего мужчину, иду в спальню, стаскиваю с кровати покрывало и, вернувшись, укрываю им Ярослава. Пусть поспит.

Ухожу в ванную. Долго стою под теплыми струями воды, смывая с себя события прошлых дней. Успокаиваюсь. Удивительно, думала, что здесь, в квартире Яра, мне будет нервно и беспокойно, но все выходит наоборот.

Закончив с водными процедурами, иду в спальню, решив, что раз уж диван оккупирован мужчиной, то я могу лечь спать там. Подсушив волосы полотенцем, беру сухое из шкафа и кладу его на подушку. Нет сил ждать, пока волосы высохнут полностью, поэтому ложусь на кровать с влажными, но полотенце однозначно “спасет” подушку от промокания. Выключаю

ночник, комната погружается в темноту. Лишь тонкая полоска света из-под двери немного освещает комнату. Закрываю глаза, выдыхаю. Я тоже устала. Нужно набраться сил. Завтра будет новый день. Новая борьба со своими чувствами. И новая попытка восстановить разрушенную Яром броню, которая защищала мое сердце от боли и переживаний. Защищала от него...

Настя

— И что ты предлагаешь, Егор? — понимаю, что не имею права так разговаривать с командиром моего брата, но нервы сдают. — Просто сидеть, сложа руки, и ждать, когда голову Мишки мне по почте пришлют?!

— Ты не кипятишься так, я все понимаю и нет, мы не собираемся сидеть и ждать, — Егор Булгаков, командир и лучший друг Миши проявляет просто колоссальное терпение относительно моего поведения. — План по его спасению уже в разработке, ждем отмашки сверху.

— И когда же будет эта ваша “отмашка”? Егор, — голос срывается, слезы застилают глаза, — ты же понимаешь, что времени ждать нет. Прошу тебя, умоляю, придумай же что-нибудь.

Булгаков поднимается со своего места, обходит стол и присаживается на корточки у моих ног, берет мои руки в свои большущие ладони и растирает их, согревая. Странно, до этого момента я даже и не замечала, что замерзла. Нервное это все...

— Настен, услышь меня сейчас, пожалуйста. Я делаю абсолютно все, что моих силах. Поверь. Миха мне как брат. Да и для остальных ребят он не чужой. Мы подключили всех, кого могли. Подняли все свои связи. Мы вытащим его оттуда.

— Но вы можете не успеть...

— Успеем.

После этого выматывающего душу разговора, Егор отпаивает меня чаем, пока мы ждем возвращения Ярослава из отдела кадров. Так как его поездка за мной проходила по документам как рабочая командировка, он за нее должен отчитаться по форме. А это занимает немало времени. Его нет уже часа полтора. Мы с Егором болтаем, вспоминаем приколы из прошлого, связанные с Мишкой. Он всячески старается меня успокоить и отвлечь. За это я ему очень благодарна. И умом я понимаю, что уж он-то реально делает все возможное, чтобы помочь брату. Поэтому мне становится очень стыдно, что я на него так сорвалась.

Раздается громкий стук в дверь. Я вздрагиваю от внезапного звука, но тут же успокаиваюсь. Ярослав заходит в кабинет. По его лицу вижу, что он чем-то жутко недоволен. Брови нахмурены, челюсти сжаты, в глазах полыхает ничем неприкрытая ярость. Ума не приложу что его могло так разозлить. Хотя, я вообще его не понимаю, если честно. И ведет он себя странно. Сегодняшнее утро тому доказательство.

Ложась спать накануне вечером, я, конечно же, завела будильник на телефоне. Ведь еще в дороге мы с Ярком обсудили и договорились, что как приедем, сразу же поедem в управление, чтобы поговорить с Егором и узнать последние новости о Мише. Вот только проснулась я вовсе не от будильника, а от ощущения, что на меня кто-то пристально смотрит. Именно оно и выдернуло меня из сна. Распахнув глаза, я заметила Ярослава. Он стоял у изножья кровати и просто смотрел на меня. Молчал и смотрел. Мне стало не по себе от его странного задумчивого взгляда.

— Яр? — настороженно спросила его, — все в порядке?

Но он не отреагировал. Лишь его взгляд ощутимо переместился на мои губы. От волнения провела по ним языком, а Яр гулко сглотнул. Его взгляд был осязаемым. Кожа под

ним горела и покалывала. К своему стыду, я почувствовала, как лоно наполнилось влагой и начало пульсировать.

— Когда я до тебя доберусь, — прохрипел Яр, — пощады не жди! Из постели не выпущу, пока не компенсирую все годы ожидания... Заметь не “если”, а “когда”!

От его голоса у меня мурашки побежали по спине, тело само по себе задрожало, меня охватило непреодолимое возбуждение. Признаться честно, впервые Яр сказал мне нечто подобное — развратное, откровенное. Смысл его слов дошел до меня не сразу. Но затем... В тот момент я готова была сдаться. Я даже уже начала сбрасывать с себя одеяло, чтобы подняться и направиться к Яру в его объятия, но он ушел... Вот просто взял и вышел из комнаты.

Я успела встать, заправить кровать, прибраться в комнате, причесаться, а он все не выходил из душа. А когда вышел, от него несло таким холодом, словно он там в ванной со льдом валялся не меньше часа. И как только не отморозил себе ничего...

— Через тридцать минут выезжаем! — и это все, что он мне сказал за утро. Говорю же, странный он.

И вот сейчас стоит, смотрит то на меня, то на Егора и, клянусь, не только мне кажется, что дай ему волю, он кого-нибудь пришибет. Снова молчит. И я молчу. Раз уж мы играем в молчанку, то проигрывать я не собираюсь. Испепеляем друг друга взглядами. Закинув ногу на ногу, дерзко смотрю прямо в глаза Яру. Спустя мгновение уголок его губ дергается в подобии ухмылки. Он качает головой из стороны в сторону и опускает взгляд. Могу поклясться, что в этот момент я слышу беззлобное “Сучка!”. А, судя по смешку, что раздается сбоку от меня, не одна я это слышу.

— Кабинет мне не спалите, голубки, — прикалывается Егор, встает и отходит по другую сторону стола. В этот момент Яр немного расслабляется. Меня же, наоборот, подрывает на одном лишь слове. “Голубки”! Что еще за “голубки”?!

— Что за бред?! Никакие мы не “голубки”! Еще чего! Пф... — даже сама понимаю, что слишком уж явно отрицаю.

— Ну-ну, — продолжает забавляться Булгаков. — Я заметил...

— Да что ты...

— Егор, завязывай, — Яр ухмыляется и усаживается рядом со мной, внаглую отпивает чай из моей кружки. У меня от этого хамского, бесцеремонного жеста просто дар речи пропадает. — Ты позабавишься, а мне с этой бестией в одной квартире ютиться. Лишиться же медика... — они оба начинают откровенно ржать, а я только и успеваю, что глазками хлопать. Яр аккуратно подносит свою руку к моему лицу, проводит ей снизу по подбородку, приподнимая его. — Прикрой ротик, солнышко, а то муха залетит.

— Да как ты... — чую, сейчас просто взорвусь от негодования.

Набираю в грудь воздуха, чтобы выдать все, что думаю об этих двух... двух... Ух, даже не знаю, как их назвать! Но сказать ничего не успеваю, потому как мне попросту не дают это сделать. Яр, резко подскочив со своего кресла, притягивает меня за затылок и целует. Прямо при Егоре! Боже! Язык Ярослава вытворяет какие-то невероятные вещи, будто гипнотизирует. Иначе не назвать, ведь уже спустя несколько секунд от моего яростного сопротивления не остается и следа. Я чувствую, что просто расслабляюсь в его объятиях и все окружающее уходит даже не на второй, на десятый план. Ловлю себя на мысли, что обнимаю Яра, когда кончики пальцев немного покалывает от того, что я поглаживаю его короткостриженный затылок.

— Хм-хм...

Не так давно в одной научной статье прочитала о специальных браслетах для коррекции поведения. Точнее, изначально они были разработаны именно для этой цели, но позже технологию перекупили и теперь на базе ее создают браслеты на ногу для заключенных, находящихся под домашним арестом. Суть такова, что если условный заключенный выходит за рамки установленного периметра, браслет шарашит его током так, что тот аж подпрыгивает с визгом.

Так вот сейчас это деликатное покашливание, доносящееся со стороны Егора, оказывает на меня аналогичный эффект. Не знаю откуда у меня берутся силы, но мне все же удастся оттолкнуть Яра и отпрыгнуть от него на безопасное расстояние.

Губы зудят от страстного поцелуя, во рту все еще вкус Ярослава, меня колотит от стыда и возбуждения. И я сейчас не могу сказать, какое именно чувство преобладает во мне. Но внутренний голосок ехидно подсказывает, что вовсе не стыд... И снова эти гадские бабочки!

— А ты, я смотрю, вообще безбашенный экстремал, — Егор задумчиво трет подбородок, обращая свой взгляд на Яра. — Думаю, что все же есть смысл запросить медика на замену. На всякий “пожарный”, так сказать.

— Ага, — довольно соглашается Костров. — Не она, так Миха добьет.

— Да уж! Про Миху-то я и не подумал. Ох, и не завидую я тебе, Лазарь. Попал ты конечно...

— Да давно уже попал, — соглашается Яр, а я все стою и понять не могу о чем они. Еще и “Лазаря” какого-то приплели.

— А ничего, что я тоже тут? — возмущенно высказываюсь из своего уголка, куда отошла от греха подальше. А то чем черт не шутит, опять Яр набросится на меня, а отказывать ему раз за разом становится все сложнее...

— Ничего, Настюш. Ты нам не мешаешь, — угорает надо мной Ярослав.

— Вообще-то, это был риторический вопрос!

— Вообще-то, — копирует мой голос Яр. Снова! Бесит! — Я в курсе!

— Вообще-то, валили бы вы из моего кабинета. Оба! — Егор прерывает нашу перепалку. — Мне работать надо. Но сначала слушайте сюда! Ты! — указывает на Яра, — глаз с нее, — указывает на меня, — не спускаешь. Никуда ее одну не отпускаешь. А лучше пусть дома посидит дня три, пока мы Миху вытаскивать будем.

— Принято, — кивает Костров.

— Теперь ты, — смотрит на меня и замолкает. — Просить тебя вести себя хорошо и слушаться Яра бесполезно, да? Не отвечай, это так, мысли вслух. Сидишь в квартире Ярослава, носа никуда не показываешь, никому не звонишь и не пишешь со своего телефона. А знаешь что, оставь-ка его лучше тут, у меня в сейфе полежит.

— Нет! — возмущаюсь и прижимаю к себе смартфон как самую родную вещь на свете. — Там же вся моя жизнь!

— Печально, конечно, что вся твоя жизнь заключается в этом, — указывает на телефон, протягивает руку, — но это для твоей же безопасности.

Отдаю свой телефон Егору, он тут же его выключает и кладет в сейф. Взамен дает мне старинный кнопочный телефон.

— Вот, держи. Тут забиты наши номера. Яра, мой, — перечисляет, — Ромыча и Макара.

— А эти двое там нахрена? — рычит Ярослав.

— Так надо!

— Не надо! — спорит.

— Это приказ! — сурово басит Булгаков и к моему удивлению Яр кивает и замолкает. Круто! Вот это “волшебная кнопка”. Надо будет как-нибудь попробовать и протестить эту заветную фразу на Кострове. Вот он будет в шоке! — В случае, если мы с Яром недоступны, набираешь этим двум.

— Понятно, — вяло соглашаюсь. Ну, а куда деваться. Мне сейчас только соглашаться и приходится. — Егор, а, может, я все же в гостинице поживу, если домой нельзя? Или на даче? Я даже выходить никуда не буду, честно-честно. Рому или Макара попрошу, чтобы они мне продуктов привезли и буду сидеть, как затворница. Обещаю. Можно? — достаю из арсенала свою самую жалостливую “моську” и направляю на Булгакова.

— Неа, не прокатило, — смеется Егор. — Тобой рисковать нельзя. Мне Миха голову скрутит, если с тобой что-то случится. А затем приделает ее обратно и снова скрутит. Да и, к тому же, у меня дома такая же вот сидит и каждый день такими рожицами меня разводит на то, что ей нужно. У меня иммунитет.

— Черт! — смеюсь, — но не попытаться я не могла.

— Отлично получилось, кстати, — Егор щелкает меня по носу, как делал это с давних времен, когда я была совсем маленькой девчонкой. — Далеко пойдешь, манипуляторша. Все, забирай, Отелло!

Отелло? Это он Яру, что ли? Поворачиваюсь и снова натыкаюсь на бешеного Кострова. Что опять не так-то?! Надо бы ему валерьяночки попить курс, а то и два. Совсем нервишки расшатались у мужика.

Схватив меня за локоть, не самым аккуратным способом, конечно, но возмущаться сейчас — это чистой воды самоубийство, ведет меня к машине. Молчит. Меня начинает напрягать его молчание. Лучше бы орал на меня, а то так фиг знает, чего от него ожидать. В машине тоже молчит до самого дома. Прорывает его уже в квартире.

Стоит только двери захлопнуться, как на меня налетает ураган! Яр прижимает меня к стене всем своим телом. Я чувствую, как мне в живот упирается его напряженный член. Он смотрит мне в глаза и я понимаю, что это конец! Конец его выдержке и контролю. На меня сейчас смотрит совершенно обезумевший Ярослав. Я молчу, чтобы не спровоцировать его еще сильнее. Хотя, куда уж сильнее! Между нами и так воздух уже искрит и потрескивает. Яр рвано дышит. Он настолько близко от меня, что я вдыхаю каждый его выдох. Несмотря на ситуацию в целом, на мое положение в данный момент и состояние Яра, я все же нахожу это странно возбуждающим. На меня все это действует словно мощнейший афродизиак, впрыснутый прямо в кровь. Каждая клетка моего тела пульсирует. Организм работает на пределе. Кожа пылает. Кажется, проведи Яр по мне рукой, я вспыхну.

От частого прерывистого дыхания сохнут губы. На автомате облизываю их и по привычке закусываю нижнюю. Этот жест привлекает внимание Ярослава. По его расширенным зрачкам, заполонившим всю радужку, понимаю, что вот он, тот самый триггер... Спусковой крючок, что активирует в Яре режим безумия. Он грубо набрасывается на мою шею и всасывает нежную кожу. Затем прикусывает ее и снова всасывает, наверняка, оставляя на ней яркий след. Будто свое клеймо на мне оставляет.

— Моя! — рычит мне прямо в губы и затягивает меня в глубокий, развратный поцелуй.

Яр

Настя дрожит. И эта ее дрожь — самое сладкое доказательство ее возбуждения. Она хочет меня также, как и я ее. Противится, упрямится, но хочет. Знаю, что любит. Это видно в каждом ее взгляде на меня, в каждом прикосновении. Тогда к чему все эти игры, не пойму? Нахрена приплетать этих двух балбесов? Рычу ей в губы, покусываю их. Бесит, сучка! Как же она меня бесит! Придушил бы нахрен, да только сам потом подохну ведь без нее! Угораздило же вляпаться в малолетку! Наглуую, своенравную, бесячую малолетку!

— Сучка! — хриплю, едва прерываю поцелуй, чтобы позволить Насте вдохнуть. — Нахера все это устроила, а? — со всей дури луплю рукой по стене вблизи ее лица. Она вздрагивает и шире распахивает глаза.

— Ты что творишь? — вспыхивает за мгновение. Бестия! — Какого черта вообще происходит?! Ты совсем обнаглел, Костров? — бьет меня своими маленькими кулачками в грудь, а мне и такая ласка от нее приятна. — А ну отвали от меня!

— Мечтай! — заявляю, грубо прижимаю к себе и сминаю ее попку, обтянутую джинсами. Сорвать бы их с нее. Один хрен, ни черта не скрывают. Только мужиков распяляет своими шмотками. Вот, двое уже повелись!

Вспоминаю разговор с Ромычем и Макаром. Блядь, чуть с катушек не слетел, когда Мак высказал свое гребаное мнение о том, какая Настя стала “клевая девчонка” и что он всерьез задумывается с ней замутить. Как не убил его, сам не понимаю. Благо, Ромыч стоял рядом и что-то такое прочел в моих глазах, что тут же осадил брата. А меня еще долго штормило после этого. Пока заполнял отчет по командировке в отделе кадров, пока шел в кабинет к командиру. И вот, вроде, в пылу привычного спора с Настей в кабинете у Егора меня немного отпустило. Пока Егор не отдал Насте телефон с номерами для экстренной связи, среди которых оказались и номера ребят. Меня снова накрыло. А потом эта коза сама заговорила о Ромке с Макаром. Типа свалит к себе на дачу, а эти два брата-акробата будут ей продукты возить, да развлекать ее там. Жить она со мной, видите ли, не хочет! Это стало последней каплей. Еле дотерпел до дома, чтобы высказать ей все. Думал, придушу прямо у двери, а вышло... Вышло то, что чуть не трахнул ее там же...

Остановился лишь потому что вдруг понял каким мудаком буду выглядеть в ее глазах, если не тормозну и возьму ее там, где мы стоим — в коридоре у стены. Она ж не девка проходная. Она моя... Моя! Но, блядь, какого хера эта “Моя” вдруг тянется к другим мужикам?! Что за тяга к Макару с Ромой?

— Какого хрена у вас с Маком происходит? — ору на нее, срывая злость и неудовлетворение.

— Чего? — удивляется, — Совсем крыша поехала? С чего вдруг такие вопросы?

— Так ты ответь, а не юли!

— А я должна отчитываться перед тобой о том, что меня связывает с другими мужчинами? — еще и дерзит коза! Знает же, что с огнем играет. Видит и все равно продолжает. Понимаю, что давить бесполезно, в позу встала. Надо мягче. Может, тогда услышу ответ на свой вопрос.

— Не отчитываться, — сбавляю обороты, — просто ответь, прошу. Я сегодня другу чуть рожу не разбил за то, что он сказал. И тут еще ты темнишь... — прижимаюсь лбом к ее лбу,

смотрю в глаза, ищу там ответы.

— Так это из-за него ты все это здесь устроил? — злится. Только в глазах помимо злости еще и разочарование таится. — Что он сказал тебе такого, что ты с катушек слетел, психопат?

— Мак сказал, что ты классная девчонка и он намерен начать за тобой ухаживать, — скрипя зубами сознаюсь. Жесть. Проговорил это вслух и сам понял ответ на свой вопрос. Нет у них ничего, раз он только “собирается”. — Я ревнивый идиот, да?

— Есть такое! — Настя смеется, протягивает руки и обнимает меня. Сама. Кайф. — Хочешь правду? — говорит шепотом, я киваю. — Между мной и Маком ничего нет и никогда не было. Как и с его братом. Так, болтали и угорали, в основном, когда вы все тусили с Мишей. Ничего более.

— Спасибо, — говорю и прижимаюсь губами к ее нежным губам. Не отталкивает, поддается. — Хочешь тоже правду?

— Угу, — соглашается, но не спешит отстраняться от меня, гладит своими губами мои. Бля, нежность запредельная. Можно мне застыть в этом моменте и остаться тут подольше? Но, спустя мгновение, Настя все же отстраняется от меня и смотрит вопросительно, ожидая той самой “правды”.

— Все, что тут только что произошло, это не из-за Мака, — считаю нужным прояснить ситуацию, чтобы Настя не напридумывала себе всякой херни. У нее фантазия ого-го, а мне потом снова разгребать. — Точнее, не только из-за него. Из-за тебя... Из-за меня... Из-за нас! Не мог больше сдерживаться. И так был на пределе. Столько времени проводить практически наедине с девушкой, которую люблю и адски хочу, но она все никак не сдается и не подпускает к себе... — сам не замечаю, как перехожу на хриплый шепот, глажу лицо своей девочки ладонями, постепенно переходя на нежную шею, — а тут еще друг делится своими намерениями в ее адрес...

— Понятно... — также тихо отвечает Настя, подставляясь под ласку, словно кошечка.

— Настюш...

— М? — глаза прикрыты.

— Разреши, малыш?

— Что разрешить?

— Разреши тебя любить, маленькая? Хватит бегать, а? Мучаешь же не только меня, но и себя. Позволь уже “нам” случиться... — не дожидаясь ее ответа, снова целую. Теперь не грубо, не властно, как было до этого. Я немного успокоился и теперь хочу, чтобы девочка почувствовала всю мою нежность, на которую я способен. Только для нее.

— Страшно, Яр...

— Чего боишься, Настюш?

— Тебя... Я боюсь тебя.

Вот это новости! Стою в ступоре. Настя ловит этот момент, подныривает под мою руку и выбирается из моего капкана. Отходит от меня на пару шагов, а чувство, что на другую планету умотала. Так и хочется вернуть обратно, на свое место. Стоит ведь только протянуть руку и... Но я стою, не двигаюсь. Давить нельзя! Хватать нельзя! Будем разговаривать!

Снимаю куртку, вешаю в шкаф, разуваюсь. В пылу нашей небольшой пикантной сцены даже не подумал о том, что все еще в кроссовках и верхней одежде. Настя тоже еще в куртке. Подхожу к ней медленно и аккуратно, чтобы не спугнуть. Захожу за спину, кладу руки ей на плечи. Она вздрагивает. Стягиваю с нее куртку, стараюсь не прикасаться к ней, чтобы не

нервировать ее еще больше. И так вон всю трясет. Я понимаю, что она имела в виду, сказав, что боится. Сам понимаю, что косяков за мной много. Но как ей объяснить, что тогда по-другому поступать я не мог?

Ладно, разберемся. Будем действовать по ситуации.

Беру Настю за руку, молча веду в гостиную. Напрягается, останавливается и пытается выхватить свою руку.

— Я не пойду! — заявляет взволнованно и даже немного испуганно.

— Куда ты не пойдешь? — реально не понимаю ее напряга.

— В спальню... Я не пойду с тобой в спальню!

— Я тебя туда и не тащу, — подхожу и обнимаю ее. Риск, говорят, благородное дело. Вот и я рискнул. Обнял и меня не оттолкнули. Наоборот, Настя прячет личико у меня на груди, обнимает в ответ. — Малышка, давай поговорим, а? Я понимаю, что много чего натворил и у тебя есть полное право мне не доверять и бояться прыгать в этот омут под названием “отношения и брак”...

— Брак? — слышу удивление в ее голосе. Настя поднимает голову, встречаемся взглядами. Есть контакт!

— Ну, а ты думала!?! — подмигиваю, чтобы немного разрядить обстановку. Всерьез задумываюсь над тем, а не перейти ли мне в саперы? Опыт обезвреживания бомб замедленного действия у меня будет огромный. Настя мне его обеспечит. — Я был серьезен, когда говорил, что ты моя. Когда говорил, что строю для нас дом. Не для себя и какой-то там девушки в будущем, а для тебя и меня, для нашей семьи. — Настя продолжает смотреть на меня и внимательно слушает. Кстати, уже и не выглядит как загнанный зверек. Немного расслабляется в моих объятиях. Смелею и начинаю поглаживать ее по спине, с каждым движением спускаясь все ниже... Хочу! Хочу снова вернуть ту возбужденную, чувственную малышку, что полыхала от желания там, в коридоре. — Я прошу тебя дать мне шанс... Дать нам шанс! Ты же знаешь, что по отдельности мы не сможем быть по-настоящему счастливыми. Только вместе. Так доверься мне... — наклоняюсь, практически прижимаюсь к ее губам в надежде, что не оттолкнет. — Не бойся, доверься мне, Настюш... Я не подведу.

— Обещаешь? — робко спрашивает моя девочка.

— Клянусь! — говорю и, наконец, целую желанные губы.

Настя не сопротивляется, отвечает на поцелуй. Ее язычок проходится по моим губам, даря невероятную ласку. Казалось бы, не самый пошлый жест, но член готов порвать штаны. Притягиваю свою любимую девочку к себе максимально близко. У меня тело совершенно отказывается подчиняться мозгу. Мозг кричит “аккуратнее, не спугни!”, а руки бесстыдно трогают, гладят, мнут желанное тело, податливо подставляющееся под мои не самые нежные сейчас прикосновения.

Тихий Настин стон срывает к чертям все барьеры. Подхватываю ее под попку, она тут же крепче цепляется за мою шею и обхватывает меня ногами. Одной рукой придерживаю ее за талию, другой фиксирую затылок и, не прерывая поцелуй, на ощупь, не глядя, иду в сторону спальни. Да, знаю, Настя не хотела туда идти. Но не в гостинной же продолжать...

Ногой открываю дверь спальни, подхожу к кровати и аккуратно укладываю на нее свою драгоценную ношу. В спальне полумрак, но мне отчетливо видны Настины испуганные глаза. Черт! Неужели поспешил? Но ждать я уже просто не мог! Ну это же издевательство какое-то! Я уже руки себе стер драть в ванной по три раза в день! Так себе, конечно, оправдание. Но, как говорится, что имеем...

Чтобы не дать Насте возможности передумать, падаю рядом с ней на кровать и вновь припадаю к ее губам. Подмяв под себя, целую жадно, рязвязно. Распаляю Настю так, чтобы у нее и мысли не было остановить меня. Знаю же, что и сама хочет. Тело ее не просто говорит за нее, оно кричит! Чувствую, как Настя расслабляется подо мной, гладит меня по спине и затылку. У меня мурашки от того, как она, запустив руки под мою футболку, проходится ноготками по моей коже. Бля, да я готов только от этого кончить. Но рано! Рано!

Нехотя отрываюсь от сочных розовых губ, что припухли от поцелуев. Уверенно смотрю Насте в глаза и расстегиваю сначала пуговицу на ее джинсах, затем и молнию. Медленно веду бегунок вниз, давая ей возможность меня остановить. В душе, конечно же, надеюсь, что она не тормознет меня. Но...

— Постой! — Настя хватается меня за руки, останавливая. Нервничает, закусывает нижнюю губу и взволнованно смотрит на меня. — Подожди, Яр, Яричек... — шепчет.

— Малышка, — торможу себя и не даю себе психовать. Это же Настя, моя девочка. Понятно, что волнуется. Значит, надо успокоить. — Ну чего ты так напряглась вся, — возвращаюсь к губам. Ласкаю и нежно целую, ловлю ее шумное, рваное дыхание. — Я люблю тебя, девочка моя. Меня сейчас просто разорвет, если я не окажусь в тебе. И это будет на твоей совести! — кусаю ее за ушко, а Настя тихо хихикает. Снова расслабляется в моих руках. — Ах, тебе смешно? — еще укус и тут же зализываю его, наблюдая, как нежная кожа покрывается мурашками.

— Ай, щекотно, Яр! — смеется, а сама подставляет шейку под мои губы. — А-а-ах... — а вот это уже был стон. Да такой томный, хриплый и порочный, что у меня сердце удар пропустило.

— Ну так что? Будешь брать грех на душу, м? — просовываю руку под ее футболку, поглаживаю животик, дохожу до груди, слегка сжимаю.

— Что-то не хочется мне так грешить...

— Это значит “да”? — приподнимаюсь, смотрю ей в глаза. Там уже нет страха, там желание... — Можно?

— Да... — резко стягиваю с нее футболку, бросаю на пол, следом летит лифчик. У меня руки трясутся от предвкушения. Сам себе завидую, что вот уже через несколько минут я окажусь внутри той, о ком бредил и мечтал столько лет. Тянусь к молнии на джинсах...

— Подожди! — да ну нахрен! Снова?

— Ты смерти моей хочешь? — припадаю лбом к ее животу и в буквальном смысле выстанываю свой вопрос, потому что яйца уже просто ноют дикой болью от накопившейся спермы, а член ломит от стояка и невозможности получить разрядку. А эта застранка смеется!

— Мы, кажется, уже обсудили, что я такой грех на душу брать не стану, — поглаживает меня по лицу, когда я поднимаю голову и смотрю на нее. Снова волнуется. — Просто... просто я сказать хотела...

— Что? — спрашиваю тихо, чтобы не спугнуть, потому как там явно какое-то важное откровение будет. — Я слушаю, Настюш.

— Я... — мнется, закрывает лицо ладонями и сквозь них я слышу то, чего вообще не мечтал от нее услышать. — Я тоже тебя люблю... Просто решила, что ты должен знать.

— Хм... я хоть и знал это, — подтягиваюсь выше, аккуратно отвожу Настины ладони от ее милого личика, — но все же услышать от тебя в сотни раз приятнее. Люблю тебя.

А дальше я просто даю себе полный карт-бланш. Точнее, его мне дала Настя своим

признанием. Я лишь его реализую.

Спускаюсь поцелуями от Настиных губ к шее, плечам. Ниже... У нее просто охренительная, умопомрачительная грудь! Втягиваю в рот один сосок, Настя стонет, выгибается мне навстречу. Второй рукой массирую другую грудь, продолжая ласкать языком, посасывать и покусывать первую. Подарив смачный поцелуй второй груди, наконец, добираюсь ниже. Джинсы... Дабы снова не услышать “Постой”, просто срываю их к хренам вместе с трусиками. Настя ошарашенно ойкает, но ее “Ой!” сменяется сладким, томным “Ах!”, когда я наклоняюсь и провожу языком по ее мокрым складочкам, собирая влагу. Она такая мокрая там и вкусная... Осознание того, что Настя течет от моих ласк, от того, что желает меня, напрочь срывает башню. Несколько раз щелкнув языком по напряженному клитору, отстраняюсь под ее разочарованный вздох. Но лишь на минуту, чтобы стянуть с себя всю одежду.

Футболка — долой! Джинсы стаскиваю с себя вместе с боксерами. Член шлепает головкой по животу. Морщусь от внезапной вспышки боли. Обхватываю его ладонью, провожу несколько раз вверх-вниз.

Возвращаюсь на кровать к своей девочке. Накрываю ее собой, устраиваюсь между ее разведенных ног. Веду головкой между блестящих от смазки складочек, надавливаю ей на клитор. Настя хрипло стонет. Наклоняюсь, целую ее, имитируя языком все то, что буду делать в ней членом.

— Насть, я чист. Можно без резинки, а? — отрываюсь от сладких манящих губ, задаю вопрос. Опускаю одну руку ниже и большим пальцем ласкаю клитор, чтобы градус Настиного возбуждения не спадал. Хоть бы согласилась? Я так долго ее хотел, что совсем тяжело от мысли, что впервые попробую ее через презерватив. — Хочу по-настоящему, по-живому. Кожа к коже...

— Дааа... — не то ответ, не то стон... Будем считать ответом.

Встаю на колени между Настиных ног, подтягиваю ее ближе. Блядь, какая же красивая! Везде! Раздвигаю пальцами нижние губки, направляю член в узкую, розовую дырочку, которая сочится смазкой. Как только головка входит, на секунду замираю, наслаждаясь теплом и теснотой, а потом делаю резкое движение бедрами вперед, входя полностью, на всю длину. Меня оглушает Настин крик. И это, блядь, уже не стон. Так не кричат, когда приятно! Так кричат, когда больно. Да ну нахрен!

— Насть? — хриплю, глядя на то, как из уголков ее глаз вытекают слезинки. — Я первый?

Настя

— Насть, я первый? — взгляд Яра обеспокоенный и какой-то нервный.

Черт! Надо что-то сказать такое, чтобы он не останавливался. Не хочу! Не хочу лишаться этого невероятного чувства наполненности, пусть даже немного болезненной, и близости. Да и к чему вообще этот вопрос?! Он ведь и сам понял. Тут и гадать не надо. Даже я со своим весьма скудным опытом могу точно определить признаки того, что мужчина лишил девушку девственности. А он еще и спрашивает... Ладно, пора объясняться, а то он уже подрагивать начинает не то от волнения, не то все же от нехилого такого возбуждения, ведь его член по-прежнему во мне и он, надо сказать, очень тверд. Боже, да он огромный просто. Я, когда его увидела только, первое, о чем подумала, что он сто процентов во мне просто не поместится. Но нет, вошел как по маслу с учетом того, насколько я была мокрой там... Знала, что будет больно, но не ожидала, что настолько. Но плевать на боль, она мимолетна. Это ведь Яр. Мой Яр!

— Насть? — снова зовет, выгибая бровь. — Ничего не хочешь мне сказать?

— Хочу... — каваю и набираю в грудь воздуха, чтобы начать. — Но только при одном условии!

— Любопытно. И каким же будет это твое условие? — мне кажется или Яр начинает злиться? Блин, вот злость его мне сейчас точно не нужна.

— Не выходи... Пожалуйста... — прошу тихо, прикрывая глаза и притягивая его к себе поближе. Чтобы губы к губам. — Пожалуйста...

— Тише, малыш. Я тут, — успокаивает Яр и нежно целует. Глажу его спину, он урчит словно кот. Такой близкий... Такой родной... На ресницах снова собираются капли слез и стекают по щекам. Яр ловит их поцелуями. — Почему не сказала? Я бы...

— Ты бы тогда не стал? — перебиваю и распахиваю глаза. Смотрю прямо на него. — Не стал бы говорить того, что сказал? Не сделал бы меня своей?

— Дура ты, Настя! — вот вроде и ругается, и обзывается, но взгляд при этом такой теплый и нежный. А еще улыбка с лица не сползает. — Вот умная же, а дура. Как так? — вопрос, судя по всему, риторический, так как от меня ответа никто не ждет, он сам продолжает говорить. — Люблю тебя до гребаного умопомрачения! И все бы было! И сказал бы все, что сказал! Ты уже моя! Давно и ты это знаешь. Бунтуешь, сопротивляешься, но себя-то не обманывай! Просто...

— Что?

— Просто сделал бы все по-другому! Красиво, нежно... Это же твой первый раз! Блядь! Охренеть! Я даже и не надеялся, родная... — целует так трепетно, с надрывом, что у меня сердце ускоряется и по телу бегут мурашки. — А сейчас тебе больно... Я сделал больно... Ну какого хрена ты не сказала, а?

— Яричек, я не сердись, пожалуйста. Не хотела я, чтобы ты со мной носился, как с хрустальной! Я тебя настоящего хотела и хочу! А боль... Боже, Яр, я ведь не глупая. Пусть и девственница...

— Была! — ухмыляется и немного расслабляется.

— Хм... Да, была... Так вот, я знала, что будет немного больно и, может, поначалу неприятно. Но это... Это же ты, Яр! — шепчу и сильнее прижимаюсь к нему. — Я же люблю

тебя столько лет, я мечтала о тебе, но ты раз за разом от меня отказывался...

— Я не отказывался, родная! Я не мог! Тебе было семнадцать, Настя! Семнадцать! И ты сестра моего друга!

— Это все уже неважно, Яричек, — целую любимые губы, — важно, это именно ты! Ты стал первым и плевать мне на боль! Главное, что это ты... ты...

— Настюш, — голос Яра совсем хриплый, тихий, низкий. Такой, что отдается сладким удовольствием в каждой клеточке моего тела.

— Мне уже не больно, — спешно шепчу в страхе, что он отстранится сейчас от меня и не захочет продолжать. Он ведь врач. Клятва Гиппократа и все такое... Не навреди... А мне страшно вновь почувствовать внутри себя пустоту без него. — Только не уходи! Не выходи...

— Не дождешься! — рычит мне в губы Яр и делает первый мощный толчок.

— А-а-ах! — с губ срывается стон. Вцепляюсь в плечи любимого и двигаю свои бедра ему навстречу. Ближе... Глубже... — Еще...

— Люблю тебя...

— Люблю...

С каждым новым толчком удовольствие, что немного притупилось с возникновением боли от разрыва последней преграды между нами, постепенно возвращается. Тело снова начинает полыхать от каждого прикосновения Яра, от каждого поцелуя или укуса. Он нависает надо мной, такой огромный, сильный, тяжелый, но тяжесть его тела сейчас для меня самое приятное, что я когда-либо испытывала в жизни. Он, не отрываясь, смотрит мне в глаза и в них столько чувств, столько эмоций. Яр смотрит сейчас на меня так, словно я весь его мир. Отвечаю ему тем же.

Мое тело уже полностью подстроилось под темп движений Ярослава. Бедра сами собой двигаются навстречу каждому толчку. Я уже не могу сдерживаться, кричу практически в голос, ведь это же просто невозможно! Невозможно хорошо! В предвкушении наивысшего наслаждения, очень отчетливо ощущая момент его приближения по тому, как все внутри меня начинает пульсировать и сокращаться, прикрываю глаза, чтобы пережить этот невероятный взрыв удовольствия. Но, как только мои веки смыкаются, слышу рычание Ярослава.

— Открой глаза, Настя! Смотри на меня! — послушно открываю глаза и впиваюсь взглядом в глаза любимого. Боже, в них просто ураган! — А теперь кончай! Кончай подо мной, девочка! — командует и впивается в мой рот.

В этот момент я взрываюсь! Волна огушительного удовольствия прошивает все тело, от макушки до кончиков пальцев на ногах. Я кричу. Яр поглощает не только мои крики, но и мое дыхание, не прерывая поцелуй, пока я бьюсь в агонии собственного удовольствия. Яр же, не прекращая своих движений, не прерываясь ни на секунду, продлевает мой оргазм. Первый в жизни оргазм, полученный в объятиях любимого мужчины... Он такой долгий, тягучий, мучительно приятный. Я ощущаю, как мои внутренние мышцы сжимают член Яра, который в последние несколько мгновений будто увеличился в размерах и теперь задевает какие-то совершенно нереальные точки в глубинах моего тела, о существовании которых я даже не подозревала. Скорость толчков немного замедляется, но они становятся мощнее. Я слышу пошлые звуки, что издают сейчас наши тела, но они меня не смущают. Я хочу существовать в этом моменте как можно дольше. Не хочу, чтобы это заканчивалось.

— Поцелуй... Прошу, поцелуй меня, Яр...

И он целует. Впивается в мои губы, нагло, по-собственнически, пропихивает свой язык

в мой рот и в буквальном смысле повторяет им движения своего члена во мне. Я теряюсь... Я тону в этих ощущениях... Чувствую, что новая волна удовольствия подкатывает к самому низу моего живота и импульсами бьют в точку соединения наших тел.

— Давай, малыш... Еще разок... Кончи для меня!

И я снова послушно выгибаюсь в руках любимого мужчины. Моего мужчины. С губ срываются постыдные стоны, перемежающиеся с именем Яра. Тело дрожит и покрывается испариной. На краю сознания понимаю, что вцепилась в плечи мужчины слишком сильно, оставляя следы. Но и эти мысли отходят на второй план, когда Ярослав делает несколько резких, даже немного грубых толчков, а затем спешно выходит из меня и, запрокинув голову и прикрыв глаза, с невероятно брутальным, мужским стоном кончает, выплескивая свое удовольствие мне на живот и грудь, продолжая стимулировать рукой свой член. Зрелище нереально красивое и завораживающее.

Я наслаждаюсь этой картинкой. Яр невероятно красив в своем удовольствии. Но меня резко накрывает стыд, когда я замечаю на его члене, руке, которой он ласкал себя, и его бедрах заметные красные мазки. Моя кровь...

От Ярослава не ускользает изменение моего состояния. Он смотрит туда, где застыл мой взгляд и сразу понимает причину моего замешательства.

— Ты испачкался... — говорю тихо и зажмуриваюсь.

— Нет, Настя! — снова этот командный, властный тон, — я не испачкался. Да, это твоя кровь. Твоя девственная кровь на мне... — он снова опускается на меня и развязно проводит языком от плеча по моей шее до уха, оставляя мокрую дорожку. — И мне башню от восторга срывает от осознания, что я единственный, кто был вот тут... — не отрываясь от моего уха, опускает руку и поглаживает меня между ног, задевая чувствительные точки. — Секс — это пошло и грязно, но правильно! То, что происходит между нами во время секса — правильно и в постели нет места смущению. Ты быстро привыкнешь, малыш, потому что секса у нас с тобой будет много... очень... очень... много... — на каждом слове поцелуй.

— Но... — вспоминая о небольшом дискомфорте от проникновения, хочу сказать, что сегодня я к таким подвигам не готова, но Яр будто читает мои мысли.

— Но не сегодня, Настюш, — ложится рядом, жадно рассматривает мое обнаженное тело и брызги спермы на мне, а затем размазывает ладонью свое семя, втирая его в мою кожу, — хочу, чтобы ты пахла мной, вся пропиталась снаружи и изнутри, — продолжает Яр, с восторгом наблюдая, как его сперма впитывается в мою кожу. — Хочу кончать в тебя... Не выпускать из постели...

— Прямо так и не выпускать?

— Я ведь предупреждал тебя, — поднимает на меня свой хищный взгляд, — что как только доберусь до тебя, то долго не сможешь покинуть нашу постель.

— Яричек, любимый, а можно хотя бы через пару дней начать, а?

Ярослав резко меняется в лице. От его расслабленности не остается и следа, вмиг сильное тело напрягается.

— Тебе больно?

— Немного, не переживай, — прячусь у него на груди. Он нежно меня обнимает и прижимает к себе. — И мне бы в душ...

— Точно нормально? Давай осмотрю?

— Че-го? — по слогам выдаю.

— Я врач, вообще-то, если ты забыла. Это раз. А два — чего я там не видел, м? —

подмигивает, а я сквозь землю провалиться готова от смущения.

— Еще чего не хватало! — возмущаюсь, — не надо меня нигде осматривать! Ничего страшного не произошло. Не я первая, не я последняя, кого лишили девственности. Просто там немного стянуто все и хочется в душ.

— Ладно, — соглашается Яр, — осмотр отложим пока. Тогда идем? — поднимается с кровати и тянет ко мне руки, чтобы подхватить.

— Куда?

— Ну ты же хотела в душ или передумала?

— Я-то хочу, но куда ты собрался? Ты же не...

— Я с тобой и это не обсуждается, — Яр подхватывает меня на руки и идет в сторону ванной. — К тому же мне очень понравилось, — возбужденный шепот щекочет шею, — как ты кричишь, когда кончаешь подо мной...

— Боже...

— Хочу еще заставить тебя кончить и послушать твой красивый голосок...

— Спа-си-те... — ошарашено смотрю на своего мужчину, но улыбка, несмотря на дикое смущение, так и хочет растянуть мои губы. Еле сдерживаюсь.

— Поздно, малыш, — совершенно серьезно заявляет Яр. — Ты уже от меня не отделаешься.

За разговором не замечаю, как мы оказываемся в ванной. Яр ставит меня на дно душевой кабины и включает воду. Теплые струи приятно щекочут кожу. От удовольствия прикрываю глаза, но тут же их распахиваю. Горячее дыхание и звонкий поцелуй обжигают лобок. Ярослав стоит передо мной на коленях, смотрит на меня снизу вверх, а затем похотливо облизывается, подмигивает и проводит языком между складочек, внизу...

Так начинается моя самая длительная и сладкая пытка...

Настя

Утро встречает меня ярким солнцем, луч которого светит мне прямо в глаза из узкой щели между шторами на окне, и легкой ломотой в теле. Открываю глаза, аккуратно потягиваюсь, пытаюсь оценить свое состояние. Прислушиваюсь к ощущениям — вроде, все отлично.

В комнате я одна. Настроение прекрасное. А каким оно может быть после такой-то ночи?! В голове тут же проносятся воспоминания о том, что со мной сотворил Яр. Боже, кажется я сорвала голос от стонов и криков. Я сбилась со счета сколько раз я кончала за прошедшие несколько часов.

Обалдеть! Яр и я... Я и Яр! С ума сойти. Лежу и улыбаюсь, потому что мечта сбываются!

Провалившись в кровати еще несколько минут, поднимаюсь и иду в душ. После всех водных процедур, возвращаюсь в комнату, натягиваю на себя футболку Яра, что валяется на полу. Именно в ней он был вчера, когда мы... Ох, щеки снова гореть начинают от пошлых картинок в моих мыслях. И как же хочется еще...

Выхожу из спальни, тихо крадусь в сторону кухни, оттуда доносятся звуки. Видимо, Ярослав решил не дожидаться, пока я проснусь, и пошел завтракать. Встаю в дверном проеме и любуюсь своим мужчиной. Ярослав что-то намешивает в чашке. На нем лишь свободные спортивные штаны, которые низко сидят на его бедрах. Голый торс, четко выраженные мышцы, широкие плечи, сильные руки, что вчера творили с моим телом такое... Сглатываю слюну. Ну какой же он красивый, просто мечта.

Засмотревшись, не замечаю, как Яр оборачивается и смотрит на меня. И вот тут у меня случается настоящий ступор. Я теряюсь и просто не знаю, как себя с ним вести. Да, он вчера много чего говорил. И про отношения, и про чувства, и даже про брак! Но то было вчера, когда мы оба были поглощены страстью. А что теперь? Говорят, мужчины могут сказать, что угодно во время секса. Даже признание в любви в процессе не считается настоящим. Ну это мне девчонки из универа рассказывали. А вот как на самом деле, мне предстоит узнавать опытным путем.

Стою, не двигаюсь. Яр продолжает смотреть на меня и молчать.

— Доброе утро, — все же решаюсь нарушить тишину, мямлю себе под нос, опустив глаза в пол.

— Добрым оно станет тогда, когда моя будущая жена перестанет мяться на пороге, подойдет и поцелует меня, — серьезно заявляет Яр, — а пока оно, знаешь, так себе...

Шумно выдыхаю. В этот момент понимаю, что от волнения даже не дышала. Поднимаю глаза и смотрю на ухмыляющегося Яра. Он протягивает мне руку.

— Ну, я долго буду ждать своей порции утренних нежностей? Иди уже сюда!

Я делаю маленький шаг в направлении мужчины. Затем еще один. А потом меня перехватывают сильные руки и притягивают к горячему, твердому телу. Яр прижимает меня к себе спиной, перекидывает мои волосы на одну сторону, оголяя шею, и оставляет на ней влажную дорожку из нежнейших поцелуев. Слышу, как он начинает дышать чаще и глубже, в поясницу мне упирается его внушительных размеров член и я понимаю, что мужчина на грани.

— Яр... — с губ срывается его имя, когда одна его рука задирает край футболки и проходится по внутренней стороне бедра, прямо возле самого чувствительного местечка.

— Девочка... с ума меня сводишь... — хрипит Яр мне на ухо, прикусывая мочку, — как у нас обстоят дела вот тут? — проводит пальцем между моих уже влажных нижних губок, задевая клитор и обводя узкий вход в мое лоно. — Сильно болит? — в голосе нотки беспокойства.

— Нет, не сильно. Так... немного жжет и все.

— Принято, — говорит и укладывает меня грудью на холодную столешницу. Поза весьма провокационная, потому что трусиков на мне нет. Костров поглаживает мои обнаженные бедра, задирает футболку, — малыш, приподнимись... — делаю, как он говорит и футболка тут же летит в сторону. Холодная поверхность кухонного стола контрастирует с моей разгоряченной кожей, отчего соски напрягаются и становятся твердыми. — Бляяя, маленькая, какой вид... Красивая моя, любимая, родная...

Ярослав наклоняется и целует каждый позвонок, поднимаясь от поясницы к шее, а потом с рычанием, по-звериному прикусывает меня чуть ниже линии роста волос.словно самец кусает за холку свою самку. Это так... так порочно и волнительно. Чувствую, как по внутренней стороне бедра стекает вязкая капля моего секрета, щекочет кожу. Яр просовывает ладонь под меня, гладит живот, бедренные косточки, спускается ниже. Все это время я нахожусь под ним, прижата его телом к столу так, что и двинуться не представляется возможным. Но это так сладко, так приятно быть полностью в его власти. Яр проводит раскрытой ладонью между моих ног, растирая влагу.

— Течешь... — хриплый шепот обжигает ухо и запускает волну импульсов по всему телу, которые неизменно собираются там, где сейчас властвует его рука. Меня ведет. Ведет от запаха моего мужчины, от каждого его прикосновения, от звука его голоса. Я в нем теряюсь и весь мир перестает для меня существовать, я полностью принадлежу ему и испытываю от этого нереальный восторг. — Блядь, Настюш, ты так течешь... Хочу в тебя... Ммм...

Ярослав продолжает трогать, ласкать, мять мою влажную плоть, растирая влагу по коже. Он вводит в меня сначала один палец, затем второй и немного разводит их в стороны, словно растягивая, подготавливая мое тело к вторжению. Морщусь от внезапного жжения там и, конечно же, это не остается незамеченным.

— А говорила, что не больно, врушка, — усмехается Яр и кусает меня. Я вскрикиваю от неожиданности. Вот это контраст! То нежные, тягучие ласки от которых мозг и тело просто пляшут, то внезапный укус! Но по какой-то неведомой мне причине, это, казалось бы, грубое действие запускает во мне уже знакомый процесс. Все мое тело прошивает острым, нестерпимым удовольствием. Начинаю дрожать, пока Ярослав продолжает трахать меня своими пальцами. Да, именно это слово тут уместно и может описать то, что он там ими вытворяет. Я слышу много разных звуков... Мои стоны, влажные шлепки, тяжелое, хриплое мужское дыхание. От этого только-только отступивший оргазм накатывает снова, но в этот раз мне чего-то не хватает. Я на грани мучительного удовольствия, но переступить ее не получается.

— Яр... — судорожно шепчу, царапая пальцами столешню, — Яр, пожалуйста... А-а-а-а...

Не успеваю договорить. Не успеваю вдохнуть. Яр врывается в мое тело внезапно и резко, сразу на всю длину. Благо, что моей естественной смазки там столько, что я

практически не чувствую никакой боли и дискомфорта. Меня вновь накрывает сильнейшим оргазмом. На этот раз он длится дольше, значительно дольше. Я уже не кричу. Не могу даже стонать, лишь скулю от нахлынувшего удовольствия, от каждого жесткого толчка глубоко внутри меня, подаваясь навстречу бедрами, потому что хочу еще... Еще сильнее, еще глубже, еще... И мой мужчина будто слышит мои мысли, перехватывает меня за талию одной рукой, приподнимает, прижимает к себе, другой рукой впивается в грудь, крепко удерживая в таком положении и ускоряется. Набирает просто бешеный темп и в момент, когда мое безвольное тело содрогается от болезненно-сладкого оргазма в третий раз, с глухим рыком кончает глубоко внутри меня. Я чувствую, как горячая, упругая струя спермы выплескивается и обволакивает влажным теплом все еще сокращающиеся стеночки моего влагалища.

— Моя! — Ярослав тяжело дышит, но, как мне кажется, вовсе не от усталости. С его физической подготовкой и тренированным годами телом подобный секс-марафон не является серьезной нагрузкой. А, судя по его вновь начинающему твердеть члену, что все еще находится внутри меня, он готов пойти и на второй круг. Вот только я выжата. Мне бы снова в кровать и поспать...

Мы не шевелимся, так и стоим, соединенные телами. Ноги ватные, в голове пусто. Ярик продолжает нежно целовать мою шею и плечи и если бы он не держал меня, то точно свалилась бы на пол. Не знаю сколько мы находимся в подобной прострации. Яр покидает мое тело, разворачивает к себе, целует, забирая мое дыхание.

— Вот теперь это “доброе утро”, запоминай, малыш! — улыбается и подхватывает меня на руки.

— Куда ты меня несешь? — еле слышно спрашиваю.

— В душ.

— Ну уж нет! Я пойду туда сама! И одна! А то ты меня там опять за... за...

— “За...” что? — ухмыляется, заносит меня в ванную комнату.

— Затрахаешь, — смущенно шепчу, а он начинает хохотать в голос. Да так заразительно, что я невольно подхватываю.

— Идея, конечно, интересная, но пока с тебя хватит, Настюш!

— Фух, аж от сердца отлегло! — демонстративно хватаюсь за место, где расположено сердце и закатываю глаза. Правда, заметив темнеющий взгляд своего мужчины, вспоминаю, что я по-прежнему голая стою перед ним. Еще и груди своей касаюсь, а это, похоже, на него как красная тряпка на быка действует. Быстро запрыгиваю в душевую кабину и закрываю дверь прямо перед самым носом Яра. Слышу недовольное рычание за дверью. И мне бы испугаться, а мне смешно. Знаю же, что ничего мне не сделает. — Все, иди. Я быстро!

— Жду на кухне, трусишка, — бросает напоследок и выходит из ванной.

Спустя пятнадцать минут возвращаюсь на кухню. Яр сидит за столом, уткнувшись в свой телефон, что-то там читает. На столе омлет, бутерброды и кофе. Заметив меня, Ярослав поднимает откладывает телефон, немного отодвигает стул и приглашающим жестом зовет меня усесться к нему на колени. А я что? Я с улыбкой до ушей принимаю приглашение и удобно устраиваюсь на коленях у своего мужчины. Завтрак получается вкусным и веселым. Вкусным, потому что Яр отлично готовит, а веселым, потому что мы не едим сами, а кормим друг друга.

Закончив с едой, перебираемся в гостиную и, завалившись на диван, включаем фильм. Наверное, если бы не неизвестность относительно Миши, страх за его жизнь, то я могла бы сказать с полной уверенностью, что я счастлива.

Так и не досмотрев фильм, мы с Яром засыпаем в объятиях друг друга. Нас будит громкая трель телефона. Яр с недовольным видом поднимается с дивана и, чмокнув меня в макушку, идет на кухню за телефоном, который оставил там после завтрака. Слышу, как он что-то говорит, но не могу разобрать слова. Спустя пару минут он возвращается в гостиную.

— Мне нужно уехать ненадолго, — серьезный и сосредоточенный идет в комнату, чтобы переодеться. Спрыгиваю с дивана и несусь за ним, потому что сердце не на месте.

— Что-то случилось? — тревога сковывает все тело, начинаю дрожать. — Что, Яр?

— Есть новости о Михе. Верхушка дала добро на проведение операции, — подходит ко мне, прижимает к себе, даря такое необходимое спокойствие. — Не трясись, малыш. Все будет хорошо. Ну чего ты? — наклоняется и дарит нежный поцелуй.

— Ты... Ты тоже поедешь?

— Конечно.

— Мне страшно, Яр, — прижимаюсь к его груди сильнее, по щекам бегут слезы.

— Эй, Настюш, ну-ка перестань сырость разводить. Это моя работа и я умею ее делать. Тебе нужно привыкнуть к этому. Мы же туда и обратно, — подмигивает и улыбается, стараясь меня успокоить. — Заберем Миху и сразу домой. Тем более, что сейчас только совещание будет с командиром. Так что, когда вернусь домой, мы поговорим, ладно?

— Да, хорошо. Прости.

Яр быстро переодевается, провожаю его до двери. Он целует меня и выходит из квартиры, напоминая закрыть на все замки. Я остаюсь одна. Наедине со своими страхами. Раньше я была сестрой офицера и переживала за брата, когда он уезжал на задания. Сейчас я еще и будущая жена офицера. Что-то как-то я не подумала о том, что теперь придется переживать вдвойне. Но ничего, я справлюсь! Я сильная! В конце концов, это не первое и уж точно не последнее задание Яра. Все будет хорошо.

С этими мыслями возвращаюсь в гостиную, ложусь на диван, который все еще хранит тепло Ярослава и снова засыпаю.

Яр

— Чего сверкаешь, как начищенный самовар? — стоит только зайти в кабинет, как в мой адрес уже летят шуточки. — Неужто твоя бестия сдалась?

— Мак, не беси меня! — рычу в ответ.

— Воу-воу, полегче, Лазарь. Я ж пошутил, — друг поднимает руки в характерном жесте, мол “сдаюсь”.

Ловлю себя на мысли, что похож на неандертальца — хочется схватить свою девочку и спрятать куда подальше от всех. Особенно вот от таких наглых мужиков, типа этих братьев-акробатъев. Хочется расхерачить всех, кто только посмеет посмотреть на мое сокровище. Так, надо тормознуть, а то тут на лицо явный перебор. Я, конечно, ревнивый, но давить на Настю своими маниакальными замашками точно не стоит, ибо ответочка прилетит такая, что я сам офигею в атаке. Это пока она у меня тихая и спокойная, привыкает к новому для нее статусу и положению вещей. Но там характер ого-го! Мне ли не знать... Так что надо бы поостыть.

Не обращая больше внимания на ребят, усаживаюсь в свое кресло и переключаюсь на более приятные мысли, пока ждем командира. Да, мне есть, о чем подумать, однозначно.

В голове всплывают воспоминания о нашей близости. Блядь, первый! Я первый. Это ж куда смотрели все особи мужского пола, что пропустили такую красоту?! Нет, я, конечно, рад, что они все мимо. Еще как рад. Но все же понимаю, что за этим кроется еще что-то... Может, Настя сама к себе никого не подпускала? Или просто все, кто пытался подкатить к ней свои фаберже не проходили проверку ее характером? Она у меня за словом в карман не полезет. Зараза дерзкая, но такая любимая! Губы сами расплываются в улыбке до ушей. А все почему? А потому что моя! Теперь уже окончательно! Осталось только кольцо на пальчик ее изящный нацепить и фамилию свою прописать в ее паспорте.

Член в штанах напрягается и становится немного дискомфортно и тесновато. И ведь пытался же отвлечь себя от пошлых картинок нашего с ней секса, но все тщетно. Я поплыл. Соппротивление бесполезно, а потому, прикрыв глаза, я погружаюсь в воспоминания о нашем утре. У меня дыхание сперло, когда почувствовал ее присутствие на кухне. Я, конечно, понимал, что наш с ней первый раз ее взбудоражил и она явно будет смущаться. Один только ее взгляд на кровавые мазки на простынях и на моем члене чего стоил. Думал, что она от смущения в обморок рухнет. Но ничего, справился, отвлек и в душ утащил. А там... Ох, как моя девочка кричала и стонала, когда я раз за разом доводил ее до оргазма всеми доступными способами. А способ был лишь один, с учетом ее состояния на тот момент, мой язык. На языке возникает фантомный вкус удовольствия Насти и во рту тут же собирается вязкая слюна. Хочу домой! Хочу к ней! Хочу в нее!

А утро... Утро у нас тоже получилось умопомрачительным. Хоть и хотелось мелкую заразу отшлепать по ее аппетитной заднице за то, что не послушалась и совратила, соблазнила, блин! Ага, соблазнила. Но я и сам бы не смог устоять, когда она такая мягкая, нежная, уютная, домашняя. И, разумеется, я переживал и не хотел причинять ей боль, но желание оказаться в жаркой, влажной глубине тела любимой девочки напрочь срывало планку и перечеркивало все все аргументы “против” и “нельзя”. Какой же это был кайф! Ощущения непередаваемые! Бля, да я чуть кони не двинул, когда чувствовал внутренние

сокращения во время очередного оргазма Насте, как ее хрупкое тело извивалось на моем члене. Штаны трещат по швам, а я с этим сейчас даже сделать ничего не могу. Закидываю ногу на ногу, а то, того и гляди, парни спялят мое состояние и вот тут уже пойдут шуточки с рейтингом двадцать один плюс. Надо взять себя в руки.

Успокаиваю себя тем, что как только вернусь домой, зацелую свою малышку во все самые сладкие места и обязательно утащу в кровать. И уж там дам себе полную волю, оторвусь, как и обещал ей.

Громкий хлопок двери выдергивает меня из моих мыслей. Открываю глаза и вижу, как Егерь тяжелым шагом топает к своему столу и падает в кресло, громко при этом выдыхая. Всем в кабинете становится понятно, что ничего хорошего он сейчас нам не поведает. Да ну! Да ну нахер! Неужели генералы решили кинуть нашего бойца?!

— Егерь? — первым подает голос Ромыч.

— погоди минуту, дай пропсиховаться! — как говориться, что и требовалось доказать. Командир поднимается с места и нервно открывает дверцу шкафа, где у него всегда хранится коллекционный алкоголь. И каково же наше общее удивление, когда Егор отвинчивает крышку и прикладывается к бутылке, делая несколько больших глотков.

— Дело дрянь, да, командир? — Влад, наш снайпер, наклоняется вперед, упирая локти в колени. Он напряжен, как и все мы, чуя неладное.

— Да пиздец полный! — командир говорит тихо, но оттого еще страшнее звучат его слова. Таким злым я не видел его за все годы службы, в каких бы передрыгах мы не оказывались. — Они отозвали разрешение на проведение спасательной операции, — говорит и снова прикладывается к бутылке. Затем замахивается и швыряет ее в стену. — Сука, да как так-то?! Столько лет Миха служил, столько важных государственных операций провел, а они его кинули, суки!

Мы все сидим в шоке. Да какой там! Просто в ахере все. Я, конечно, вероятность такого исхода не исключал, собственно, как и все мы, но все же по всем подсчетам процент был совсем мизерный. Ну не могли наши генералы просто оставить своего бойца этим тварям на растерзание. Не могли! Так мы все думали и надеялись, а оно вон как оказалось.

— Егерь, неужели ничего нельзя придумать, а? — это Мак озвучивает общий вопрос.

— Да хер его знает... Не хотят международного скандала и лишаться звезд на погонах тоже не хотят, — командир снова падает в кресло и смотрит куда-то в пустоту. Я его понимаю. Миха его лучший друг. Он нам всем как брат, мы все тут одна семья и если эти зажавшиеся недовояки в погонах думают, что мы своего брата оставим там, где он сейчас, то они очень сильно ошибаются. Потому что, помимо всего прочего, что я Насте скажу? Как я приду домой и скажу своей нежной, ранимой девочке, что ее брата просто слили его же начальники в угоду политических интересов? Не, так дело не пойдет!

— Командир, — встаю, подхожу ближе к столу, — ты ж понимаешь, что каждый из нас подпишется под твоим и только твоим приказом? И срать на остальных!

— Это трибунал, Лазарь! — Егор снова подскакивает со своего кресла и орет мне в лицо. Благо, у каждого штабного в кабинетах установлена просто непрошибаемая шумоизоляция, а Тоха постоянно проверяет помещение на предмет прослушки. — Ты понимаешь, что нас просто раскатают за самоволку?

— Да и похер! — подхватывает Мак. — Егерь, ты как себе представляешь дальнейшую жизнь, если мы сейчас послушно сложим лапки в попытке сохранить свои звания, подписав при этом брату смертный приговор?

— Какого ты меня лечишь, Мак?! Я, пока шел сюда, все мозги себе сломал, как обойти их гребаное решение!

— Есть вариант?

— Есть один, — уже спокойнее произносит командир, — но бя...

— Выкладывай, командир, — Ромыч пододвигает стул ближе к столу. Мы все синхронно повторяем действие.

— Есть у меня один должник... Пару лет назад помог его сыну не загреметь в колонию для несовершеннолетних. Пацан по дуруности вляпался. Учился с одним мажорчиком, сыном местного бизнесмена. Тот засранец мажористый дилером подрабатывал. Видимо, батя денег на карманные маловато выделял. Вот и начал приторговывать наркотой по клубам модным, а когда облава началась во время посвящения первокурсников, однокласснику своему всю наркоту скинул и на него указал при задержании, заявив, что именно он — продавец. Пацан тот зеленый совсем был и вообще не в курсах что и как. Дело разрулили, нашли видеозаписи, что амбалы папки мажора стащить из клуба пытались. На них и видно было все.

— Егерь, это, конечно, все очень интересно, но чем твой знакомый нам поможет? — спрашивает Мак.

— Он предоставит нам транспорт и воздушный коридор.

Да уж! Нехилая такая помощь.

Дальше обсуждаем детали. По сути планируем спасательную операцию, исходя из тех данных, что имеем. Вариантов у нас немного. Точнее всего один. И шанс будет тоже один. А все почему? Да потому что в нашем распоряжении не будет главной разменной монеты. А именно парочки “папа и сынок” Фират. Их нам, само собой, никто не отдаст. Да даже если бы и удалось вытащить их из камер, где они находятся, то вывезти их за границу точно не получилось бы. Отсюда и вырисовывается проблема: как совершить обмен, если менять некого?

— На месте обмена будут подсадные с мешками на головах. Влад, — командир указывает на нашего снайпера, — ты — наш главный козырь. Именно на тебе будет реализация основной части плана. Твоя задача успеть убрать как можно больше целей, как только мы увидим Миху. Наша — обеспечить его прикрытие. И помните, там мы сами по себе. Если кто просечет, нам пиздец в прямом и переносном смысле этого слова. Поэтому, хорошенько подумайте, прежде чем вписываться во все это!

— Мда... План говно! — первым говорю, вставая с кресла. — Я в деле!

— Само собой, мы с вами, — близнецы кивают.

— Влад? — Егор обращается к бойцу, который напряженно смотрит на командира.

— Я с вами, по-любому, но...

— Но?

— Но буду, как говорится, “плюс один”, — заявляет и улыбается своей хитрой голливудской улыбкой. Мы все в непонятках смотрим на него в ожидании пояснений. — Егерь, все складно говоришь, да вот с математикой у вас всех плохо. Там народу будет тьма. После моего первого выстрела начнется кипиш и с нашей стороны не исключены трехсотые, а в худшем случае и двухсотые не исключены. Успею снять максимум двух до того, как начнется месиво. А вам нужно будет время, чтобы прикрыть Миху. Поэтому, с нами поедет еще один снайпер.

— Влад, ты ж понимаешь, что это несанкционированная операция, — Егор хмурится. Ясно-понятно, что ничего не понятно. Где мы снайпера еще одного возьмем, с учетом того,

что времени в обрез, а человек нужен надежный и, мягко говоря, без башки, чтобы пойти против конторы. Собственно, об этом и спрашивает командир, только в своей привычной форме: — Где я тебе сию секунду снайпера откопаю? Да такого, чтобы согласился закон нарушить и приказа послушаться?!

— Ей похер на приказы, она не в структурах.

— Она? — кажется, мы все только что уронили челюсти на пол. Коллективно, так сказать. Я даже не понял, кто озвучил этот вопрос.

— Да, Она!

Пока мы все пребываем в шоке, Влад спокоен как удав. Нет, мы все, конечно, в курсе, что есть в ведомстве несколько снайперов-женщин. Но не в нашем городе и не в ближайших. А потому вопросов у нас больше, чем ответов. А этот хитрый жук с железобетонным терпением, свойственным, в основном, лишь представителям его профессии, сидит, обводит нас всех взглядом и многозначительно молчит. Он, в принципе, не особо разговорчив. По большей части молчит и ухмыляется. И это я сейчас не про рабочие моменты. Даже на вечеринках. И мы все привыкли к его такому поведению. Но вот сейчас, наверняка, каждый из нас хочет вытрясти из него больше слов.

— И кто же она? — спрашиваю.

— Знакомая.

— Ей можно доверять? — это главный вопрос, который нас всех интересует и командир его задает. В том, что эта загадочная девушка мастер своего дела сомневаться не приходится. Ведь будь иначе, Влад бы не предложил ее кандидатуру.

— Только ей и можно. Она не подведет.

— Блядь! Рискованно, но с математикой ты, безусловно, прав. Договаривайся с ней. Готовность — сутки, не больше. Дальше вылет. — Егор, как и положено командиру, взвесив все “за” и “против”, принимает окончательное решение.

— Принято. Я на связи! — Влад поднимается с кресла и покидает кабинет.

— Уверен? — обращаюсь к Егору.

— Да какой там! Но времени у нас в обрез. Сам ведь понимаешь, что Миха там не на курорте. А потому, без вариантов.

Парни тихо поднимаются со своих мест и выходят из кабинета. Без слов понимают все, что сейчас в приоритете ускоренная подготовка. Все на связи.

Я также выдвигаюсь домой, оставив Егора одного в кабинете. У него сейчас еще много вопросов, которые необходимо решить в кратчайшие сроки. Его главная задача сделать так, чтобы команда не пострадала и вернулась домой в полном составе. Моя — сделать так, чтобы трехсотые, если они будут, ни при каких обстоятельствах не стали двухсотыми.

По пути домой думаю, как построить разговор с Настей. И дураку понятно, что всех подробностей ей знать не надо, но какую-то часть информации все же нужно рассказать. А то знаю я ее. Надумает, накрутит себя. Она ведь, несмотря на свой бойкий и, порой, чересчур дерзкий характер, девочка очень хрупкая и ранимая. Оберегать ее теперь моя главная обязанность.

Захожу домой, везде темно. Обещал, что уеду ненадолго, а получилось до позднего вечера. Закрываю дверь, снимаю куртку и обувь, и, не включая нигде свет, прохожу дальше. Настя спит на нашей кровати, свернувшись калачиком, обняв мою подушку. Смотрю на нее и насмотреться не могу. Вот оно, мое счастье спит в моей кровати. Девочка, которую я люблю уже много лет, которая, наконец, стала моей. И которую я могу вскоре потерять, если все

пойдет не по плану...

Ярослав

Ложусь рядом со своей девочкой, скинув одежду. Забираюсь под одеяло, притягиваю малышку к себе и, уткнувшись носом в макушку, вдыхаю родной запах, пытаюсь надышаться впрок. На душе тоскливо и гадко, не оставляет предчувствие грядущего пиздеца. Прикрыв глаза, наслаждаюсь близостью той, кто уже давно стала всем моим миром.

Настя просыпается, улыбается и тянется ко мне за поцелуем. Целую, конечно. Вкладываю в это соприкосновение губ всю свою нежность, все то, что чувствую к ней, а чувствую я очень и очень много.

— Люблю тебя, малыш, — шепчу в маленькое ушко, наблюдая, как бархатная кожа покрывается мурашками.

— И я тебя люблю, Яр, — обнимает, сильнее прижимается ко мне, — очень люблю. Ты давно пришел?

— Нет, Настюш, минут пятнадцать назад.

— А я тебя ждала, ждала, но так и не дождалась. Уснула. Правда, сначала на диване, но там подушка перестала пахнуть тобой и я перебралась в твою кровать.

— В нашу кровать, малыш. Тут все наше.

— Да.

Никак не удержаться, когда такая девочка жметя ко мне в поисках ласки и тепла. Моя девочка. Наваливаюсь сверху, придавливая Настю к матрасу своим телом. Утробный стон, тихий шепот, нежные касания. Все это воспринимаю через призму возбуждения, похоти и дикого желания. Приподнимаюсь и стягиваю с Насти свою футболку. Малышка покорно поднимает руки, облегчая процесс. На ее милом личике блуждает улыбка. Провожу ладонями от шеи вниз, по груди, по пути пощипывая соски. Да, знаю, как Настя реагирует на мои прикосновения к ее твердым, набухшим соскам. Малышка выгибается дугой, подставляя свое тело под ласку. Захватываю ртом напряженный розовый камушек, слегка прикусываю, а потом засасываю грудь глубже в свой рот, второй рукой массируя другую вершинку. Настя протяжно стонет, а у меня от этого звука член готов взорваться.

Хочу ее до гребаного умопомрачения. Свою девочку, свою малышку, свою любимую будущую жену. Точно!

Отстраняюсь от Насти под ее недовольное бурчание.

— погоди, малыш...

— Ну куда ты? Костров, вернись в кровать!

— Ууу, какая грозная малышка! — смеюсь, спрыгивая с кровати. Настя успевает схватить меня за резинку боксеров и резко отпустить. Шлепок получается очень громкий и прижгло задницу, надо сказать, нехило. Пауза... Взгляд глаза в глаза... А потом наш общий громкий ржач разрывает тишину спальни.

— Прости, — Настя, смеясь, прикрывает лицо ладонями, — я не хотела. Больно?

— Очень, — нагло вру, — поцелуешь?

— Я подумаю...

— Поймал на слове, малышка!

Подхожу к шкафу с полной уверенностью — пора! Тем более, что обстоятельства складываются таким образом, что и тянуть дальше некуда. Сутки до задания. Покопавшись

среди своих вещей, достаю маленькую черную коробочку. Зажав в кулаке, возвращаюсь в кровать. Настя смотрит на меня настороженно. Еще бы! Мужик со стоящим колом членом прыгнул с голой любимой девушки и побежал в шкаф! Со стороны явно смотрится так, будто я умом тронулся. А я и тронулся. От любви к своей малышке. Она ведь даже не представляет насколько у меня по отношению к ней все серьезно. Все на максимум! Она мой воздух, моя жизнь. И я не преувеличиваю. Без нее не живу, лишь существую.

Сажусь на кровать. Настя прикрывается одеялом, глядя на мою серьезную, хмурую рожу.

— Яр, милый, все в порядке? — теплая ладошка проходится по плечу, а затем тонкие пальчики тянутся и разглаживают складку между моих бровей. Каждое прикосновение словно разряд тока. Обжигает.

— Насть, — начинаю самую важную речь в моей жизни, — я тебя очень люблю. Да, я далеко не идеал и было такое, что сильно тебя обидел. Очень сильно. Просто поверь, что тогда по-другому я не мог поступить. Сам бы не справился, не сдержался. Тебе было шестнадцать. И я нашел способ защитить тебя от самого себя...

— Сказав, что тебе не нужна малолетка. Я помню, но не понимаю к чему ты сейчас это говоришь?

— К тому, чтобы ты понимала, что тогда сломалась не только ты. Я сломал самого себя. Подыхал без тебя, но держался подальше. Ждал, когда ты подрастешь и потом я заберу тебя себе. При этом думал и верил, что если ты встретишь кого-то, полюбишь его, то я тебя отпущу. Все, лишь бы ты была счастлива, — Настя начинает тихо всхлипывать, — ну что ты, малыш, — обнимаю, — не плачь. Мы ведь вместе теперь. И я сейчас счастлив как никогда в жизни. Потому что ты моя.

— Твоя...

— Моя! Но я хочу, чтобы не только ты и я знали об этом. Я ведь так и не сделал тебе нормального предложения. Просто перед фактом поставил. Поэтому спрошу сейчас. Станешь моей женой? Станешь Костровой?

— Да, — малышка смотрит на меня своими заплаканными глазами. Сильно тронули ее мои откровения. Ее тихое, но уверенное “да” запускает в моем организме какие-то совершенно непонятные реакции. Ощущение, что я пьян.

— Тогда это должно принадлежать тебе! — достаю аккуратное золотое колечко с небольшим бриллиантом в изящном захвате в виде полураспустившейся розы. Такое же красивое и нежное, как моя девочка. Беру Настину правую руку и надеваю на тонкий безымянный пальчик кольцо. — Люблю тебя, малышка. Спасибо.

Падаю на спину, затягиваю Настю на себя сверху, стянув с нее одеяло. Распущенные волосы спадают на плечи, чуть прикрывая упругую грудь. Ярро-розовые зацелованные мною соски, округлые ореолы, тонкая талия, бедра... Ммм... Веду руками, поглаживая шикарную фигуру.

— Богиня, — хриплю восхищенно. Чуть приподнимаю свою красавицу, стягивая боксеры и насаживаю Настю на свой член. Горячо... — Блядь, малыш, ммм... Сука, я сейчас сдохну в тебе от кайфа.

Помогаю Насте двигаться. Малышка стонет. Сначала тихо, закусывая губку, сдерживая стоны. Но после моего рыка и ощутимого шлепка по аппетитной попке до нее дошло то, что я говорил ей не сдерживаться. Она перестает сдерживаться и практически кричит в голос. Еще бы. Ведь в такой позе максимальное проникновение. Сам практически задыхаюсь от

нереального удовольствия. Придерживая Настю за ее охрентельные бедра, ускоряюсь, вколачиваюсь в тесную глубину жестче. Наклоняю к себе, прижимаю к своей груди и вгрызаюсь в пухлые губы. Спустя несколько толчков Настя хрипло стонет и красиво кончает на моем члене, утягивая меня с собой. Даже не пытаюсь сдерживаться, чтобы успеть выйти. Сегодня я не хочу выходить и совершенно обдуманно спускаю всю скопившуюся сперму глубоко в свою девочку. Хочу, хочу, чтобы она забеременела, потому что... Потому что, если на задании что-то пойдет не так, то после меня останется мой ребенок. Ребенок от той, которую люблю больше своей жизни.

Настя затихает на моей груди, водит своим маленьким носиком по моей мокрой шее, нежно целует. От этой ласки хочется мурлыкать, как обожравшийся сметаны кот. На волне еще не до конца погасшего возбуждения после разрядки, захожу на второй круг, лишь сменив позу. Резко переворачиваюсь и Настя испуганно ахает от внезапной смены положения. Теперь она полностью подо мной. Закидываю ее ножки себе на плечи и не просто толкаюсь в желанное тело, трахаю свою малышку, скользя по собственной сперме, оглушая комнату пошлыми хлюпающими звуками, что создают наши соединившиеся тела. Трахаю, не отрывая взгляда от Насти. Глаза в глаза... Тело к телу... Душа к душе...

Долго держаться не получается, слишком накачивает желание не просто кончить в Настю. Животное желание оплодотворить свою женщину захватывает до такой степени, что с громким рыком, запрокинув голову, снова кончаю в Настю с мысленной мольбой о том, чтобы все получилось. Именно сейчас.

Настя же, ощутив удар упругой струи внутри себя, начинает дрожать и стонать, догоняя меня в своем удовольствии.

— Родная моя... Жизнь моя... Так тебя люблю, Настя, — шепчу, прислонившись своим мокрым лбом к ее, не сводя с нее взгляда.

— Яр, — жалобно стонет малышка и, кажется, всхлипывает, — Яричек мой, почему у меня такое ощущение, что ты прощаешься? Чего я не знаю?

Черт! Ну как же так! Совсем я потерял бдительность, забыл, что у Насти чуйка как у заправского разведчика.

— Все хорошо, малыш, — целую, собирая губами слезы, что текут по ее щекам, — все будет хорошо...

Завтра. Поговорю с ней завтра. А сейчас пусть поспит. Ей это нужно. Вдруг у меня получилось и в ней уже сейчас зарождается новая жизнь...

Настя

Просыпаюсь резко, словно что-то вытолкнуло меня из сна. Сажусь на кровати, осматриваюсь. В спальне темно. Значит, еще ночь. Рядом сопит Яр. Аккуратно, стараясь не разбудить мужчину, укладываюсь ближе к нему, прижимаюсь к его сильному плечу, вдыхаю родной запах. Сердце колотится как сумасшедшее. Меня не покидает ощущение, что вскоре случится что-то плохое. Еще и Яр со своим признанием вчерашним. Нет, я безусловно была счастлива услышать все то, что он сказал, признавшись в том, что и ему было трудно отказаться от меня тогда, много лет назад. И предложение, кольцо... Бросаю взгляд на потрясающее кольцо, что сейчас красуется на моем пальце и прикрываю глаза, едва сдерживаясь, чтобы не запищать от восторга. Скоро ведь стану Костровой. Анастасией Костровой. Единственное, что сейчас омрачает мое счастье — ситуация с Мишей, его спасением и тем, что я, вроде как, тоже под ударом пока. Наверное, мое плохое предчувствие связано именно с этими обстоятельствами. Вчера, когда Яр дарил мне столько нежности и удовольствия, говорил о своих чувствах, у меня сердце сжималось, реально было ощущение, будто он прощается. Он ведь пришел с совещания, где должны были обсуждать план операции по спасению Миши. Он говорил, что быстро вернется, а по факту отсутствовал до позднего вечера, даже ночи. Может, что-то случилось?

От моих мысленных рассуждений меня отвлекает нежный поцелуй в макушку. Яр крепче обнимает меня, заключая в теплые объятия.

— Чего не спим? — горячее дыхание обжигает нежную кожу возле уха, запуская толпы мурашек по всему телу. Мне нравится моя реакция на каждое прикосновение Яра и мне всегда мало его касаний. — Я даже отсюда слышу, как ты думаешь...

— Ага, есть такое, — соглашаюсь. А смысл отрицать, если он меня знает лучше многих. — Ярик, что произошло в управлении? Ты был там так долго, а теперь какой-то “не такой”. Черт, не знаю, как объяснить, просто... — поворачиваюсь лицом к нему и заглядываю в глаза, в надежде найти там свое спокойствие, уверенность в том, что все будет хорошо, но не нахожу. — Яр?

— От тебя ничего не утаить, — тяжелый вздох и объятия еще крепче. Они нам обоим сейчас нужны. — Операцию отменили.

Бах! Будто гром среди ясного неба! Меня ошарашивает эта информация. Как? Как они могут отменить? Миша же их боец! Он ведь столько сделал, каждый раз рискуя своей жизнью. Да они все рискуют постоянно! Как они могут его там бросить, не оставив и шанса на спасение?

Пытаюсь вскочить с кровати, но Ярослав не пускает. Меня начинает трясти. Из горла рвутся рыдания, но я держусь. Есть ощущение, что это еще не все.

— Тише, тише, — чувствую нежные, успокаивающие поглаживания по спине.

— Как же так, Яр? Как они так могут? Его ведь там убьют... Боже...

— Все будет хорошо.

— Да какое там хорошо?! — взрываюсь и начинаю кричать. — Как может быть хорошо, если моего брата бросили там умирать его же начальники?

— Начальники бросили, а мы не бросим!

— Что? — переспрашиваю. — Что это значит? Яр?

— То и значит. Мы сами его вытащим.

— Но как же? Это же... Вас же накажут... Господи... — слезы уже бесконечными ручьями стекают по щекам. Даже не пытаюсь стирать их с лица, толку ноль.

— Плевать. Мы его там не оставим! — лицо Ярослава напряжено, губы — тонкая линия. Весь его вид кричит о том, как он зол. Понятное дело, ведь на месте моего брата мог оказаться любой из них. Представляю, насколько сейчас подорвана их вера в свое руководство. — А подробности тебе знать не нужно, малыш, — лицо Яра немного смягчается, когда он переводит взгляд на меня.

— Мне очень страшно, Яр, — с громким всхлипом кидаюсь к нему на шею. Он с готовностью прижимает меня к себе и начинает шептать что-то нежное, успокаивающее, но я не слышу.

Мое сердце разрывается от страха за любимого и за друзей, которых я знаю с детства. А то, что за Мишей отправятся все, мне сомневаться не приходится. Они — одна большая семья. Моя семья. Я не знаю, как пережить это все. А если с Яром, Мишей или кем-то из ребят что-то случится? Даже подумать об этом страшно. Панический страх потерять кого-то из них душит со страшной силой, не позволяет сделать спасительный вдох.

— Посмотри на меня, родная, — Ярик слегка отстраняет меня от себя, обхватывает своими ладонями мое лицо, губами собирает мои слезы.

Его руки такие теплые, родные... А глаза... В них плещется столько нежности и любви, что отвести свой взгляд просто невозможно. Яр говорил, что я стала его миром, а он стал — моим, смыслом моей жизни. Я столько лет страдала без него, столько слез выплакала и в те минуты отчаяния даже мечтать не могла, что когда-то не просто окажусь в его объятиях, что он меня полюбит и сделает своей. Любимой, женой, матерью его детей. Мы ведь не предохранялись вчера. Что если я уже?

— Настюш, — голос любимого мужчины снова возвращает меня из моих мыслей в реальность.

— Вы только вернитесь все живыми... — я не дура. Я понимаю на что они идут и какие могут быть последствия. Я хоть и не связана со “структурами”, но, что называется, “в теме”. Проанализировать риски и оценить последствия мне не трудно. Оттого еще страшнее за ребят.

— Все. Будет. Хорошо.

— Обещаешь? — наивно и, наверное, даже по-детски прошу, почти умоляю, веря в то, что дав слово, Яр не подведет.

— Клянусь.

— Когда? — спустя пару минут молчания задаю главный вопрос.

— Сегодня вечером.

Дальше мы молчим. Дальше слова не нужны. Оба понимаем что к чему. Только лежим в объятиях друг друга, не отводя взгляда, и лишь моментами срываемся в поцелуи. Будто пытаемся насмотреться и надышаться друг другом впрок. Никто из нас даже не думает о том, чтобы уснуть, несмотря на то, что часы показывают раннее утро.

Не хочу думать о плохом. Не хочу. Вселенная ведь нас слышит, правда? А значит надо мыслить в позитивном ключе. Все будет хорошо, слышишь, Вселенная? Все будет хорошо!

Настя

Время летит, неумолимо приближая нас к моменту расставания.

Почти весь день мы с Яром проводим в постели, наслаждаясь друг другом. Прерываемся лишь на походы в душ, где наш чувственный марафон продолжается, и на короткие перекусы. Но и нахождение на кухне нас не тормозит. Яр будто с цепи сорвался и мне страшно думать о причинах, которые заставляют его себя так вести.

За эти несколько часов мы проверили на прочность все горизонтальные поверхности в нашей квартире, но жажда друг друга так никуда и не делась.

Ближе к вечеру Ярику звонит Егор. Разговора я не слышу, но по напряженному лицу своего мужчины понимаю, что пора. Тело тут же охватывает дрожь. Желание “вцепится и не отпускать” пытается перехватить контроль над моим телом, но я держусь из последних сил. Я — жена офицера. Я должна быть сильной. Я должна верить в своего мужчину.

— Уже пора, да? — Яр, завершив разговор, подходит ко мне и крепко обнимает. Уткнувшись в его шею, дышу им, едва сдерживая рыдания, что рвутся изнутри, будто из самой глубины души.

— Пора, малышка. Пора.

— Тебе помочь собраться? — стараюсь взять себя в руки. Честно стараюсь, но выходит плоховато. Голос проседает от невыплаканных слез.

— Нет, не нужно. Я только переоденусь и пойду.

— Хорошо... Хорошо... — сама себе киваю и пытаюсь отойти, чтобы отпустить Яра в комнату. Кто бы знал сколько сил мне требуется, чтобы разжать пальцы, которыми я вцепилась в его футболку. Но Ярик не позволяет отойти ни на шаг. Все также прижимает к себе и рвано дышит. — Все будет хорошо, родной. Слышишь? — теперь моя очередь успокоить его.

— Больше жизни тебя люблю, Настя! — наклонившись, шепчет прямо в губы. — Больше жизни, — и целует так жадно, так отчаянно.

Отвечаю на поцелуй, приоткрываю губы, впуская язык Яра в свой рот. Взрыв вкуса на всех рецепторах и я стону ему в рот, цепляясь за него так, будто от этого зависит моя жизнь. Хотя, по сути так и есть. Он — моя жизнь.

Ярослав рычит, буквально разрывает свою футболку, которая сейчас на мне надета. Подхватывает за бедра и входит в меня одним мощным толчком. И когда только успел штаны с себя стянуть... Это последняя внятная мысль, что успеваешь промелькнуть в моей голове. Потому что потом начинается настоящее безумие, среди которого слышатся лишь наши стоны и порочные звуки наших соединяющихся тел.

— Это чтобы наверняка... — хрипит Яр мне на ушко, снова кончив в меня. Я сама едва соображаю от того оглушительного оргазма, что испытала минутой ранее, но смысл слов все же улавливаю. От этого щемит сердце.

— Я люблю тебя.

— Я люблю тебя, малышка.

А дальше Яр аккуратно ставит меня на ноги, скрывается в спальне и выходит уже полностью одетым спустя пару минут. Вот что значит военная подготовка. Одевается за время, пока горит спичка.

Я все также стою в гостиной, лишь нацепив шорты, что оставила тут на диване. Мне спешить некуда. Проводить ребят мне запретили со словами “нечего тебе там делать”. Что ж, аргумент! Возле входной двери Яр обувается, а потом, выпрямившись, притягивает меня к себе.

— Не плачь, — шепчет.

— Я не плачу... Я не плачу... Я не плачу... — сама не понимаю, кого пытаюсь убедить, заливаясь слезами. — Ты только вернись ко мне, ладно? Все вернитесь ко мне живыми.

— Вернемся, малыш! Куда ж мы денемся! Ты ж нас из-под земли достанешь, если кто нарушит слово! — Яр хрипло смеется, а мне не до смеха. Я реально заставила его собрать групповой звонок и они все пообещали мне вернуться живыми и невредимыми. Правда, при этом Яр получил нагоняй от Егора за болтливость, но потом тоже присоединился к “групповому” обещанию. — Тоха приедет через полчаса. К дверям не подходить и никому не открывать. У Тохи есть ключи. Слушаешься его во всем, понятно? Если он мне скажет, что ты накосячила где-то, приеду — надеру твою аппетитную жопку, поняла?

— Уже прямо сейчас мечтаю немного накосячить...

— Блядь, да что ж ты делаешь со мной, а?! Ну как я со стояком таким пойду сейчас? — вот, вроде, возмущается, но в глазах у Яра черти пляшут. Снова резко прижимает к себе, зарывается носом в мою шевелюру и несколько раз глубоко вдыхает. — Люблю тебя, малыш.

Затем также резко отстраняется и выходит за дверь. Громкий хлопок, поворот ключа и я стекаю по стеночке на пол, захлебываясь рыданиями. Прикрыв руками лицо и продолжая всхлипывать, повторяю как мантру в пустоту:

— Я не плачу... Я не плачу... Я не плачу...

Я словно в вакууме. Я больше не являюсь цельной. Здесь только оболочка, душа и сердце устремились вслед за Ярославом.

Не знаю, сколько проходит времени. Я все также сижу на полу. От пелены слез ничего не вижу. Именно в таком состоянии меня обнаруживает Антон, талантливый хакер из команды Яра. Именно ему доверили мою безопасность, пока остальные отсутствуют.

— Ой, бляяя... Давно тут сидишь? — Антон наклоняется ко мне и поднимает с пола. — Ноги ледяные совсем. Яр меня придушит.

Ничего не отвечаю. Позволяю Антону себя куда-то нести. Прижимаюсь к нему в поисках поддержки и утешения. Он садится на диван, устраивая меня на своих коленях. Никакого интимного подтекста, только абсолютное доверие человеку, с которым мы знакомы уже много лет. Уехав в другой город, по сути, сбежав от Яра, с ним мы общаться не прекращали. Постоянно созванивались и переписывались. Он даже помогал мне по учебе иногда. Пару раз приезжал и мы с ним долго гуляли по набережной, болтая обо всем на свете.

Да и вообще, ребята из отряда мне как братья. Только Ярик и Егор для меня отличались от всех. Если Яра я любила как мужчину столько, сколько себя помню. То Егор для меня был кем-то, вроде доброго дядюшки. Я его всегда очень уважала и любила соответственно его статусу в моей жизни.

Тошка самый молодой из всех, но все же старше меня. С ним у нас особенные теплые отношения. Но даже несмотря на то, что Яр в курсе о нашей с Тошей дружбе, провел с ним очень жесткий инструктаж и очертил строгие границы. Тошка поржал, конечно, но правила принял.

Я так поняла, что все уже в курсе, что мы с Ярославом сошлись. Ну, кроме Миши

конечно. Ох, он в бешенстве будет. Он ведь знал из-за кого я так убивалась и страдала, из-за кого сбежала из родного города. И только мое слово, что я не станцую на своих граблях остановило его в желании покалечить Яра. Теперь он вернется, все узнает и, кажется, Ярослав все же получит положенную ему порцию “люлей”...

Так, в собственных размышлениях и теплых объятиях лучшего друга, понемногу успокаиваюсь.

— Все? Я надеюсь, ты закончила сырость разводить? — Тоха поглаживает меня по голове и баюкает, словно маленького ребенка. — Я есть хочу. Есть что пожрать?

Мой тихий смешок перерастает в дикий хохот. Антон как всегда в своем репертуаре. За любой кипиш, кроме голодовки.

— Пойдем на кухню. Я суп сварила.

Выпутавшись из объятий друга, идем с ним на кухню. Но в какой-то момент Антон ловит меня и крепко прижимает к себе. Сначала я испытываю легкий шок от столь неожиданных действий, но потом расслабляюсь, услышав тихий голос:

— Эй, малая, все хорошо будет, — говорит Антон. И столько уверенности в его словах, что мне тоже хочется верить. — Все будет хорошо!

И я верю. Нужно только подождать, пережить эти дни “тишины в эфире” и вот тогда все, действительно, будет хорошо.

Настя

Дни словно резиновые. Каждый последующий, по ощущениям, в разы длиннее предыдущего. И самое ужасное во всем этом, что я понятия не имею, когда это долбанное, невыносимое просто, ожидание закончится.

Что ж, терпение — не моя добродетель. Я никогда не умела ждать. Да меня все родственники и друзья с самого детства называли егозой, потому что я никак не могла усидеть на месте. Миша так вообще всегда меня доводил до белого каления, зная о моей нетерпеливости. Специально заранее за несколько дней сообщал о том, что мы куда-то пойдём или поедем — в парк или на аттракционы, — и в тот момент начинались мои муки и терзания, а его это невероятно забавляло. Он всегда говорил, что у меня шило в одном месте...

Миша...

Боже, как же я соскучилась по нему и как же страшно! Я стараюсь не думать о том, что происходит там, куда поехали ребята вытаскивать моего брата. Я знаю, что благодарить себя они не позволят, ведь такая верность друг другу, Родине, своей семье — это у них в крови. Настоящие офицеры! И я ими безмерно горжусь. Но сердце сковывает страх за них. Меня охватывает леденящий душу ужас, когда в голове мелькают мысли о том, что кто-то из них может пострадать... Или погибнуть... Я гоню от себя эти мысли прочь. Чаще получается. Но иногда, когда Тоша не видит, сидит, погрузившись в свой ноутбук, я сбегая в ванную и там даю волю слезам. Потому что, если не проплачусь, то однозначно взорвусь от всех страхов и переживаний, что сейчас прочно поселились в моей душе.

Вот и сейчас как раз такой момент. Я сижу на кафельном полу в ванной, прислонившись головой к холодной стене и беззвучно рыдаю, зажав рот руками. Ну нет у меня больше сил. Шесть дней прошло! Шесть! И тишина. Никто из ребят не вышел на связи до сих пор. А если что-то пошло не так? А если их спасательная операция провалилась, ведь по словам Яра в ней было очень много пробелов и моментов, успешное решение которых зависело просто от удачи. От удачи, блин! И это спасательная операция!

— Насть, ты опять реवेशь что ли? — громкий стук в дверь и грозный голос моего надзирателя разрезает тишину.

— Не... нет, я не плачу.

— Ну-ну, так я и поверил тебе, коза мелкая. А ну, дверь открывай и вытаскивай свою прелестную задницу из укрытия, разговаривать будем.

— Антон, я не хочу! Не хочу разговаривать! Я не могу! Не могу! Не могу! — срываюсь на крик. Истерика захватывает меня с ног до головы и я уже не в состоянии сдерживать громкие всхлипы. — Почти неделю от них нет новостей. А что, если...

— Нет! — Антон не дает договорить страшную догадку, которую даже произносить вслух страшно, — Ничего с ними не случилось. Насть, — уже мягче, — открой, а?

Что-то в его голосе заставляет меня встать и подойти к двери. Может, ничем не прикрытое волнение за меня? И за ребят? Антон ведь тоже переживает за них. Обычно он там, с ними. А тут его заставили нянчиться со мной и он тоже себе места не находит. Порой я замечаю, как он ходит из угла в угол по гостиной, словно тигр в клетке. Распахиваю дверь и меня тут же прижимают к теплой, сильной груди, обнимая и поглаживая по спине.

— Ну чего ты расклеилась, маленькая? — Тоша утешает меня и понемногу двигается в сторону дивана, так и не выпуская меня из своих объятий. — Ты что не веришь в них совсем?

— Верю, конечно! — падаю на диван, забираясь на него с ногами. Тоша накрывает меня теплым пледом и садится рядом. У меня зуб на зуб не попадает. Только вот сама не знаю, отчего именно. То ли от холода пола и стен в ванной, где провела около часа, как минимум. То ли от страха и волнения. — Просто... Не знаю... Предчувствие какое-то тяжелое. Ну сам подумай, почему по-прежнему тишина? Неужели за шесть дней ничего так и не решилось?

По щекам снова текут слезы бесконечным потоком. Я даже уже не пытаюсь ни сдерживаться, ни стирать их со своего лица. Бесполезно. Антон молча встает и выходит из комнаты. Когда я уже накручиваю себя, думая о том, что совершенно достала друга своими истериками, слышу со стороны кухни шипение чайника и звук поставленной на стол стеклянной чашки. Спустя пару минут, Антон возвращается и протягивает мне ароматный чай. Зеленый с жасмином. Мой любимый. С благодарностью принимаю горячую кружку, которая моментально согревает руки. Делаю пару глотков и по телу проходит легкая волна тепла. Понемногу дрожь сходит на нет и я снова чувствую себя лучше. По крайней мере, плакать перестаю, что, судя по расслабленному выражению лица друга, его очень даже радует. Он снова садится рядом со мной на диване, аккуратно, чтобы я не разлила горячий напиток, притягивает меня к себе в объятия.

— Ну как? Легче? — тихо спрашивает, поглаживая по плечам, будто пытаюсь согреть.

— Да, спасибо, Тош.

Дальше сидим, молчим. Я допиваю свой чай. Каждый думает о своем, но меня не покидает ощущение, что у Антона есть какая-то информация и он не знает, может ли со мной ею поделиться. Заметно, что его что-то терзает. Жду, когда заговорит. Зная друга, сейчас он собирается с мыслями и скоро все расскажет.

— Слушай... — а вот и оно. Сердце разгоняется и стучит так, будто я только что стометровку пробежала и вышла на рекорд. — С учетом всех условий, шесть дней тишины — это еще не повод для волнения. Понимаешь, — друг подсакивает с места и впивается пальцами в свою и без того растрепанную шевелюру. — Черт, Яр меня грохнет за то, что не могу держать язык за зубами.

— Тош, расскажи, пожалуйста, я же с ума схожу, — мягко прошу, не настаивая, чтобы не дай Бог не спугнуть его желание пооткровенничать.

— Да бя! — Антон поднимает глаза к потолку, смотрит в одну точку, сжимая кулаки до побеления. — Я просто не знаю поможет ли тебе эта информация или, наоборот, сделает только хуже.

— Ну, мы этого не узнаем, пока я ее не услышу, — замечаю резонно. — Давай, Тош. Я обещаю, что буду спокойна.

— Яр сказал, что ты можешь быть беременна и я жизнью за тебя отвечаю... — друг впивается в меня своими невозможно карими глазами, которые сейчас кажутся совершенно черными. — Я ж и сам не переживу, если... Если из-за меня тебе плохо станет.

— Да черт тебя дери, Антон! Ты не понимаешь, что делаешь только хуже?! Рассказывай давай! — тяну его за руку. Друг поддается и плюхается на диван. Начинает рассказ. И то, что он говорит заставляет мои волосы встать дыбом.

Ярик, конечно, говорил мне, что всю инициативу по спасению бойца из плена официально свернули. Именно поэтому ребята и рванули за Мишей, так сказать, неофициально. Официально они на сборах далеко в лесу на частной военной базе. Типа

повышение квалификации, оттачивание боевых навыков в полевых условиях и в условиях непроходимой тайги и болот. А по факту они направились в Богом забытую деревушку где-то на восточной границе Турции с Ираном. Со слов Антона, их “начальники” не просто отменили операцию, но и не позволили использовать ту самую главную разменную монету. Те, кто держал брата в плену, требовали двух своих лидеров, находящихся в заключении в одной из наших государственных тюрем, в обмен на моего брата. Именно поэтому все отменилось. Уж больно важными и нужными “шишками” оказались те двое. Да и от лишней звездочки на погонах никто не хотел отказываться. Даже если ценой этих самых “звездочек” была жизнь бойца, который посвятил себя служению государству.

На мой вопрос “А как же они тогда собираются вытаскивать Мишу?” Антон опустил глаза и замолчал на долгих несколько минут. Меня, конечно, это значительно так напрягло. И в момент, когда я уже открыла рот и хотела попросить его продолжить свой рассказ, он снова заговорил.

Боже, лучше бы мне этого не знать! Но как? Как правильно реагировать, если ребята пошли на это ради спасения моего брата?! Это же самоубийство просто! Они ведь просто полагаются на удачу. Мне даже не нужно долго думать чья это была идея. Тут явно работал “коллективный разум”. Один бы до такого не додумался. Это ж надо было придумать нацепить мешки на головы Роме с Макаром, чтобы обмануть представителей “той” стороны. Все бы ничего, но только эти два амбала под два метра ростом и вширь полтора! Вообще ни разу по комплекции на турков не тянут. Но рассчитывают на долбаный эффект неожиданности, профессионализм Влада и какой-то таинственной незнакомки “коллеги по цеху” Влада, скорость реакции и навыки остальных ребят, а также способность Яра, в случае чего, вытаскивать людей с того света. Ну и, наверняка, на недалекость ума тех, кто будет присутствовать на обмене. Ведь не заметишь разницу между огромными мужиками с мешками на головах и теми, кого ждут похитители, может разве что абсолютный, непроходимый глупец. Жесть! Они все реально чокнутые! Сама лично прибыю нафиг всех, когда они вернутся.

— Ну, расклад такой, — заканчивает Антон и смотрит на меня. Он, наверное, ждет, что я сейчас начну биться в истерике, но нет. К своему собственному удивлению, я держусь и даже не плачу больше.

— У меня просто голова разрывается от всей информации, — прикрыв глаза, массирую виски. Голова реально начинает болеть. — Я, наверное, пойду полежу... Может, посплю, — встаю с дивана и иду в спальню.

— Насть, — Антон догоняет меня у дверей в комнату, его обеспокоенный взгляд сканирует мое лицо, будто пытается понять все ли со мной в порядке. — Может это... врача вызвать?

— Нет, ты что... Тош, — беру друга за руку, — со мной правда все в норме. Просто голова болит. Я ж не спала практически все эти дни, а тут столько информации... Все хорошо и спасибо, что рассказал мне. Для меня это много значит.

— Ладно. Ты тогда и правда поспи. Я буду тут. Если что, зови.

Захожу в темную комнату и падаю на кровать. Я измотана и морально истощена. Не хватает даже сил на то, чтобы раздеться и залезть под одеяло. Я просто хватаю край верхнего пледа, которым заправлена кровать, вместе с одеялом и закутываюсь в них, как в кокон. Тепло. Глаза сами собой закрываются и я медленно уплываю в сон.

Меня будит стук в дверь и еле слышное:

— Насть... — в дверном проеме стоит Антон и зовет меня. Я выбираюсь из-под одеяла и присаживаюсь на кровати. Тем временем друг подходит и протягивает телефон: — Тут с тобой поговорить хотят...

Передав мне телефон, Антон выходит. А я смотрю в экран и вот теперь меня прорывает. Все волнение и страх сейчас выходят из меня бурным потоком слез и громкими рыданиями. Дрожащими пальцами щелкаю выключатель, включаю лампу и комната озаряется мягким светом. Возвращаю свой взгляд на экран смартфона и, глядя в родное, улыбающееся лицо, сейчас щедро украшенное синяками и свежими ссадинами, наконец выдавливаю из себя:

— Миша...

Настя

— Миша... Миша? Это и правда ты?

— Привет, сестренка, — брат говорит тихо и достаточно медленно. Заметно, что слова ему даются как-то с трудом. Ну еще бы, весь побитый. Так жалко его, что ему пришлось все это пережить. — Не плачь, малышка, перестань. Ты мне душу рвешь.

— Я... Я просто... Миша...

— Я в норме, Насть, — успокаивает Миша, — в норме.

— Ага, я вижу. На тебе живого места нет, — мой рев оглушает спальню. На заднем фоне за братом наблюдаю какую-то возню, но из-за пелены слез мне не удастся разобрать кто там ходит и что говорит.

— Да на мне, как на собаке, все заживет быстро. Так что скоро снова стану красавчиком, — пытается мне подмигнуть. Он так всегда девушек цеплял, я видела лично. Это его “короночка”, но с его заплывшим глазом это смотрится скорее жутко, нежели соблазнительно. — Ай, бля...

— Больно?

— Норм все. Тебе не о чем беспокоиться.

— Ты скоро дома будешь? — очень хочется, чтобы они все уже вернулись, но не хочу вызывать подозрения у брата, спрашивая об остальных. Он хоть и в курсе, что мы все хорошо общаемся, но все же может как-то не так понять.

— Нет, не скоро, — в смысле??? От слов брата даже плакать перестаю.

— Как так, Миш? Почему?

— Ждем, когда нас заберут.

— А вы... вы хоть в безопасности там? — голос хрипит, волнение шкалит.

— Да, — твердо, — об этом даже не волнуйся. Ладно, Настен, мне пора закругляться.

— Подожди! — выкрикиваю прежде, чем Миша успевает отключиться. — А как остальные? Все... целы?

— Целы, целы! — мягкий баритон брата позволяет страху отступить. Все целы... — Что с ними станется! Так, покоцанные немного, но жить будут.

— Кто-то ранен?

— Да Егора с Владом малость зацепило, но там царапины. Остальные в норме.

— Фух! — вздох облегчения вырывается сам собой. — Слава Богу. И, как думаешь, долго вам там отсиживаться?

— Понятия не имею. Все, Насть, пора мне.

— Хорошо, хорошо. Ты там всем привет передавай от меня, ладно? И возвращайтесь скорее.

— Пока, сестренка. Скоро увидимся. Дико соскучился по тебе...

В этот момент мне вдруг становится понятно, что за шум и возня была в помещении. За спиной брата сейчас я вижу массивную фигуру в черной форме. Мне даже взгляд поднимать не надо, я совершенно точно могу сказать кто стоит позади брата, прямо за его спиной. Ярослав. Едва сдержав всхлип, смотрю в его глаза и задыхаюсь от нежности, любви и невероятного чувства облегчения от того, что с ним все хорошо, что он цел и невредим даже. Так много хочется ему сказать и там много вижу в его взгляде. Безграничная любовь, дикая

тоска, ничем не прикрытая похоть... Но брат не знает о нас и сейчас явно не самое подходящее время все ему рассказать, с учетом того, что он, как мне кажется, догадывался о причинах моего побега из родного дома и города. Нельзя сейчас его волновать. Да и я не смогу остановить его в случае, если он захочет “защитить честь” сестры. А потому отвечаю Мише так, чтобы каждый из них понял, что обращаюсь именно к нему, но брат бы ни о чем не догадался:

— И я... — голос совсем охрип, — и я очень соскучилась, родной. Я очень тебя люблю... — говорю и рискую перевести взгляд на Яра в надежде, что брат не заметит на кого именно я смотрю. Яр в свою очередь улыбается своей самой счастливой и открытой улыбкой, прикладывает сжатый кулак к месту, где бьется его сердце и посылает мне воздушный поцелуй. Мое сердце замирает. Повторяю его жест, поцеловав свои пальцы, отправляя поцелуй в ответ. Улыбаюсь. — Я буду ждать, когда ты вернешься. Когда вы все вернетесь. Пока.

— Пока, сестренка, — прощается брат и отбивает звонок. Экран гаснет, а я, наоборот, начинаю светиться от счастья. Потому что все обошлось! Потому что все они живы и относительно в норме.

Выхожу из спальни абсолютно счастливая, возвращаю телефон Антону.

Дальше иду на кухню и начинаю готовить. Несмотря на то, что сейчас уже глубокая ночь, я полна энергии. Будто выпила несколько банок энергетиков и запила все это кофе.

Отвлекаюсь от мытья посуды, когда слышу, как в кухню сонный и помятый заходит Тоша. Понятно, что его привлек запах запеченной курицы с картофелем. Этот человек “за любой кипиш, кроме голодовки!”. Смеюсь, а он пожимает плечами, типа “ну что такого, ты ведь меня знаешь”. Накрываю на стол, мы ужинаем или уже завтракаем. Не знаю, как правильно назвать этот прием пищи, ведь часы показывают половину пятого утра.

Закончив с едой, Антон уплывает в гостиную и снова падает спать. Устал он со мной за эту неделю, постоянно на чеку. А теперь, когда видит, что я немного пришла в себя, тоже дает себе возможность расслабиться и хотя бы немного поспать.

Закончив уборку на кухне и разместив остатки курицы и салат по контейнерам в холодильнике, осознаю, что силы меня все же покидают. Видимо, хорошие новости и на меня подействовали благоприятно и меня начинает клонить в сон. Решаю все же принять душ перед тем, как идти в кровать. В душевой кабине обильно намыливаюсь гелем для душа, которым моется Яр. Кайфую от того, что пахну им. Ополоснувшись, выхожу из кабины, вытираюсь насухо, заматываю волосы полотенцем и, переодевшись в пижаму, выхожу из ванной. И уже на подходе к спальне слышу звонок в дверь. Смотрю на часы — время семь тридцать. Интересно, кто может заявиться в такую рань?

Будить Антона не хочется, ведь если ребята все решили “там”, то здесь мне уже ничего не грозит, ведь так? А потому, иду в коридор и открываю дверь.

На пороге стоит красивая молодая женщина с белокурыми вьющимися волосами. У нее большие красивые глаза с необычным разрезом. Женщина стильно одета: юбка-карандаш, розовая полупрозрачная блузка, через которую видно кружево ее белья, и красное распахнутое пальто в комплекте с высокими сапогами-чулками на высоченной шпильке. Что ж, рядом с ней я сейчас смотрюсь как замухрышка: босая, в пижаме и с полотенцем на голове. И в этой голове у меня как раз крутится вопрос: кто она и какого черта делает здесь в семь утра, на пороге квартиры моего будущего мужа?

Мы все также стоим и молча смотрим друг на друга, не рискуя задавать вопросы. В

глазах этой особы я наблюдаю нехилый такой мыслительный процесс.

— Ты кто такая? — наконец незнакомка нарушает тишину. Тон, конечно, весьма высокомерный и этот вздернутый нос, который так и кричит о том, что она обо мне думает, поднимают во мне волну протеста. Но я беру себя в руки и стараюсь сохранять спокойствие. В конце концов, сейчас мы все выясним и вот тогда уже можно будет составлять свою модель поведения.

— Настя, — спокойно отвечаю, — а Вы кто?

— Я Елена, невеста Ярослава Кострова, и мне любопытно какого хрена какая-то малолетка почти голая рассекает по дому моего будущего мужа?!

Яр

В окно, хотя окном это назвать можно с натяжкой, скорее уж щель между досками, которыми заколочена оконная рама, пробиваются первые лучи солнца. Ночь прошла без сна. Крутился с боку на бок на своем импровизированном “ложе” и докрутился до того, что ребра ломит так, будто меня пинали долго и беспощадно. Вчера, после короткого мимолетного контакта с Настей душу наизнанку от тоски выворачивает. Отсюда и бессонница. Бесит все! Сидим тут, как крысы в норах уже третьи сутки, прячемся и выжидаем сигнала к эвакуации. Мозгами все, блядь, понимаю, что по-другому нельзя, иначе подставимся, а у нас, между прочим, два трехсотых, благо, что не тяжелых, но все же... Знаю, что сидеть надо тихо и не высовываться раньше времени, но на сердце беспокойно. Ноет и болит. И, вроде, увидел вчера свою девочку. Бледную, измученную, зареванную... Переживала, малышка. Все эти дни переживала. Тоха мельком сказал, что ревела безостановочно, за что отхватит по своей аппетитной попке сразу, как только вернусь. Ну или после того, как пару раз предамся с ней разврату. Соскучился по ней пиздец как! На адреналине все чувства и ощущения ярче, острее. А адреналина мы хапнули неслабо.

Поначалу все шло достаточно складно. Нас перебросили в точку, максимально близкую к месту обмена. Мы прибыли туда намного раньше, чем противник, чтобы было время осмотреться и занять позиции. Особенно важно было, чтобы Влад со своей подопечной, смогли найти для себя выгодные точки, чтобы прикрывать нас, ибо на них ложилась львиная доля всей операции. Ясмина, она же Яся, оказалась совсем еще “зеленой” девчонкой, но настоящим профессионалом. Мы по началу все немного охренели от того, кого увидели перед собой, ведь Влад не упоминал, что этой малявке едва исполнилось девятнадцать. Мы не стали уточнять как и почему она оказалась в рядах снайперов, ведь это ни хрена не девчачья профессия. Мак, конечно, попытался поприставать с расспросами, но Влад достаточно ясно дал понять, что не стоит этого делать. Доходчиво, надо сказать, объяснил — кулаком по челюсти. Яся же только отводила взгляд и молчала. Всех, безусловно, напрягало то, что наши жизни окажутся, по сути, в руках у ребенка-подростка, сомневаясь не только в ее профессионализме, но и в эмоциональной стабильности. Не каждый мужик может убивать. А тут девчонка. Но сомнения отпали сами собой, когда мы оказались на “точке”. Она общалась с Владом на равных, они что-то бурно обсуждали, касаясь позиций и тактики. Он несколько раз с ней соглашался. А потом, когда началась вся та мясорубка, признаться честно, если бы не она и ее навыки, Егор бы не отделался царапинами. Яська вовремя заметила и успела снять “их” снайпера и его пуля прошлась по касательной, лишь слегка чиркнув командира по плечу. А потом подключилась к тому, для чего ее сюда притащил Влад — прикрывала наши задницы на уровне “профи”. Заварушка, конечно, получилась серьезная, пошумели мы там... Но зато мы вытащили Миху, обойдясь без потерь и теперь с уверенностью можно сказать, что Настя в безопасности, ведь группа противника, включая зама Фиратов, полностью уничтожена и ей ничего не угрожает. Да и Тоха там с ней, прикроет, если что.

Тогда почему на душе так паршиво-то?

Казалось бы, после встречи, пусть и по видео, должно стать легче, но я же всю ночь так и не сомкнул глаз.

Подрываюсь с места, стараюсь не шуметь и никого не разбудить. Хочу выйти на улицу и подышать свежим утренним воздухом, а то от этой жары уже внутренности закипают. Тихо крадусь по скрипучему полу, стараясь не создавать лишнего шума. Уже на выходе слышу, как из угла доносится хриплый шепот. Слов не разобрать, почти ничего не видно. Не помню, где вчера вечером лег Егор. Может, это он и ему плохо? Сворачиваю и иду на тихий голос, но, сделав пару шагов, понимаю, что я тут лишний. Влад лежит в углу комнаты на своем лежаке, Яся доверчиво жмет к нему, тот что-то шепчет ей на ушко, по его лицу блуждает довольная улыбка, а потом слышатся звуки поцелуев и тихий девичий стон. Никогда его таким не видел. Всегда серьезный, хмурый и молчаливый. А тут... Во дела... И кто бы мог подумать, что они вместе. Но куда важнее вопрос: как он рискнул притащить в это пекло свою любимую девочку? Я бы не смог.

Дабы не спугнуть столь нежный и интимный момент, также тихо отхожу, все еще оставаясь незамеченным, и возвращаюсь к дверям. Выйдя на улицу, наконец, делаю полноценный вдох. Легкие обжигает свежим, холодным утренним воздухом. На мгновение становится легче. Но потом внутренности снова скручивает тугим узлом. Сил терпеть больше нет, я схожу с ума от неизвестности. Мне нужно знать, что с Настей все хорошо. Потому что то гадкое предчувствие надвигающегося или, того хуже, уже случившегося пиздеца может быть связано только с ней. Достая старинный “кирпич” — спутниковый телефон, давным давно списанный с баланса управления, как устаревшая модель, нажимаю на нужные кнопки и жду. Понимаю, что нарушаю все мыслимые и немыслимые правила, рискую жизнями всех, кто тут сейчас находится, потому что, если звонок засекут, то нам всем тут крышка. Но по-другому не могу. Должен хотя бы услышать ее голос, ведь увидеть сейчас не получится. Тот “левый” телефон, по которому мы вчера осуществили видеозвонок, сразу после был отвезен и “похоронен” в песках. Остался только спутниковый.

Проходит сколько? Гудков двенадцать или пятнадцать, но на том конце провода по-прежнему глухо. Какого хера происходит?! У Антона есть четкие инструкции: всегда быть на связи. Несмотря на то, что он остался там, с Настей, основных задачи у него было две: Настина безопасность и наблюдение за активностью противника. Мы знали несколько контактов, которые были связаны непосредственно с оставшейся верхушкой группировки и для надежности Тоха отслеживал всю их виртуальную активность. Это нужно было для того, чтобы понимать, убрали мы всех или же кто-то остался. Во втором случае он должен был незамедлительно выйти на связь, а для этого он должен быть на связи всегда! Всегда, блядь! Так какого хера я сейчас в этой гребанной трубке слышу лишь гудки?!

— Сука! — рычу себе под нос и снова набираю.

С третьей попытки, наконец, в трубке слышу какой-то шорох, а не надоевшие до зубовного скрежета длинные гудки.

— “Демон” на связи.

— Демон, сука, где тебя черти носят?! — срываюсь на друге и сослуживце. Нервы ни к черту.

— Докладываю: по заданным контактам активности не было уже шестьдесят восемь часов, с момента зачистки, — Тоха чеканит доклад, а мне не это нужно. Мне нужно знать все ли с Настей в порядке.

— Я не за отчетом, Демон. Как объект? — знаю, как мою бестию бесит это определение, но по-другому никак. Светить имена, пусть и на зашифрованном канале связи, небезопасно. Риск все равно остается. — В норме? — в трубке напряженная тишина. Эта

долбанная тишина рвет душу на куски так, словно я сейчас услышу свой смертный приговор.

— Объект окончательно покинул укрытие по собственной инициативе и скрылся в неизвестном направлении.

Чего? Как так? Он там, нахер, с ума сошел? Как отпустил? Почему “скрылся”? Какое еще, нахуй, “неизвестное направление”? Все эти вопросы крутятся бесконечной каруселью у меня в голове, но вслух так ничего и не могу выдать. Лишь какие-то невнятные хрипы.

— Ну и мудака же ты, Лазарь... — тихий, но жесткий голос друга в трубке и смысл его слов доходят до меня будто сквозь вату и взрывают мозг. Что могло произойти такого, что Настя ушла? — Демон. Конец связи.

Настя

Снова предательство...

Снова боль...

И, вроде, уже переживала подобное несколько лет назад, так почему же сейчас мне не легче, а наоборот? Почему организм не может реагировать на повторное предательство, как на вирус, например? Переболев один раз вирусом, организм вырабатывает иммунитет на данный штамм. Увы, не существует иммунитета на обман и боль от предательства родного и самого любимого человека. А так хотелось бы... Или, может, прививку бы какую-нибудь... Ну хоть что-то, чтобы унять это отвратительное ноющее чувство в груди.

Я лежу в кровати, накрывшись с головой одеялом, будто спрятавшись от всего внешнего мира. После вчерашнего разговора с, как выяснилось, беременной невестой Яра, Антон отвез меня в старый пустующий, но пригодный для жилья домик его бабушки, который расположен в нескольких километрах от города. Сначала я хотела поехать на Мишину дачу, но, поразмыслив, поняла, что это плохая идея. Там меня будут искать в первую очередь.

Антон не задавал вопросов. Да и к чему вопросы, когда он сам все слышал своими ушами. Потом сам помог мне собрать мои вещи и сам же увез из теперь уже чужой для меня квартиры, которая никогда так и не станет для меня домом. Как и Яр — никогда не станет моим...

Больно. Больно так, что даже дышать трудно. Зачем? За что он так со мной? Ведь столько слов любви говорил мне! Столько нежности и ничем не прикрытого желания было в его взгляде! Столько обещаний! Ведь не хотела, не хотела ему верить! Не хотела снова поддаваться своим чувствам, которые похоронила еще будучи совсем юной девочкой. А он все снова разрушил. Мою броню, что выстраивала годами... Мою жизнь... Уничтожил сердце... Снова...

Мысленно возвращаюсь в тот момент, когда открыла дверь незнакомке. Словно заядлый мазохист снова и снова прокручиваю в голове наш разговор.

— Я Елена, невеста Ярослава Кострова, и мне любопытно какого хрена какая-то малолетка почти голая рассекает по дому моего будущего мужа?!

В голове шум. И только одно слово набатом бьется о мою черепную коробку — невеста... невеста... невеста Ярослава Кострова...

Боже, ну за что мне все это?!

Елена со всем своим недовольством проталкивается в квартиру, совсем не аккуратно подвинув меня с прохода. Быстро пробегается по всем комнатам, включая спальню. Там задерживается подольше, наверняка обшаривая все шкафы. Да и смятая кровать о многом может сказать.

На плечах чувствую теплые ладони. Оборачиваюсь, Тоша смотрит мне в глаза. Все он понимает. И ситуацию, и мой шок, и ступор, в котором я сейчас нахожусь. Чуть сжимает мои плечи, давая такую необходимую мне сейчас поддержку. Как и всегда.

— Я с тобой, — прижимается губами к моему лбу и оставляет быстрый поцелуй, — разрулим. Только держись и не показывай своих эмоций. Ты — боец! Она не должна знать, что ты разбита!

Он даже не спрашивает. Он утверждает, что я разбита. Вдребезги! На мелкие осколки,

не собрать. Нет больше той Насти, которой я была еще несколько минут назад. Больше нет. Но Антон прав, эта женщина не должна видеть моего состояния. Да и малыш, которого она ждет не должен пострадать. Как бы меня не задевала вся эта ситуация с предательством любимого мужчины, это ведь Его ребенок, Его малыш и становится причиной каких-то проблем со здоровьем малыша, если его мама будет нервничать.

Мне удастся взять себя в руки и решить что делать дальше и как реагировать на присутствие этой женщины.

— Мне кто-нибудь объяснит что здесь происходит и где мой жених?!

Дамочка демонстративно сбрасывает с себя пальто и впивается в нас с Антоном злобным взглядом. Я уже придумала, что скажу и какую версию событий услышит Елена, а потому делаю маленький шаг назад, прижимаясь к Тоше всем телом. Он, недолго думая, скрещивает свои руки у меня на груди, обнимая в ответ. Поза, надо сказать, весьма говорящая. Друг без слов понимает все и, конечно, готов подыграть. Вот только странно сердце его колотится и он прижимается носом к моей шее за ушком, будто вдыхая мой запах. Переигрывает слегка, но об этом мы с ним поговорим позже. Сейчас надо тут все разругать и бежать, сломя голову, не дав себе шанса передумать.

— Елена, — прочищаю горло и начинаю транслировать “нужную” версию, — Вы зря так разволновались. Пойдемте на кухню, выпьем чаю и все обсудим, хорошо. Тош, милый, — поворачиваюсь к другу, тот смотрит мне в глаза и нежно улыбается. Красивый, зараза! — Поставь, пожалуйста, чайник.

— Да, малышка, сейчас, — чмокает меня в губы, проводя едва заметно по ним языком. Черт, это сейчас что такое было?! Позже! Я подумаю об этом позже.

— Понимаете, — снова обращаюсь к будущей жене “не своего” мужчины, — мы с Тошей, моим парнем, тут живем временно, пока Ярослав, сослуживец Антона, находится в командировке. Он разве Вам не говорил, что уедет? — странно, реально странно, почему эта беременная дамочка не в курсе о его отъезде.

— Нет... Не совсем так. Он говорил, что поедет в командировку, что там не будет связи, но я привыкла. Не первый раз, — уже поспокойнее отвечает. Видимо, наши объятия и поцелуй “понарошку” с Антоном убедили ее в том, что угрозы ее будущей семье нет. — Сказал, что вернется через пару дней. Может, чуть больше. Видимо, задержался и не сказал. Наверное, просто не хотел волновать. Он ведь такой заботливый и любит меня. Я же жду нашего малыша... Знаешь, Ярослав так обрадовался, когда узнал, что станет отцом. Прыгал до потолка, на руках меня носил и пылинки сдувал, — она прикрывает глаза и мечтательно улыбается. А у меня сердце кровью обливается. Я ведь знаю, что Яр и правда хочет стать отцом. Сам мне сказал, когда бесконечно кончал в меня... — Наверняка, скоро вернется к нам и все объяснит.

— Да, — вымученно улыбаюсь и стараюсь держаться, — кстати, поздравляю Вас. Идемте к столу, там уже чай готов. Антон у меня такой молодец...

— Да, милый парень, — Елена берет свое пальто со спинки дивана, на которую она его скинула в порыве своего гнева, одевается. — Знаете, я пойду тогда. Только...

— Что?

— Почему вы оба тут? Ярослав не любит гостей в его доме, а тут вы двое и без него...

— Ах, это... — и что мне ей ответить? Вся моя фантазия закончилась на том, чтобы придумать историю про наши с Антоном “отношения”.

— В нашей квартире ремонт затянулся, — друг приходит на помощь, выходя из

кухни. — Настя только переехала сюда. Я долго ее звал жить вместе, но она учится в другом городе. Так и жили — наездами друг к другу. Я даже думал перевестись, чтобы быть поближе к ней, девочке моей любимой, — снова рука на талии и поцелуй в висок, — но мне удалось уговорить ее перейти на заочное обучение и переехать ко мне. Я затеял ремонт, но, как оно часто бывает, строители подвели со сроками и Яр предложил перекантоваться у него, чтобы не тащить мою будущую жену в гостиницу.

На слове “жена” сердце мое спотыкается. Мне кажется или Антон говорит это как-то... с нежностью и надрывом что ли? Я чего-то не знаю?

— Хм... Какая милая история, — Елена улыбается и проходит к дверям. — Ну, я пойду. Всего хорошего.

Хлопок входной двери, щелчок замка.

Семнадцать секунд...

Семнадцать секунд я держусь, собирая все свои силы в кулак, но тщетно... Спустя бесконечные секунды из груди вырывается первый громкий всхлип. Я, зажмурившись, начинаю оседать на пол, но не успеваю упасть. Меня подхватывают сильные руки. Антон... Мой страховочный трос и мое спасение от падения в бездну боли от предательства любимого мужчины.

— Тише, тише, девочка, — успокаивающий голос друга пробивается сквозь громкие рыдания, — чего ты хочешь сейчас? Чем тебе помочь? Только скажи, я все сделаю, Насть, слышишь? Только не плачь, маленькая, не плачь...

Антон покрывает мое лицо хаотичными поцелуями, избегая губ. Никакого интимного подтекста, лишь дружеская поддержка.

— Забери... — хриплю, словно простужена. Голос осип от слез и рыданий, — забери меня отсюда, Антон, — разворачиваюсь в его руках, цепляюсь скрюченными пальцами за футболку друга, словно от этого сейчас зависит моя жизнь. Хотя, так оно и есть. Если останусь тут, в этой квартире, то точно умру, не выдержу всего этого. — Увези, умоляю. Туда, где никто не найдет. Где Он не найдет...

— Хорошо, хорошо, — соглашается Антон, крепче прижимая к себе и глядя по голове, — пойдем, Настен, пойдем собираться. Ты только не плачь, все будет хорошо... хорошо...

Дальше все будто в тумане. Словно мне вкололи убойную дозу снотворного, но тело почему-то все еще функционирует, хотя мозг в полной отключке. Я не помню, как иду в комнату и скидываю в сумку все самое необходимое. Не помню, как переодеваюсь. Не помню, как Антон забирает из моих рук сумку и выходит из квартиры в подъезд, ожидая меня.

Прихожу в себя уже стоя в прихожей, зашнуровывая кроссовки. В глаза бьет яркий блеск. Кольцо... То самое помолвочное кольцо, которое подарил мне Яр, когда делал предложение и я сказала “да”...

“Станешь моей женой? Станешь Костровой?”

Совсем другая женщина скоро станет Костровой, не я. И она родит Яру ребенка, не я. И он будет ее мужем, не моим. Получается, что моим он и не был никогда...

Вспоминаю слова Яра в тот момент, когда мы хотели стать семьей и на глазах снова слезы. Странно, думала, что выплакала уже все, что могла...

Поднимаюсь, нахожу в ящике комода, что стоит в прихожей, ручку и листок бумаги. Быстро царапаю несколько слов и, стянув кольцо с безымянного пальца, аккуратно кладу его

на листок. Все. Теперь точно все. Делаю глубокий вдох и, прикрыв глаза, шагаю за порог, будто в пропасть бросаюсь. Сюда я больше не вернусь.

Антон молчит. Смотрит, молчит и ни о чем не спрашивает, за что я ему бесконечно благодарна. Ведь ответить я ему не смогу. Знаю, чувствую, что стоит мне лишь рот раскрыть, чтобы произнести хоть звук, снова сорвусь в истерику.

В машине едем в полной тишине. Я не знаю, куда Антон меня везет, мне и неважно, лишь бы подальше от всех и от Яра в особенности.

Подъехав к небольшому ухоженному дому, Антон помогает мне с сумкой, проводит короткую экскурсию по комнатам и напоследок, вручив свой телефон, забрав при этом мой, что выдал мне Егор, уезжает. Я, наконец, остаюсь одна. Найдя кровать, забираюсь в нее и забываюсь тревожным сном.

Так и продолжая лежать под теплым одеялом, поднимаясь только чтобы попить воды, я провожу в этом уютном месте несколько дней. Ничего не знаю и знать не хочу, внешний мир меня не интересует. У меня “постельный режим” и нарушать его я не собираюсь. Сейчас спасительная тишина и мое одиночество — это лучшее лекарство от моего недуга. Есть совсем не хочется. Все то, что я с трудом впихиваю в свой желудок, покидает его с невероятной скоростью. Со мной всегда так было. Когда я нервничала или переживала, то не ела ничего. Только вода и теплый сладкий чай. Но сейчас на чай не хватает сил. Их нет совсем.

Сколько я уже здесь? Часы или дни? Неважно. Я просыпаюсь, смотрю в потолок, погружаюсь в воспоминания. Снова боль и слезы и я засыпаю вновь, лишь бы только не испытывать ничего, ничего не чувствовать.

Из моего забытья меня выдергивает тихая вибрация. Телефон, что дал мне Антон, лежит под подушкой и кто-то настойчиво пытается дозвониться. Вглядываюсь в экран, но там только цифры и нет имени звонящего. Номер незнаком. Поразмыслив, что это может быть Антон, все же отвечаю на звонок.

— Привет, — слышу голос друга и впервые за все это время улыбаюсь. — Ты как там? Не одичала еще в одиночестве?

— Привет, Тош. Нет, одиночество — это то, что доктор прописал.

— Я серьезно, Насть. Давай я приеду, поговорим? — понимаю, что он беспокоится, но я не могу и не хочу сейчас ни с кем разговаривать и видеть эти жалостливые взгляды...

— Нет, не надо. Я хочу побыть одна, — шепчу в трубку, но друг меня слышит. Понимаю это по его разочарованному вздоху. — Я вообще хочу быть одна...

— Не говори так. Все пройдет, вот увидишь. И потом будет легче.

— Будет, Тош. Конечно будет. Но сейчас я хочу тишины и покоя. Хватит с меня этой эмоциональной мясорубки. Меня так перемололо, не собрать... — по щеке скатывается одинокая слеза, но я не позволяю себе расклеиться снова.

— Они возвращаются завтра.

Мне всегда было интересно, чувствует ли человек боль перед смертью, когда ему стреляют прямо в сердце. Вот сейчас я нашла ответ на свой вопрос. Да, чувствует. Очень больно. Слова Антона, будто пуля, впиваются в самое сердце.

— Не говори никому где я, пожалуйста.

— Даже брату?

— Только ему.

— Ладно. Увидеться с ним хочешь? С Михой?

— Да.

— Я устрою. И, Насть...

— Что?

— Я сделаю все, чтобы Он не узнал, где ты. Не переживай.

— Спасибо. Пока.

— Пока.

Антон прощается и отключается, а я снова рассматриваю узор из мелких трещин на потолке. В голове шумно. Много мыслей, очень много. Они сейчас похожи на огромную толпу людей в метро. Толкаются, спотыкаются друг о друга, резко меняют направление...

Вот только среди этого хаоса из мыслей, отчетливо выделяется самая страшная и самая болезненная.

Он возвращается... К ней...

Яр

Просидев в Богом забытом месте еще двое суток после звонка Антону, мы, наконец, снимаемся с позиции и направляемся в точку эвакуации. Там нас ждет вертолет, который перекидывает нас на частную военную базу, а оттуда мы на грузовом самолете отправляемся на Родину.

После того, как я узнал о том, что Настя куда-то ушла, поговорил с Егором. Ну как поговорил, проорался, как черт сумасшедший, за что справедливо огреб кулаком по челюсти. Ибо нехер плевать на субординацию на боевом задании. Несмотря на “воспитательные” пиздюли, Егор связался с теми, кто нас должен был вытаскивать из этого пекла и сообщил, что через два дня мы отправимся домой.

Двое суток я маялся и не находил себе места. Гребаные сорок восемь часов тянулись так долго, выворачивая все мое нутро наизнанку от волнения. Я реально боялся, что причина, по которой ушла Настя, на самом деле представляет собой полный пиздец. Потому что моя девочка хоть и вспыльчивая натура, но чтобы просто уйти... Еще и в момент, когда я на операции по спасению ее брата... Это точно не в ее стиле. А, значит, там самая настоящая жопа. И мне это все нужно как-то разруливать. А как это сделать, если я понятия не имею, что за херня там произошла?!

Моя нервная система и так трещит по швам и тот факт, что по прилету на частную тренировочную базу уже в пределах нашей необъятной, мы не отправляемся домой. Мы вынуждены сидеть тут еще сутки для поддержания легенды о наших тренировках в экстремальных условиях. По словам командира, наши чины слабо поверили в притянутую за уши историю о наших тренировках и неоднократно наведывались с внезапным визитом на эту базу под предлогом проверки своих бойцов. Нас. Но вовремя предупрежденные друзья Егора рассказывали нашим генералам складные байки о том, как мы по болотам в полной боевой экипировке скачем да медведей распугиваем. Вроде, эти “сказки” всех устраивали. Либо все сделали вид, что так...

— Я сваливаю, — захожу в столовую и падаю на стул рядом с Егором. — У меня Настя пропала, я не могу тут больше отсиживаться, командир.

— Да понимаю я все, Яр, — Егор отодвигает от себя тарелку с рисом и каким-то подливом, смотрит на меня, понимая, что я испытываю. У него с Леркой тоже не сразу все гладко вышло и был момент, когда мы ее искали всем отрядом. Но там история совсем хреновая была. Надеюсь, что наша с Настей не будет похожа на их. — Через полтора часа вылетаем домой.

— Принято, — чеканю, едва сдерживая свое нетерпение. Мне бы вот прямо сейчас, но и полтора часа я в состоянии выдержать. Это не сутки, в конце концов. — Спасибо, Егор.

Поднимаюсь и молча покидаю столовую.

Полтора часа хожу из угла в угол, словно зверь в клетке, которого не пускают к его самке. Хорошо хоть Миху сразу отправили в городской военный госпиталь и его тут нет, а то бы он по-любому спрашивал о Насте, а мне, мало того, что ответить ему нечего, так и сам на нервяке весь. Не получилось бы у нас разговора нормального. Пришлось бы все рассказывать ему о нас, огревать от него сначала за то, что тронул его сестру, а потом и за то, что накосячил и она исчезла куда-то. Где теперь ее искать?! Но я найду! И по жопке своей она

отхватит так, что мало не покажется!

Особо не улавливаю событий, что происходят вокруг. Я полностью погружен в себя и свои мысли. Не замечаю даже перелет. Прямо с аэродрома сваливаю, попросив какого-то парнишку-сержанта отвезти меня на нашу квартиру. Надо сначала проверить все там, потом уже думать куда она могла отправиться. Есть у меня пара идей, но нужно время, чтобы проверить. И обязательно вытрясти из Антона все, что он знает. А он что-то знает, гад! Иначе не стал бы он меня мудаком называть...

Заходя в квартиру, сразу понимаю, что Настя давно здесь нет. Холод и пустота, вот что я чувствую внутри, когда зайдя в спальню, в нашу с Настей спальню, в открытом шкафу вижу пустые полки там, где лежали вещи моей девочки.

Блядь! Да что могло произойти, пока меня не было-то?! Ведь во время видеозвонка и разговора Михи с Настей, она смотрела на меня так, словно я весь ее гребаный мир! Она же мне тогда сказала, что любит и скучает! Мне! Какого тогда хрена ее здесь нет?!

Со психом швыряю свой рюкзак в угол комнаты.

— Сука!!! — падаю на кровать и обессилено рычу, — да как так-то?!

Умом понимаю, что надо взять себя в руки, вырубить все эмоции и действовать четко и по плану. Плану, которого у меня пока нет, потому что вообще нет никаких вводных данных. А кто мне может эти данные предоставить? Верно! Антон!

Шарю по карманам и достаю из разгрузки свой телефон, набираю номер хакера. Гудки... Опять гудки... Не берет трубку, гаденыш. Но ничего, я тебя из-под земли достану и ты мне все расскажешь!

Поднимаюсь с кровати, скидываю с себя всю одежду и иду в душ. Долго стою под теплыми струями воды и вспоминаю... Вспоминаю, как здесь, прямо в этой душевой кабине, Настя отдавалась мне вся без остатка. Как ее маленькие ладони скользили по мокрому кафелю... Как она жадно хватал воздух своими пухлыми, розовыми, зацелованными мной губками... Как потом эти же губки скользили по моему члену, унося меня в мой личный Рай...

Рай... С ней, с моей Настей, моя жизнь похожа на Рай. Без нее я будто в Аду. И жить в этом Аду снова я не хочу.

Выключаю воду, вытираюсь, натягиваю еще на влажное тело белье, футболку и спортивные штаны. Выхожу из ванной и, уже практически заходя в гостинную, замечаю на темном комодe листок бумаги, что светлым пятном выделяется на фоне темно-коричневой поверхности комода. Подхожу и мое сердце останавливается на несколько секунд. Меня оглушает волной боли и страха. В ушах глухо, в душе пусто. Наверное, похожие ощущения испытывает человек за мгновение до собственной гибели. И это все ощущаю лишь заметив изящное колечко, что покоится на том самом листке бумаги. То самое колечко, что является символом моей любви и желания, чтобы Настя была моей всегда. То самое колечко, которое я одел на ее миниатюрный пальчик на правой руке, когда она сказала мне “да”... И вот сейчас этот символ моей любви одиноко лежит на клочке бумаги, исписанным Настиним почерком.

Зажав в кулаке кольцо, которое совсем скоро я верну на его законное место, читаю записку. И каждое слово в ней будто кинжал, вонзающийся в мою грудь. Никакой анестезии... Все наживую...

“Яр, я так и не смогла уйти молча, хоть и собиралась это сделать. Знаешь, несмотря на то, что ты снова выбрал не меня, я желаю тебе счастья. Я, видимо, была для тебя, своего

рода, незакрытым гешпальтом. Что ж, ты его закрыл... Но, нельзя заставить человека полюбить. Вот и я не хочу заставлять тебя любить меня, тем более, что ты так сильно любишь ту, что скоро подарит тебе ребенка. Будь счастлив со своей невестой. Прощай. Теперь уже навсегда.”

Какого? Что за ересь тут написана? Какая невеста? Какой ребенок? Как это “снова выбрал не меня”? Нихрена не понимаю! В голове каша, но ясно одно! Кто-то что-то наплел моей малышке и она решила уйти. Блядь, ставя себя на ее место, понимаю... Хотя, блядь, нет, не понимаю! Я даже представить не могу, что испытала в тот момент моя любимая девочка. Да, для всех она настоящий боец, сильная личность, которая может постоять за себя. Но я-то знаю, какая она маленькая, нежная и ранимая. А тут такой удар, да еще и тогда, когда меня нет рядом! Боже, а она ведь может быть беременна. Я же с момента нашего первого секса как с цепи сорвался, постоянно накачивал ее спермой, отчаянно желая, чтобы она подарила нам малыша, нашего с ней ребенка.

Ребенок...

Кто та сука, что наплела Насте всю эту чушь, я догадываюсь. Вот только любопытно какого хера она решила, что имеет право лезть в мою жизнь? У нас ведь были четкие договоренности! Тем более, она знала о Насте и что при первой же возможности я заберу свою девочку себе, а между нами только голый секс без каких-либо намеков на отношения и обязательства. Что стрельнуло в голову этой бабе, что она вдруг решилась на такое?! И вообще, какой, нахер, ребенок, если я не то, что без презервативов к ней не подходил, так и в презервативе никогда не кончал, пока находился в ней. Всегда, блядь, додрачивал сам, либо спускал в рот! Да, обламывал сам себя! Но после того, как я принял решение, что Настя будет моей, уже тогда, несколько лет назад, я точно решил, что приду за ней без “багажа” из прошлого. И дети у меня будут только от Насти.

Ярость застилает глаза, думать сложно. Сунув кольцо в карман штанов, возвращаюсь в ванную, врубаю напор ледяной воды и подставляю под нее голову. Надо остыть. Ярость плохой советчик. Мне нельзя натворить дел, задолбаюсь потом разгребать. Все по порядку. Сначала нахожу и возвращаю Настю, потом разбираюсь с сукой Леной, моей гребаной псевдоневестой и лжемамашей явно не моего ребенка. Это все потом. В приоритете Настя. Всегда была она.

Выключаю воду и, встряхнув головой, словно бешеный пес, выхожу из ванной и иду в спальню. Там бросил свой телефон. Вдруг Тоха перезвонил? Нахожу телефон на кровати, но пропущенных нет. Снова набираю его номер и спустя бесконечные секунды в трубке раздается знакомый голос:

— Ало...

— Настя???

Настя

Дура! Дура! Дура!

Какая же я дура! Ну кто меня просил отвечать на звонок, не глядя на имя контакта. Привыкла, что мне звонит только Антон, расслабилась и теперь так попала.

Первый порыв — сбросить звонок. Но Яр будто читает мои мысли на расстоянии и я слышу грозное в трубке:

— Не смей отключаться, Настя! — что? У него еще хватает наглости мне приказы раздавать и таким командным тоном разговаривать?!

— Невесту свою таким тоном воспитывай! — не удерживаюсь от язвительного комментария и практически шиплю от злости и обиды.

— Этим и занимаюсь, малыш, — уже мягче добавляет этот гадкий предатель. Хотя кого я обманываю? Даже несмотря на его поступок, сердце все равно трепещет от того, что слышу сейчас родной голос. И бабочки эти... Опять... Опять они поднимают свои крылья и щекоют внутри. — Насть?

— Чего тебе? — рычу в ответ.

— Где ты? Расскажешь мне? Я приеду.

— Мечтай!

— Настя, блядь! Скажи где ты? — Яр снова срывается на крик, а меня накрывает страхом, что он все узнает: и где я, и кто мне помог. Звонок ведь можно отследить? Боже! Что ж я творю-то?!

— Нет...

Прошептав свой ответ, быстро сбрасываю звонок и откидываю от себя телефон, будто обжегшись. Боже, вот я дура! Зачем ответила? Зачем разговаривала? А что если он успел засечь звонок и теперь едет сюда? Что же делать?

В панике мечусь из угла в угол, спотыкаясь о свои же собственные ноги и чуть не лечу вниз носом. Вовремя успеваю ухватиться за подлокотник кресла. Так, надо взять себя в руки и подумать что делать дальше. Останавливаюсь, прикрываю глаза и размерено дышу. Но не проходит и минуты моей неумелой медитации, как телефон вновь оживает и я подпрыгиваю на месте от внезапного звука. А вдруг это снова Яр?

Подхожу к кровати, смотрю на светящийся экран и с облегчением выдыхаю. Антон.

— Антон, Тош, я так сглупила, я такая дура, Антон! — сразу сходу выдаю сиплым голосом.

— Тихо, успокойся. Выдохни и расскажи что случилось?

— Яр...

— Что “Яр”? — не понимает друг.

— Он... Он позвонил, спрашивал где я, хотел приехать.

— Ты зачем с ним разговаривала? — Антон рычит в трубку, а я начинаю плакать. — Не реви!

— Он теперь узнает где я, да? Отследит звонок?

— Пф... Конечно нет! Ты забыла кто я? — точно! Вот я глупая. Антон же в этом деле профи настоящий. Кажется, он что-то такое и говорил, когда отдавал мне свой телефон, что по нему невозможно установить местонахождение. — Даже если и отследит, то обнаружит

тебя где-нибудь в Зимбабве или Гватемале. Так что выдыхай, коза, но больше так не глупи. Мы же договаривались, что берешь трубки только, когда я звоню.

Антон продолжает меня отчитывать, как школьницу за мой опрометчивый поступок, а меня накрывают эмоции. Сама в себе разобраться не могу. Вроде, чувствую облегчение от того, что Яр не сможет меня найти, не узнает, где я и не состоится этого сложного разговора, к которому я совершенно не готова. С другой стороны, где-то в глубине души я ощущаю горечь разочарования, что он все же не появится здесь. Вдруг он бы мне все смог объяснить?

Нет! Никаких “вдруг”! Все предельно ясно и очевидно! Я верю, что он давно меня хотел. Помню его взгляды на меня, когда он не успевал отворачиваться и я видела, как он смотрел на меня. Он меня хотел и получил. Но вот в его любовь ко мне — нет. Не поступают так с тем, кого любят. Не предают. Не говорят, что любят в то время, как его ждет дома беременная невеста.

Больно...

— Ау! — голос друга выдергивает из размышлений. — Ты там уснула что ли?

— Нет, я тут. Просто думаю...

— На дня постараюсь навестить брата твоего, чтобы вы могли поговорить.

— Он знает где я?

— нет, он знает, что ты в безопасности, а о причинах того, почему ты там, где находишься, ты расскажешь ему сама.

— Хорошо, спасибо, Тош, — я искренне благодарю его, потому что он реально помогает так, как не смог бы никто другой. — Тош, а что теперь будет? Яр же тебе звонил, а ответила я... Он же...

— Разберусь. Не парься, — успокаивает Антон, ухмыляясь. По голосу слышу его улыбку. — Но мне приятно, что ты волнуешься обо мне. Тебе что-нибудь нужно? Что-то привезти?

— Нет, спасибо. У меня все есть. Доставка только вчера была.

— Ладно, — снова кажется, что друг расстроен моим ответом. — Тогда до связи и Насть...

— М?

— Не отвечай ни на какие звонки. Только если звоню я!

— Да, Антон. Я поняла. Больше так не сглуплю.

— Очень на это надеюсь. Давай, пока.

— Пока, Тош.

Друг отключается, а я падаю на кровать и снова забираюсь под одеяло. Думаю обо все и ни о чем. Хочется отключиться, чтобы мозг, наконец, отдохнул, но не получается. Постоянно в голове ворох мыслей.

Не замечаю, как проваливаюсь в сон. Я не вижу картинок, что мне снятся. Лишь размытые образы, но остро все чувствую. Нежные касания к моей коже. Теплые, чуть шершавые губы на моих губах. Легкие, едва заметные, но такие приятные поглаживания по полуобнаженной спине. Тихий шепот на ухо... Слова о том, что все будет хорошо, а потом нежный, чувственный поцелуй, что затягивает в пучину возбуждения и удовольствия. Внезапно картинка становится четче и силуэт, что накрывает меня своим телом уже узнаваем. Это Яр. Мой Ярик. Именно он целует меня и шепчет слова утешения. Именно он сейчас так близко ко мне, именно он ласкает и трогает меня и доводит своими

прикосновениями практически до пика. Именно его пальцы сейчас пробираются в мои трусики и ласкают меня между ног, в самом интимном местечке. Я чувствую, что уже вот-вот сорвусь в ту желанную бездну удовольствия и тело получит столько необходимую разрядку, но... В нашу идиллию врывается ненавистный голос той, что называет моего любимого мужчину своим. Своим будущим мужем и отцом их ребенка.

К горлу подкатывает тошнота, причем весьма реальная. Настолько, что меня резко вышвыривает из моего кошмара, что сначала был несбывшейся сказкой. Едва сдержавшись, я спрыгиваю с кровати, путаясь в одеяле, и несусь в сторону уборной. Там, едва успев, падаю на колени и меня выворачивает наизнанку. И так в желудке ничего не было, потому что за те несколько дней, что я провела здесь в тихом одиночестве, аппетит ко мне так и не пришел. Теперь еще и эти рвотные позывы сводят желудок жуткими спазмами, заставляя вновь и вновь склоняться над унитазом. Лишь спустя несколько минут мне становится немного легче. Встав, умывшись и почистив зубы, я снова возвращаюсь в спальню. Но по пути все же сворачиваю на кухню. Надо хоть что-то в себя запихнуть, чтобы желудок уже прекратил жрать себя и бунтовать от этого. Хоть я и понимаю, что все это от стресса и переживаний, но заработать до кучи ко всему еще и язву, точно не хочу. Поэтому силой заставляю себя съесть пару кусочков тушеного мяса и немного овощей. И лишь вернувшись в спальню я понимаю, насколько все это было зря. Потому что уже спустя две минуты я снова сижу скрюченная над унитазом и опустошаю свой многострадальный желудок.

Больше попыток поесть я не делаю. Просто приведя себя в порядок, снова ложусь в теплую постель. Вставать не хочется. Есть не хочется. Думать не хочется. Чувствовать не хочется. Ничего не хочется.

Что же ты сделал со мной, Яр...

Следующие три дня для меня проходят как в тумане. Тошнота, сон, снова тошнота и полное отсутствие сил. На четвертый день в таком состоянии меня обнаруживает Антон.

— Насть! Насть, что с тобой? — голос друга доносится, как свквозь вату, но я все же слышу неподдельное беспокойство. — Ты чего такая бледная? Как себя чувствуешь?

— Хреново, Тош, — с трудом выговариваю столько простые слова. — Наверное, отравилась чем-то. Полощет уже несколько дней.

Рука Антона, что поглаживала меня по спине и плечу, напрягается и становится каменной, а длительная тишина заставляет меня напрячься и даже обернуться. Интересно, из-за чего такая реакция у друга. Ну отравилась и что с того? Но, обернувшись, натыкаюсь на абсолютно нечитаемый взгляд.

— Антон? — зову его, но он молча встает и выходит из комнаты. Через минуту слышу, как хлопает входная дверь. Странный он сегодня. И чего, спрашивается, приезжал, если вот так молча ушел.

Прислушиваюсь к своим ощущениям и понимаю, что мне немного лучше. Решаю воспользоваться этой передышкой и привести себя в порядок. Встаю, беру с собой полотенце и сменное белье и направляюсь в душ. Вода бодрит и я реально начинаю чувствовать себя еще лучше. Даже немного есть захотелось.

Выходя из ванной, натыкаюсь на Антона. Он сидит в кресле напротив дверей и буравит меня напряженным взглядом. Снова. Все его тело напряжено, кулаки сжаты. Точнее не кулаки, а кулак. Потому что во второй руке у него какая-то розовая коробочка.

— Ты чего здесь? Ты же ушел. Я думала, ты уехал, — так и не двигаюсь с места, лишь сильнее прижимаю к себе полотенце, вцепившись в узел на груди. Никогда не видела друга в

таком состоянии. Почему-то мне кажется, что он очень зол. На меня? За что? Слишком много проблем ему создала? А, может, Яр создал? — Тош? — тихо зову. Друг поднимается и все также молча идет в мою сторону. Надвигается на меня, будто хищник жертву в угол загоняет. Его аура сейчас дико пугает и давит. Я даже делаю несколько шагов назад, прижимаясь спиной к двери. Но внезапно Антон останавливается. Смотрит мне прямо в глаза. Его губы беззвучно двигаются, он словно хочет мне что-то сказать, но никак не решается. А потом он протягивает мне ту самую коробочку. На автомате беру ее в руки. — Что это? — опускаю взгляд, смотрю на коробочку и земля уходит из-под ног.

— Думаю, ты сама все понимаешь.

Настя

Никогда еще время не тянулось так долго. Вроде, всего три минуты, но они будто бесконечные.

Сижу на бортике ванной и нервно стучу ногой по полу. Боже! Это ж надо было так попасть! Ну за что мне все это?!

— Насть, время! — громкий стук в дверь и голос друга за ней практически запускают во мне новую волну панической атаки.

Первая волна случилась, когда я увидела что именно Антон вложил мне в руки. Простой электронный тест на беременность. Сначала, как обычно, было отрицание. Я плакала, кричала, что этого не может быть, не могло этого произойти, хотя уже в глубине души понимала, что не только могло, но и произошло. Затем был гнев. Я так сильно разозлилась на Яра, кричала так громко, ругалась. За то, что предал. За то, что бросил. За то, что обманул! А Антон едва успевал меня ловить, потому что я бешеным, истеричным ураганом носилась по комнате и несколько раз чуть не упала. Долбаные ковровые дорожки на крашенных полах!

Дальше, как по учебнику, был торг. Я плакала у Антона на груди и твердила, что это все неточно и, может, меня пронесло. Наивно размышляя о том, что разные пары годами стараются зачать ребенка и у них ничего не выходит, а мы с Яром были близки всего ничего...

И вот сейчас, закрывшись в ванной и ожидая заветные три минуты, я заливаюсь слезами, погружившись в следующую стадию — депрессию. Потому что, ну как? Как можно было так со мной поступить? Почему именно со мной он так поступил? Я ведь так его люблю. Я же... Я же даже женой его согласилась стать, а он...

— Настя, еще минута и я выломаю эту дверь нахер! — повторный стук и грозный рык Антона заставляет меня вздрогнуть. Я, наконец, вытираю слезы и подхожу к раковине, где лежит эта “палочка”. — Настя!

— Я тут... Я... в шоке, — шепчу под нос, рассматривая жирный “плюс” на электронном табло. — Я сейчас выйду.

А вот и принятие. Я беременна. Беременна от Яра. От человека, у которого уже есть одна беременная невеста. И теперь еще и я...

И, вроде, страшно должно быть... Но мне, почему-то, на душе сейчас так хорошо. Улыбка приклеивается к моим губам и пелена слез снова застилает глаза. Мальш... У меня будет ребенок. И пофигу, что папочка его тот еще бабник и кобель. Сама со всем справлюсь. У меня брат есть. И родители с бабушкой и дедушкой наверняка помогут, если совсем трудно будет. Справлюсь.

— Настя, я теряю терпение... — Антон дергает ручку двери. Вот же нетерпеливый какой!

— Да, я уже выхожу, Тош.

На выходе из моего укрытия меня ловит Антон и, не пропуская дальше в комнату, с нетерпением заглядывает мне в глаза. И чудится мне в его взгляде беспокойство и... нежность? Я же не могу ошибиться снова? Я уже видела этот его взгляд, когда мы играли роль “парочки” для будущей жены Яра. О, опять вспомнила...

— Ну?

— Что “ну”? — делаю вид, что не понимаю чего от меня хочет Антон, аккуратно снимаю с себя его руки и отхожу на пару шагов.

— Ты давай мне тут дурочку-то не включай! — теряет терпение и двигается на меня, снова прижимая к стене. — Что тест показал?

А меня тут такая злость берет! В конце концов, чего это он тут раскомандовался?! Нашлись, блин, командиры на мою голову! Сначала брат, потом Яр, теперь еще и этот оказался властным тираном, хотя никакого права командовать мной не имеет. Да, я, конечно, понимаю, что он мне очень помог и привез сюда, а еще именно благодаря Антону меня до сих пор не вычислил Ярослав. Но вот этот командный тон уже ни в какие ворота!

— А ты чего вдруг таким любопытным стал? — шиплю на друга, отталкивая от себя.

— А ты чего шипы выпустила? — парирует в ответ. — Я тебе не враг, Настя, и ты это знаешь. Нечего на меня всех собак спускать.

Антон, сказав это, отходит от меня, а мне вдруг так стыдно становится. Ну в самом деле, чего это я на друге срываюсь? Он ведь реально помочь пытается, поддержать. Снова и снова вытаскивает меня из постоянного депрессняка, а я словно в нем “козла отпущения” увидела. Стыдно! Очень стыдно!

— Тош, извини, — прикасаюсь ладонью к спине мужчины, поглаживая его между лопаток. Затем и вовсе прижимаюсь к нему сзади, обхватив его торс. Антон поначалу стоит холодным изваянием, но потом кладет свои руки на мои, выдыхает и немного расслабляется. — Я сейчас просто сама не своя. Сначала плен Миши, потом попытки похитить меня, погони, Яр и наши отношения... Лена эта и... — прерываюсь, сглатывая подступающие слезы, — и моя беременность... — замолкаю, начиная беззвучно плакать, уткнувшись в широкую спину друга.

Антон молчит. Только дышит глубоко и часто, не забывая поглаживать мои ладони, которые покоятся на его животе. Так и стоим. Минуту... Две... Три... Затем я слышу громкий выдох. Антон будто с мыслями собрался и теперь разворачивается ко мне лицом. Вид у него серьезный и сосредоточенный. Я даже плакать прекращаю. Стою, смотрю на него в ответ и даже не замечаю, в какой именно момент его теплые, чуть шероховатые ладони оказываются на моих щеках. Он продолжает смотреть на меня, но только теперь в его взгляде нет той серьезности и напряженности. Снова щемящая душу нежность и что-то еще. Своими большими пальцами он аккуратно, наверное, даже нежно, утирает мои слезы.

— Насть, — Антон прижимается к моему лбу своим, не прерывая зрительного контакта. Да что там, он меня будто гипнотизирует. Иначе как объяснить то, что я сейчас абсолютно расслаблена, несмотря на все, что происходит со мной, и чувствую себя в полной безопасности. — Настя, маленькая моя, — тихий хрипящий шепот касается моего слуха, а мне вдруг резко становится страшно. Вся расслабленность испаряется и теперь меня начинает потряхивать так, словно я зимой в прорубь сиганула.

— Не надо, Антон, — шепчу в ответ, потому что уже догадываюсь, что он хочет сказать. — Не надо, пожалуйста...

— Надо, малышка, надо. Ты ведь уже сама все понимаешь, да? — смотрю на него и молча киваю. Отрицать нет смысла. Слишком много сейчас “говорят” его глаза и прикосновения. — Сил больше нет молчать...

— Умоляю, Тош, не говори... Не произноси этого... — Антон на мгновение прикрывает глаза, а потом резко распахивает их и я понимаю, что его не остановить уже.

— Я люблю тебя, Настя. Так давно тебя люблю...

— Антон... — едва дышу. Так больно... За друга, что не могу ответить ему взаимностью. За себя...

— Тише, ты только не говори ничего сейчас, — едва ощутимо прижимает пальцы к моим губам, — просто послушай. Я знаю, маленькая, знаю, что ты любишь Яра и не испытываешь ко мне тех же чувств, что я к тебе. Но я верю, знаю, что между нами все возможно. Особенно сейчас, — друг снова прижимает меня к себе. И друг ли? Теперь язык не поворачивается назвать его просто “другом”, не после того, что я сейчас услышала от него. Теперь это мужчина. Влюбленный в меня и решительно настроенный мужчина. — Не плачь, не надо.

— Тош... Тош... — всхлипываю и не могу внятно хоть что-то сказать. Я не ожидала, что у него все так. Да, я видела, что нравлюсь ему. Он заботился обо мне, всегда поддерживал. Но я, реально, думала, что это потому что мы друзья. А оказалось... Странно, но почему-то я не испытываю чего-то отрицательного, негативного от его признания, а реву сейчас скорее от того, что все как-то разом навалилось и я просто не вывожу. — Тоша...

— Ну чего ты, Настя? Все же хорошо, а будет еще лучше. Давай так, я сейчас уеду, дам тебе немного времени. Времени подумать и решить готова ли ты дать себе шанс быть счастливой... со мной.

— Я не могу, Антон, — все же выдавливаю из себя несколько слов, несмотря на то, что горло саднит от рыданий, — я же беременна и я не собираюсь избавляться от малыша.

— Ты думаешь, меня это остановит? Серьезно? — он вздергивает в удивлении бровь, а потом я вижу на его лице знакомую улыбку, что всегда заставляла меня улыбаться ему в ответ. Вот и сейчас губы сами растягиваются в легкой улыбке. — Я сказал тебе, что люблю тебя уже когда знал о беременности. Мы поженимся и это будет мой ребенок.

— Антон, я не... — к моему рту прижимается ладонь, не позволяя договорить то, что хочу сказать.

— Нет! — голос Антона звенит решительностью. — Нет, Настя. Мы же договорились что ты сейчас молчишь и ничего мне не отвечаешь. Ты думаешь и принимаешь решение, а я потом возвращаюсь и заставляю тебя передумать и все же принять мое предложение.

— То есть, — аккуратно отодвигаю его руку от своих губ и уже улыбаюсь во всю. Почему-то вдруг стало так легко. Наверное, от того, что Антон дает мне выбор и возможность спокойно все обдумать и принять решение. — Ты уверен, что сначала я откажусь?

— Ха! Это была бы не ты, если бы сразу приняла верное решение! Ты ж упрямая!

— Я не упрямая!

— Еще какая упрямая, но и за это тоже я тебя люблю! — быстро говорит Антон и я даже понять ничего не успеваю, как он притягивает меня к себе и целует. Целует! Меня!

Его язык моментально проскальзывает в мой рот, зубы чуть прикусывают мою нижнюю губу, а со мной случается очередной шок. Я впадаю в полный ступор, замираю в объятиях Антона и даже не дышу. Он замечает мое замешательство и, наконец, отпускает.

— Не делай так, пожалуйста, — шепчу, отходя от него на пару шагов, обнимая себя руками. Щеки горят, в голове полный сумбур. Я в замешательстве.

— Согласен, — хрипит в ответ Антон, — перегнул немного, но не смог удержаться. Прости.

Не успеваю ничего сказать в ответ. Антон разворачивается и уходит. Спустя пару минут

слышу хлопок тяжелой входной двери.

А я все также стою на том же месте и понимаю, что все вдруг в одночасье стало еще хуже. Потому что теперь я еще и друга потеряю, ведь я точно знаю, какой ответ дам на его предложение...

Ярослав

Бесит!

Меня все бесит! Руки так и зудят кому-нибудь начистить морду, но Ленка — женщина, а на женщин я руку не поднимаю, это табу, даже несмотря на то, что на та еще сука. А этот гад Антон, как бы в рифму не сказать, вообще как сквозь землю провалился. Начальники говорят, что взял отпуск за свой счет по семейным обстоятельствам. Даже билет предъявил для подтверждения, что едет к родителям на юг страны. Да вот только родители его не в курсе ни что их сынуля собрался ехать к ним в гости, ни о каких-то там “семейных” обстоятельствах. Мутная история, короче. Так и хожу на взводе, не зная куда пар спустить. После короткого разговора с Настей, когда набрал номер Тохи, конечно, сначала был удивлен, что ответила именно она, все встало на свои места. Понял, что именно друг увез ее и спрятал от меня. А, судя по тону, которым Настя разговаривала со мной, она сама попросила его. Обиделась. И ведь даже объяснить ничего не позволила, коза!

Прошло уже сколько? Пять дней? Шесть? А я по-прежнему с места не сдвинулся в решении всего этого вороха проблем. Даже с этой дрянью Леной не удалось поговорить, укатила к маме своей и телефон выключила.

И как же мне сегодня хорошо на душе от того, что Лена вернулась в город и сейчас я уже в машине и еду к ней на квартиру. Сейчас мы и расставим все точки, а то, хер знает, какая на что еще способна ее больная фантазия.

Я, конечно, понимаю, за мной есть серьезный косяк, что так сорвался с места, ничего не сказал, не объяснил ей и все завертелось. Но она ведь не глупая и могла бы все понять. Хотя... Это для меня все предельно понятно было. Есть Настя и мое желание быть с ней и только с ней, остальное неважно. А вот Ленка, походу, реально считала, что мы в отношениях и плевать ей было на все наши договоренности о том, что между нами только секс и ничего более. Мы же даже вечера совместные не проводили, не ходили на свидания. Я приезжал к ней, трахал ее, затем собирался и уезжал. Неважно, ночь, день или утро это было. Никогда не оставался с ней после секса. Кроме того вечера, когда встретил ее в клубе и после привез к себе. А на утро уже мчался в контору, потому что пришли новости о том, что Миха в плену. И после этого мы с Леной не виделись больше.

А теперь имеем то, что имеем.

Подъехав к многоэтажке, где живет Лена, паркуюсь у ее подъезда. Смотрю на часы — семь сорок пять. Значит, еще точно дома. Выхожу из машины и проскальзываю в подъезд за какой-то милой бабушкой, которая возвращается с утренней прогулки со своей собакой. Пешком поднимаюсь на четвертый этаж и нажимаю на кнопку звонка. Проходит минуты три, прежде чем я слышу за дверью легкие шаги и женский смех. Причем, смех такой, будто она флиртует с кем-то. Что ж, глянем, кто там...

Щелчок замка, поворот ручки и передо мной ошарашенное лицо моей бывшей любовницы.

— Ярослав? — она в шоке открывает рот, смотрит на меня, шустро запахивая на себе тонкий шелковый халатик, и испуганно оглядывается назад. — А что ты здесь делаешь?

— Хм, — из груди вырывается ехидный смешок, как только я вижу, что из ванной выходит какой-то мужик в одном лишь полотенце, обернутым вокруг бедер, — как что?

Пришел к своей беременной невесте! — говорю громко, чтобы мужик услышал. Глаза Лены становятся еще больше, а лицо и шея покрываются красными пятнами. Я как медик, отмечаю все эти изменения на автомате и делаю вывод, что у нее от страха резко подскочило давление, а если она реально беременная, то ей это ни к чему. Потому, решаю немного сбавить обороты. — Лен, может, объяснишься?

— Леночка, — подает голос подошедший к нам мужик, — а это кто?

— А это, уважаемый, — указываю на себя, перебивая пытающуюся что-то сказать Лену, — будущий муж Леночки и счастливый отец ребенка, которого она ждет.

— Ярослав, — шикает на меня женщина, — не надо сцен, пожалуйста! — и тут же поворачивается к своему ухажеру, с которым явно провела эту ночь, — Котик, не сердись. Это мой бывший, который никак не может понять, что он бывший.

— А ребенок? — спрашивает “Котик”.

— Какой ребенок? — это уже Лена переспрашивает.

— Да, действительно, какой ребенок, Лена? — вступаю в разговор. — Какого хрена ты приперлась ко мне домой и наговорила Насте, моей настоящей будущей жене и матери моих будущих детей, что я собираюсь на тебе жениться и ты ждешь от меня ребенка? — к концу своей речи уже откровенно рычу. — Что еще ты ей наговорила, что моя девочка от меня сбежала?

— Лена, это правда? Ты реально все это натворила? Когда? — мужик тоже, похоже, в шоке.

— Гена, я все объясню, — мямлит совершенно обескураженная и напуганная Лена.

— А, так это твой бывший муж? — вспоминаю я рассказы Лены. — Приятно познакомиться, Геннадий. Я Ярослав, — протягиваю ему руку. Ну а что? Он, вроде, нормальный, судя по его реакции на выходку его бывшей или уже будущей жены.

Лена стоит ни жива, ни мертва. Вся бледная, только пятна на лице и на шее красные. Смотрю на нее и уже нет ни ярости, ни злости на нее. Просто понимаю, что она обычная истеричная женщина, которую задело мое исчезновение, хотя она знала о моей работе. А еще я понимаю, что их отношения возобновились достаточно давно и ребенок, походу есть, но точно не мой, а Гены. Он хоть и зол сейчас на свою бедовую бабу, но все же волнуется, смотрит на нее с беспокойством, поглаживая животик.

— Лен, ребенок ведь не мой? — спрашиваю о том, что меня волнует больше всего.

— Не твой, — шепчет Лена, заливаясь слезами. — Это Гены ребенок. Мы с ним два месяца назад встретились и переспали. Потом он снова уехал, но мы продолжили общаться. А когда ты уехал, я узнала, что беременна. Сразу поняла, что от Гены, ведь ты вообще не подходил ко мне без презервативов.

— Блин, можно без подробностей, а? — Гена закатывает глаза и морщится. Ревнует.

— Да-да, прости, — Лена сжимает его ладонь и заглядывает в глаза, ловя его реакцию. Потом, сделав пару глубоких вдохов, продолжает: — Я позвонила Гене, рассказала о беременности. Он предложил снова сойтись и уехать к нему. Я согласилась. Пришла к тебе попрощаться, а там... В общем, я сразу поняла, кто эта девочка. И я не знаю, что на меня нашло...

— Можешь не продолжать. Я понял. Надеюсь, что больше не увидимся.

Разворачиваюсь и оставляю эту парочку новоиспеченных будущих родителей обсуждать случившееся. Им есть о чем поговорить. Спустившись на один лестничный пролет, слышу глухое:

— Ярослав, прости...

А мне похрен. Я даже не оборачиваюсь. Просто спускаюсь дальше и выхожу на улицу. Достāju телефон и отключаю запись разговора. Теперь у меня есть доказательства для Насти. Моим словам она не поверила бы. Слишком сильна ее обида. А теперь... Теперь осталось только найти, где она от меня прячется.

Внутри все кипит и клокочет, поэтому еду в спортзал. Сейчас мне не повредит качественный спарринг. Надо бы Ромку или Мака затащить на ринг. Уж они-то спуску не дадут и заставят переключиться.

В зале много сослуживцев из разных подразделений, наши ребята тоже здесь. Вон и Мак грушу “уничтожает”. Поздоровавшись со всеми, иду в раздевалку, переодеваюсь в спортивную форму и, прихватив бутылку с водой, возвращаюсь в зал, начинаю разминку. А спустя десять минут, сквозь шум используемых спортивных снарядов и громкого пыхтения бойцов, слышу знакомый голос. Эх, жаль, что не удалось провести спарринг перед этой неожиданной встречей. Теперь я за себя не отвечаю, так как ярость напрочь отключает мозг. Бросаю гантели и иду в сторону Ромки, который сейчас общается с тем, кого я ищу уже неделю.

— Вот ты-то мне и нужен! — оскаливаюсь, хватая Антона за запястье, проводя болевой захват.

Ярослав

— Мужики! Мужики, тормозите!

— Алё, ребят! Яр! Тоха! Ну-ка разошлись!

Я не слышу криков бойцов, что пытаются оттянуть меня от того, кто сейчас представляет угрозу моему счастью с Настей, кто является причиной того, что я не знаю, где моя девочка.

Антон тоже не сдается, отвечает в полную силу. В какой-то момент мне прилетает от него серьезный такой удар, что на мгновение темнеет в глазах и в ушах раздается дикий звон. Но уже в следующую секунду я прихожу в себя и снова наваливаюсь на пацана, в полтора раза меньше меня по комплекции. Мне не требуется много сил, чтобы повалить его на пол спортивного зала, запрыгнуть на него сверху и начать наносить жесткие удары.

— Яр, да угомонись ты! — слышу голос Мака. Кто-то хватает меня за плечи и пытается стянуть с Антона. Отмахиваюсь и снова бью засранца в челюсть. — Яр, блять! Ты ж убьешь его!

— Он заслужил! — рычу в ответ, замахиваясь снова. — Ты, сука, — схватив за ворот спортивной куртки Антона, кричу ему в окровавленное лицо, — куда ты ее увез? Где она?

— Там, где ты ее точно не найдешь! — отвечает пацан и смеется. Но так надрывно, будто ему самому за Настю обидно.

— Говори, где Настя? — ору во весь голос.

— Костров, Смирнов, оставить драку! — громкий голос командира прокатывается по всему огромному залу. — Вы что тут устроили? Что за разборки?!

Егор зол. Очень. Сейчас с нами говорит не наш друг и боевой товарищ, а командир. Немного ослабляю хватку, позволяя Маку с Ромой снять меня с Тохи. Миха помогает подняться ему. Мишка тут, а я даже и не заметил его. Видимо, пришел вместе с Егором. Интересно, он слышал? Плевать, даже если и так. Все равно с ним нужно было поговорить раньше и обозначить свои далеко идущие планы на его сестру.

— Так вы мне объясните, что за цирк тут устроили? — Егор смотрит на нас как на нашкодивших малолеток и ждет ответа. — Ну? Я жду. Костров?

— Все в порядке, товарищ майор, — докладываю по форме, — проводим с сослуживцем тренировочный спарринг.

— Костров, ты чего мне в уши заливаешь? Какой, нахер, спарринг? У нашего компьютерного гения все лицо в фарш!

— Заслужил! — рявкаю.

— А вот с этого места поподробнее, — голос Егора становится чуть спокойнее, — Яр, что между вами произошло? Не для протокола.

— Он Настю увез и не говорит где она, — отвечаю, утирая кровь с глаза. Рассеченная бровь кровит и заливает пол лица, но меня сейчас это мало заботит.

— Она сама попросила ее забрать из квартиры мудака и увезти туда, где он ее не найдет! — Антон немного проясняет ситуацию. — Я лишь сделал так, как она меня попросила.

— Ты совсем охренел, Тох?! Она моя невеста! Какого хера ты ее от меня прячешь? Мы сами со всем разберемся, тем более, что причина оказалась липовая! — меня срывает.

— Она уже не твоя невеста, Яр, — Антон поворачивается ко мне, смотрит злобно, но, сука, так уверенно, — она моей женой будет. Я сделал ей предложение.

— Чего? — от такого вброса информации аж в глазах темнеет и голос садится, — что ты сделал? Предложение? Моей девочке? — с каждым словом накрывает меня все сильнее. На последнем снова бросаюсь на этого смертника, да так быстро, что Мак с Ромычем не успевают меня удержать и мой кулак рассекает засранцу губу. — Она моя! Слышишь, ты, утырок! Моя! Ясно тебе!

— У тебя уже есть одна беременная невеста! — бьет словами Тоха, — сам лично с ней знаком. Как и Настя, впрочем. Мы оба слышали вашу душещипательную историю любви, в подробностях!

— Ах ты сука! — ору, не сдерживаясь, — говори где Настя, иначе...

— Иначе что? Что ты мне сделаешь? Настя и так тебя не простит за твое предательство! Ты хочешь еще добавить ей причин тебя ненавидеть? — кричит Антон. Видно, что он тоже на пределе. — Знаешь, сколько она плакала? Знаешь, сколько она рыдала и страдала? Сколько она не ела? Не знаешь! Потому что я! Я, мудака ты конченный, был рядом с ней, хоть она меня и в дом не пускала. Я слушал под окнами ее громкие рыдания! Я был рядом, когда ее тошнило и рвало часами! И именно я был рядом с ней, когда она узнала, что беременна. А ты, сука, где был? Со своей невестой трахался?!

— Что? — шок обрушивается на меня, мгновенно гася всю ярость. Моя девочка беременна? У нас с ней будет малыш? — Что ты только что сказал? Настя беременна?

— Представь себе! Когда трахаешь девушку, которая тебя любит и доверяет, кончаешь в нее, то есть риск, что она забеременеет. Но тебе ли не знать, ведь тебя уже ждет одна беременная невеста! Вот и вали к ней, а Настю не трогай. Она моя! И ребенок тоже будет моим! Я люблю ее и в лепешку расшибусь, но сделаю так, что она о тебе забудет и будет счастлива со мной!

На какое-то время в зале повисает тишина. Густая такая, напряженная. Кажется, что все, кто стал свидетелем нашего разговора, даже дышать перестают. Оглядываю всех. Егор стоит с хмурым лицом, близнецы напряжены и готовы мигом броситься на меня, лишь бы удержать от очередной попытки заехать этому наглому засранцу по его не такой уже смазливой физиономии. А Миха... У Михи разве что только дым из носа не валит. Таким злым и разъяренным я его никогда не видел.

— Значит так! — тишину разрезает громкий голос будущего родственника, — ты, — указывает на Тоху, — бегом в медпункт. А ты, — теперь моя очередь, — идешь за мной. Поговорить надо...

Чуйка моя вопит, что мне сейчас достанется от брата моей девочки, но мне реально похрен. Потому что теперь я точно знаю, что у меня получилось! Моя малышка ждет нашего ребенка! Остальное — херня! Разрулю все. Главное поскорее найти мою малышку и оградить ее от всех нервов и переживаний. Ей теперь нельзя волноваться, она теперь у меня будущая мамочка. Нежность и трепет затапливает до краев. Поэтому даже не сразу замечаю, как мне в лицо летит кулак. Едва успеваю увернуться, но все же Миха задевает скулу по касательной. Больно. Но не отвечаю, потому что заслужил.

— Сука ты, Яр! — ревет Миха. Реально медведь! — Я ж думал, что ты перебесился, что забыл о ней. А она... Она уехала даже, чтобы жизнь новую начать вдали от своей больной любви к тебе, а оказалось, что я ни хрена не в курсе и ты уже не только трахаешь мою сестру, но и ребенка ей заделал! Да еще и бросил ее!

— Я ее не бросал! — рычу в ответ. — Просто получилась весьма некрасивая ситуация, а меня не было рядом, чтобы ей все объяснить.

— Я не наивная баба, чтобы верить в твои сказки! Ты, мудака, трахал мою сестру, когда у тебя уже была невеста, которая ждет от тебя ребенка?

— У меня есть только одна невеста, которая ждет от меня ребенка! И это Настя! — уже спокойнее говорю. — А та, что наговорила ей всего этого бреда... С ней я уже поговорил и у меня есть доказательства того, что там ребенок не мой.

— У тебя есть ровно пять минут, чтобы убедить меня не отрывать тебе голову!

— Так точно!

Идем с Михой ко мне в машину. По дороге начинаю ему рассказывать все с момента, как забрал Настю из универа. О наемниках, о попытке похищения, о том, что мы с ней “сошлись”. Опускаю только итимные моменты, они ему ни к чему. Уже сидя в машине и приведя себя в порядок, заклеив рассеченную бровь, рассказываю о том, что сделал Насте предложение и что она согласилась. Ну и, конечно, последние события, что способствовали нашей с ней размолвке, сразу добавив, что уже все решил и осталось только найти Настю и поговорить с ней.

Миха долго сидит молча, явно что-то крутит у себя в голове. Потом громко выдыхает и выдает поток отборной брани себе под нос, но я-то понимаю, что, бран эта, она направлена на меня. Потом он резко поворачивается и я снова получаю в челюсть. Бля, да что за день такой?! Но тут я даже не дергаюсь, ибо понимаю — заслужил. В нашем братстве девушки, жены, сестры и дочери сослуживцев — жесткое табу. Но у нас-то с Настей все иначе.

— Вот ты, сука, ушлый! — Миха посмеивается, потирая костяшки на кулаке. — И когда только успел... Это же моя сестренка... Это же... Ты, блядь, да как ты только додумался? — постепенно от спокойного друга не остается и следа. Сейчас рядом со мной сидит защитник своей семьи, своей младшей сестры.

— Мих, я ж серьезно к ней, — пытаюсь подобрать доводы и аргументы, чтобы убедить друга в том, что Настя со мной будет счастлива. Потому что он мне позарез нужен на моей стороне. Думается мне, что моя девочка не особо горит желанием меня выслушать, раз уж так спряталась надежно. Не без помощи утырка одного, но с ним я позже разберусь. — Я женюсь на ней, потому что люблю больше жизни. Давно люблю, Мих...

— Да знаю я вашу историю! Ромео и Джульетта отдыхают, бля... — друг растирает ладонями лицо и тихо ухмыляется. Дело сделано, Миха — мой союзник. — Обидишь ее — яйца тебе оторву и скажу, что так и было, понял? — грозный взгляд в мою сторону.

— Понял, принял!

— Поехали тогда, — вбивает адрес в навигаторе.

— Куда едем? — спрашивая, вырубивая с парковки спорткомплекса.

— Куда-куда... К жене твоей будущей. И, если я правильно понял, беременной будущей жене, — Миха закатывает глаза, — блядь, беременной... Это ж надо... Это ж ты ее, получается...

— Так, стоп! — торможу друга, а то мне снова прилетит, а у меня уже челюсть едва двигается от полученных пиздюлей. А мне еще малышку свою целовать, когда прощения просить буду. — Сейчас вот не надо тебе в “том” направлении думать. Там все было по любви и после всех признаний.

— Ох, бля... Втащить бы тебе, по-хорошему, да перед мелкой объясняться не хочется...

— Поверь, мне от нее еще достанется, покруче, чем от тебя, — немного расслабляемся,

обстановка становится полегче и спокойнее.

— О, я-то знаю, что достанется. Потому и еду. Хочу на это посмотреть!

Да я и сам понимаю, что непросто все будет. У Насти и так не самый ангельский характер. А помноженный на гормоны, что сейчас кипят в ее организме из-за беременности... Короче, мне звездеч! Но похер! Главное — вернуть малышку домой. Подышаю без нее.

С этими мыслями минут через тридцать мы наконец подъезжаем к старенькому дому. Сердце начинает оглушительно грохотать в груди, потому что в окне мелькает маленькая знакомая фигурка.

— Ну идем, родственник. На казнь опаздывать нельзя! — Миха ржет и выходит из машины.

— Очень смешно, — бурчу себе под нос, покидая салон автомобиля.

Руки дрожат, сердце продолжает качать кровь, но воздух отказывается проникать в легкие. Кажется, что вдохнуть нормально смогу только когда малышка окажется в моих объятиях.

Спешно поднимаюсь на крыльцо и хватаюсь за ручку двери, но меня останавливает крепкая хватка друга. Оборачиваюсь и непонимающе смотрю на него. Вот сейчас реально готов взорваться от злости. Какого хрена он меня тормозит?

— И не надо на меня так смотреть! — Миха отодвигает меня от двери и встает в проеме.

— Не понял сейчас! — рычу в ответ.

— Ну раз не понял, то постой тут и подумай. А сначала зайду я и поговорю с ней. И только потом, если она захочет, зайдешь ты.

— Мих, ты сейчас не прав... Очень не прав.

— А ты не рычи на меня. Не дорос еще! Голову лучше включай. Девочка беременная, а ты хочешь вот так сходу завалиться в ее укрытие, которое она, к слову, облюбовала из-за тебя. Хочешь разозлить ее? Заставить нервничать? Уверен, что малявке в ее животе это не повредит?

— Бля... — страх прошивает позвоночник. Вот я идиот! Реально мозги совсем потекли. — Ты прав.

— То-то же. Стой тут и жди.

С этими словами Миха заходит в дом и через почти закрывшуюся дверь я успеваю услышать тонкий девичий голосок. Такой родной и любимый голос, который проникает прямо в истосковавшееся сердце.

Ничего, осталось совсем немного. Совсем скоро моя маленькая бестия будет со мной!

Настя

Всю первую половину дня не находила себе места. Какая-то неясная тревога не покидала мое сердце и душу, хотя эту самую душу я чуть в унитаз не выплюнула. Долбаный токсикоз! Но мне хоть и тяжело сейчас с этой постоянной тошнотой, слабостью и сонливостью, но я не жалуясь. Я мечтала о малыше от любимого мужчины и я его получила. Пусть и без его гадского папочки в комплекте.

И вот сейчас, глядя на заходящего в двери брата, живого и относительно здорового, сердце выпрыгивает из груди. Вернулся! Улыбка сама собой растягивает губы, глаза же наполняются слезами и в ту же секунду, как только Миша переступает порог старенького деревенского дома, я с визгом кидаюсь ему на шею.

— Миша, Мишка... — сама не понимаю своих слов, что прорываются сквозь всхлипы, — Боже, Миша, как же я рада тебя видеть!

— Привет, мелкая! — брат крепко обнимает меня и целует в макушку. — Я тоже скучал, родная моя. Ну все, не плачь, не плачь. Тебе нельзя...

Последняя фраза брата заставляет замереть и затаить дыхание. Кто сказал ему? Неужели Антон?

— Откуда ты...

— Разведка знает все! — важно замечает брат, а меня такой ответ в корне не устраивает.

— Я серьезно, Миш, кто тебе рассказал?

— Ну кто-кто?! Пацан твой болтливый и рассказал.

— Он не мой! — протестую. — Антон просто мой друг!

— Ага, только вот он так не считает. Что там за история с замужеством? — Миша выпускает меня из своих медвежьих объятий и мы проходим в комнату. Я сажусь на диван, брат падает в кресло напротив. — А точнее с замужествами?

— Ой... — черт, он знает и про Яра, получается?

Страх моментально сковывает все мое тело, к горлу снова подступает тошнота. Вот только страшно мне не за себя — у меня самый лучший брат и он точно никогда и ни за что меня не обидит! Страшно мне за Ярослава и Антона.

Сижу, молчу. Опустив взгляд, нервно тереблю край теплой вязанной кофты, которую откопала в старинном сундуке бабы Нюры, бабушки Антона. Да так она мне понравилась, что я не удержалась и таскаю теперь ее, не снимая. Она сидит на мне как стильное теплое платье нежно-бежевого цвета.

Так и сижу, расправляя большие петельки на кофте.

— Ты мне тут не “ойкай”, — напряженный голос брата заставляет поднять на него взгляд. — Я ж нормально спрашиваю тебя. Не ругаюсь, ни в чем не обвиняю. Просто хочу понять и помочь тебе.

— Миш... — шепчу со слезами на глазах. Боже, такой плаксивой стала, аж сама себя бешу! Такое чувство, что девушка, как только узнает о том, что носит под сердцем ребенка, включает режим “эмоционально нестабильной” личности. Раньше ведь за собой я такого не замечала, хоть и по срокам выходит, что беременна я уже недели три. По сути, с нашего с Яром первого раза...

— Настюш, ну чего ты реवेशь-то опять? — брат подсаживается ко мне и притягивает в свои крепкие, теплые объятия. Становится настолько хорошо от того, что я теперь не одна и со мной рядом близкий человек, который всегда поможет, что я уже не сдерживаюсь и начинаю потихоньку всхлипывать. — Не плачь, мелкая. Прорвемся. За кого из них замуж-то пойдешь?

— Ни за кого! — обиженно бурчу в ответ. — Один просто друг, а второй... — замолкаю.

— А второй кто?

— А второй обманщик и предатель, вот кто!

— Пряма уж такой негодяй? — слышу в голосе брата улыбку и меня начинает трясти от злости. Это что получается? Они спелись что ли?

— Я сейчас не поняла! — отпрыгиваю от брата на другой конец дивана и гневно впериваюсь в него своим злобным взглядом, — ты что на его стороне что ли? Да ты понятия не имеешь, что он натворил!

— Ой ли!

— В смысле?

— Я ж говорю: разведка знает все!

— Ничего не понимаю. Почему ты на его стороне? У него невеста беременная, а он меня... — резко замолкаю, потому как нечего брату знать что со мной “такого” делал Ярослав. — У него ребенок будет, понимаешь?

— Да знаю я, что ребенок у него будет. Открутил бы ему его фаберже, да ты ж мне весь мозг выключешь за своего мужика, — ничего не понимаю. Почему он так спокойно об этом говорит? — Обалдеть, я дядей стану! В крестные возьмете?

И тут до меня доходит, что он говорит о нашем малыше, моем и Яра, а не ребенке, которого носит Елена. Теперь-то все становится понятно. Видимо, Яр рассказал Мише только о том, что мы с ним были вместе и о том, что я беременна.

Так, стоп!

Получается, Ярослав знает о моей беременности?

Во рту резко становится сухо, как в пустыне. К горлу подкатывает тошнота, которую, чую я, сдержать точно не смогу, а потому срываюсь с дивана и мчусь в туалет, чтобы снова вывернуть наизнанку свой желудок. Боже, как же мне плохо...

Меня тошнит минут двадцать, но по моим ощущениям вечность. Желудок сводит спазмами, из глаз льются слезы. Жесть одним словом.

Сижу на полу, поджав ноги и облокотившись на свои руки, практически лежу на ободке унитаза, прикрыв глаза. Знаю, чувствую, что это еще не все и не стоит мне покидать уборную, потому что через несколько минут меня снова скрутит. Может, в больницу сходить? Точно! Вдруг что-то идет не так и поэтому мне плохо? Нет, нет, нет, нельзя допустить, чтобы с моим малышом что-то было не так. Решено, завтра же пойду в больницу на прием к врачу, пусть проверит все мои анализы и показатели. Мне же спокойней будет. Попрошу Мишу меня завтра отвезти.

Не успеваю я додумать эту мысль, как меня снова выворачивает наизнанку. Ну зачем, зачем я сегодня с утра съела омлет?! Это все он виноват!

За этими мысленными ругательствами себя и звуками моего не самого, хм, приятного состояния, не слышу тихих шагов и понимаю, что я в туалете уже не одна лишь тогда, когда кто-то собирает мои волосы в пучок на затылке и закрепляет их резинкой. Миша... Я ведь

всегда знала, что мой брат самый лучший! Даже сейчас, когда я нахожусь в таком неприглядном виде, он не оставляет меня, а продолжает заботиться. Не поднимая головы, мычу от удовольствия и облегчения, когда Миша слегка надавливает одной рукой на какую-то точку на моем правом запястье, а другой массирует мой затылок. И мне ведь реально становится лучше. Спазмы затихают, а от нежного массажа шеи и затылка хочется мурлыкать.

Спустя минуту такого массажа я уже даже могу проморгаться от слез и наконец открыть глаза. Чуть поворачиваю голову и вижу ту самую мощную мужскую руку на моем правом запястье. Смотрю и глаз оторвать не могу. А все потому что рука это вовсе не Мишина, а того, кого здесь совершенно точно быть не должно.

Поднимаю взгляд выше и встречаюсь с самыми любимыми глазами. Ярослав, также как и я, сидит на полу, улыбается и продолжает нежно поглаживать мою руку. Я же молча хватаю ртом воздух. Потому что столько эмоций меня сейчас переполняют... А сказать ничего не выходит. Мгновение и из глаз брызгают слезы. Выхватываю свою руку из теплого захвата, шутро поднимаюсь с пола и, прихватит мокрое полотенце, выбегаю из уборной.

Я не готова! Не готова к разговору. Да и не о чем нам с ним разговаривать!

Оглядываюсь по сторонам и замечаю, что Миши нет. Ушел, значит... У-у-ух, еще один предатель!

Сзади слышу тяжелые, но тихие шаги. Разворачиваюсь.

— Что ты здесь делаешь? — гневно шиплю, ткнув пальцем Ярослава прямо в грудь. В ту же секунду от этого легкого соприкосновения по всему телу будто электрическая волна пробегает, пробуждая все мои рецепторы.

— За тобой пришел, — заявляет нагло и хрипло.

— Тебя никто не звал!

— Настюш, ну что ты... — подходит ко мне, пытается обнять.

— Не называй меня так! Ты не имеешь права меня так называть! Зачем ты пришел? Иди к своей беременной невесте, а меня оставь в покое!

— Я и пришел к своей беременной невесте, — рычит Ярослав, — Побегала и хватит! Пора возвращаться домой, малыш...

Я не успеваю уловить и малейшего движения, как Яр подхватывает меня на руки, заставляя обхватить его ногами, и впивается в мои губы жестким, властным поцелуем.

Последняя моя мысль перед тем, как полностью потеряться в этом чувственном водовороте: “Боже, как же я соскучилась”...

Яр

Стоя на крыльце полуразвалившегося дома, слушал отголоски разговора друга и Насти. Она плакала, кричала, ругалась и злилась. И сердце мое разбивалось на осколки от того, что она считала меня предателем. Но несмотря на боль от услышанного, я смог все же узнать ответ на терзающий меня вопрос относительно одного ушлого засранца, который сделал моей девочке предложение. Не собиралась она за него замуж! Не соглашалась она! И не согласилась бы ни за что! А что это значит? Значит Антон еще разок получит по своей смазливой физиомордии!

Мое терпение закончилось в момент, когда я услышал быстрые удаляющиеся шаги.

Открыв дверь, молча влетаю в комнату и вижу лишь удаляющуюся хрупкую фигурку с голыми ногами в шерстяных носках. Сердце щемит теперь от тоски и умиления. И от беспокойства. Настю ведь тошнит. Токсикоз? Сильный? Часто ли ее рвет? Ест ли она? Пьет ли побольше воды?

Так, это во мне врач заговорил. Вовремя, однако. Надо бы все выяснить у нее и в больничку определить, а то мало ли что... Столько нервов и переживаний свалилось на девочку.

— Чего ворвался, как зверь? Потерпеть не мог? — друг прерывает мой мыслительный процесс. Поворачиваюсь, Миха сидит на диване и смотрит на меня с хитрой улыбкой.

— Не мог, — хриплю в ответ. — Что с ней?

— Тебе ли не знать что с моей сестренкой? Сам же ее заберемене... обрюх... Бля, нет, грубо как-то, — Миха поднимает палец перед собой, чтобы я не сбил его с мысли. — Оплодотворил! Во!

— Фу, как грубо! — притворно морщусь. — Сделал счастливой будущей мамой.

— Пусть так. Но по роже отхватишь.

— Опять? За что на этот-то раз?

— За то, что трахал мою сестру до того, как в ЗАГС ее отвел.

— Ты ж знаешь свою сестру, — говорю, а сам поглядываю в сторону, где скрылась моя малышка, прислушиваюсь к звукам. — Она мне столько крови попила, а потом вдруг оттаяла и поддалась. Там надо было решать все сразу и кардинально. До ЗАГСа бы не дошли — передумала бы по-любому. Вот и пришлось “хватать и уговаривать”.

— Ну вот теперь иди, — кивает в сторону, как я понимаю, туалета и встает, — она злится, конечно, и чисто по-мужски я тебе сочувствую. Но вот как ее брат надеюсь, что она тебе весь мозг вытрахает.

Поржав надо мной, Миха уходит. Я же тихо, чтобы не напугать, захожу в туалет, где мою бедную малышку выворачивает наизнанку со страшными звуками. Меня затапливает нежность. Знаю, что ей сейчас плохо и она наверняка мысленно покрывает меня всеми известными и мало кому известными бранными словами, но я все равно испытываю непередаваемый восторг. Потому что сам своими глазами убеждаюсь в том, что скоро стану отцом.

Оглядевшись по сторонам, нахожу на туалетном столике рядом с раковиной резинку для волос. Аккуратно собираю ее растрепанные волосы в пучок на затылке. Настя по началу напрягается, а потом ухмыльнувшись, расслабляется. Но спустя минуту ее снова скручивает

спазм и ее тошнит. Настя издает жалобные звуки, мычит. Я понимаю насколько ей сейчас плохо, а как помочь не знаю — собой нет ни “гражданского” медицинского чемоданчика, ни военного ФАПа. В голову приходит только акупунктура. Присаживаюсь рядом с Настей на пол, беру в руку ее правое запястье и надавливаю на нужные точки в надежде хоть немного облегчить ее состояние. Ей бы выпить еще и теплой лимонной воды. Но это все потом.

Малышка немного успокаивается и даже мурлыкать от облегчения начинает, но потом, слегка повернув голову, резко замирает, уставившись на мою руку, которой удерживаю ее запястье. Настя медленно поднимает на меня свой взгляд, что-то шепчет беззвучно и невнятно, а потом срывается с места и сбегает в комнату. Началось...

Мысленно подбодрив себя, также выхожу из ванной комнаты. Прислушиваюсь. В доме тишина. Лишь нервное сбитое дыхание слышу. Иду на звук. Настя стоит у окна и мнет в руках мокрое полотенце. Всклипывает. Смотрю на ее хрупкую фигурку и все, о чем сейчас мечтаю, это подойти, обнять, прижать к себе и никогда больше не отпускать. А еще мечтаю не допускать больше ее слез и уж тем более не становиться их причиной. Но сейчас, увы и ах, провал по всем пунктам. Я виноват, мне и разгребать.

Подхожу ближе. Настя слышит мои шаги, разворачивается и прошивает меня гневным взглядом. Понеслась!

— Что ты здесь делаешь? — о, а вот и моя разъяренная бестия! Шипит будто кошка дикая. И мне бы испугаться, а я возбуждаюсь. Бля, может, я извращенец какой-то? Иначе почему у меня такая реакция? На меня жена будущая орет, у нас тут скандал самый настоящий намечается, а мне в штанах тесно?!

— За тобой пришел, — голос хрипит и проседает от накатившего желания. Еще бы... Столько времени у меня целибат был. Я ж Настю крайний раз в коридоре квартиры перед отъездом на задание тра... хм... “любил”. Вот только для меня моя реакция вполне понятна и объяснима, но для Насти... Чувствую, что психанет она, если спалит сейчас мое состояние. Сначала разобраться во всем надо бы. А вот потом...

— Тебя никто не звал! — чего меня звать? Я сам пришел. Знал бы где ты прячешься, пришел бы раньше. Но, естественно, этого я вслух не говорю. Моя малышка и так сейчас на грани истерики.

— Настюш, ну что ты... — осторожно подхожу ближе. Шаг за шагом. Протягиваю к ней руки, чтобы обнять. Пальцы аж зудят от нестерпимого желания прикоснуться к нежной бархатистой коже.

— Не называй меня так! — срывается на истеричный крик. Плохо! Очень плохо. Вот зря не пошел на курсы по психологии по ведению переговоров с террористами. Настя, конечно, не одна из них, но ситуация в целом похожа. Надо будет наверстать пробел. Пригодится в будущем. Я же надеюсь, что это не единственная наша беременность будет, а значит, надо подготовиться. — Ты не имеешь права меня так называть! Зачем ты пришел? Иди к своей беременной невесте, а меня оставь в покое! — “Да, щас, блядь”! — хочется крикнуть ей в ответ. Ну вот зачем она про эту стерву?!

— Я и пришел к своей беременной невесте! Побегала и хватит! Пора возвращаться домой, малыш...

Настя стоит и смотрит на меня, молча хватая воздух своими губами. Губами... Такими манящими и желанными...

Да нахер все эти ссоры! Разговаривать будем потом, потому что сейчас я больше не-могу!

Резко подхватываю свою бешеную фурию под упругую попку и, пока она в своей голове придумывает что такого гадкого мне сказать, затыкаю ее рот пусть и не единственным, но одним из самых эффективных способов. Я просто ее целую. Целую так, словно не целовал ни разу в жизни. Бля, тормознуть бы, а то ж сожру ее! Настя первые несколько секунд барахтается в моих руках, пытается вырваться и даже укусить. Прикусываю ее нижнюю губку и гортанно рычу, крепче сжимая ее булочки в своих руках. Затихает. А потом начинает отвечать на поцелуй. С жалобным стоном, будто капитулирует, прижимается ко мне всем своим нежным телом, обнимая за шею и обхватывая меня крепче своими длинными ножками, скрещивая их за моей спиной, проходится своим юрким язычком по моим губам, зализывая то место, куда цапнула меня. Вот это правильно, малыш. Вот так и надо встречать своего мужчину, мужа и отца своего ребенка.

Так и держа в руках свою драгоценную ношу, двигаюсь в сторону дивана. Сажусь и, не разрывая поцелуй, устраиваю Настю у себя на коленях. Глажу, целую, кусаю... Губы, шея... Стягиваю с нее безразмерную шерстяную кофту и меня ждет сюрприз. Сука, просто Новый год какой-то! Ведь под этой кофтой у моей девочки нет ничего! Только едва заметные бежевые трусики скрывают то местечко, где я желаю оказаться. Но туда я скоро доберусь, а пока... Впиваюсь в сосок, вырывая из малышки порочный стон. Настя запускает свои пальцы в мои короткие волосы и царапает ноготками затылок, притягивая ближе.

Ты что, малышка, думаешь, что я смогу от тебя оторваться? Ни за что!

Продолжая нагло и даже немного грубовато посасывать то одну, то другую грудь, которая, к слову, стала немного полнее, кайфую так, как никогда в жизни. Осторожно спускаюсь руками ниже. Одной приспущаю резинку своих спортивных и боксеров, выпуская себя на волю, а другой сдвигаю промокший насквозь перешеек кружевных трусиков. Усмехаюсь про себя, потому что чувствую себя сейчас не медиком, нет. А сапером, что топает самоотверженно по минному полю в страхе, что вот-вот рванет от одного лишь неверного движения. Но мое “минное поле” по имени Настя лишь хрипло стонет мне в шею, когда я прохожусь головкой вдоль ее мокрых складочек, замирая на мгновение у желанного входа.

Бля, я ж поговорить хотел! Потом же опять трешак начнется.

— Малыш, — хриплю ей в ушко, прикусывая мочку с аккуратным гвоздиком, — Лена беременна, но не от меня. От своего бывшего мужа, с которым она теперь сошлась снова. У меня есть доказательства, — говорю быстро, но уверенно и внятно, — разговор записан на мой телефон, но давай потом, ага? Хочу тебя, пиздец как! Сдохну, если сейчас в тебе не окажусь. Соскучился, маленькая.

— И я, — шепчет в ответ, двигаясь на мне, задевая своим истекающим соками входом мой член и я готов взвыть, но мне нужно ее согласие. — И я соскучилась. Почему? Почему ты остановился? — обиженно хнычет моя малышка, продолжая ерзать на мне.

— Я, конечно, сам себе враг сейчас, но я уже говорил тебе, что ты не какая-то там проходная телка на одну ночь, — чуть отодвигаю ее от себя, чтобы иметь возможность поймать ее поплывший от возбуждения взгляд. — Ты моя будущая жена и мать моих детей и я хочу, чтобы все, что между нами сейчас происходило, было потому что ты на все это согласна и сама этого хочешь. И если нет, то я могу и потерпеть, — бля, только бы не взбрыкнула. Потому что с “потерпеть” это я явно переоценил свои силы.

— Я верю, Яр, — Настя прижимается лбом к моему и говорит так тихо, задевая своими губами мои, но я слышу каждое ее слово. — Дура, наверное, но верю. И ты скоро станешь

папой, — сказав это, зажмуривается будто боится моей реакции. Глупенькая какая.

— Спасибо, — целую в щечку, — спасибо, маленькая моя, любимая девочка, — целую в другую щечку и Настя открывает глаза.

— За что?

— За него, — кладу ладонь на еще плоский животик, — или нее.

Дальше нет места словам. Только секундный взгляд глаза в глаза.

Все мои эмоции зашкаливают в момент погружения в жаркое, мокрое, трепещущее тело моей девочки. Синхронный шумный выдох и стон в унисон. Все мои осязательные чувства концентрируются в одной лишь точке, там внизу, где сейчас соединяются наши тела. Где каждое движение, каждый пока еще легкий, едва ощутимый толчок, что позволяет проникнуть глубже, заставляет отключиться от внешнего мира и стонать в голос от накатывающих волн удовольствия, в ожидании и предвкушении нестерпимого удовольствия.

Сквозь почти закрытые веки наблюдаю за Настей. Она, запрокинув голову назад, гортанно стонет. Блядь, это самое красивое пошло-развратно-эротичное зрелище.

Почувствовав, что Настя полностью расслабилась и уже не сжимает меня так сильно, крепче сжимаю ее бедра и начинаю насаживать ее на себя. Хочется, конечно, пожестче, но я торможу себя, помня о ее “нежном” положении и о том, что у нас долго не было секса.

Толчок... Стон... Толчок... Хрип... Впиваюсь в Настины губы жадным поцелуем и ускоряюсь. Малышка начинает сокращаться на моем члене, утягивая меня за собой. Не прекращая движений, бурно кончаю в нее, наслаждаясь тем, как Настя буквально выкачивает из меня остатки спермы.

— Я люблю тебя, малышка, — срывается с моих губ и я, так и оставаясь внутри Настиного тела, прикрываю глаза, укладывая любимую удобнее на своей груди и прикрыв нас пледом, что лежит рядом.

Все разговоры потом. Сейчас только наш маленький мир на двоих. Точнее, уже на троих...

Настя

— Нет! — вот же блин! Утро так прекрасно начиналось, пока Яр не начал настаивать на том, чтобы покинуть этот замечательный домик и вернуться к нему в квартиру. Мы провели тут просто потрясающую неделю. Неделю ведь? Я в днях совершенно запуталась. Знак только то, что каждый из них был наполнен нежностью, страстью, любовью и сексом. Да, было много... Много секса. После того, как мы все обсудили и решили наши проблемы с недопониманием и излишней импульсивностью и эмоциональностью, ну это со слов Яра, конечно, он отвез меня в больницу, где у меня взяли всевозможные анализы и проверили все, что только можно было. Итог такой, что со мной и малышом все хорошо и близость с Яром не только не под запретом, но и очень даже рекомендована, чтобы утомонить мои бушующие гормоны. Стоило моему мужчине услышать это, как на его лице расцвела настолько порочная, похотливая даже, улыбка, что я поняла — мне не убежать от него. Догонит. Догонит и залюбит. Так и случилось. И было все так классно и здорово, а теперь вот это вот все и прямо с утра! — Я сказала нет! Я не поеду и не стану жить там, где ты трахался со своей Леной! — и да, меня до сих пор коробит и разрывает на части от ревности!

— Блядь, Настя! Что ж ты такая трудная-то! — сокрушенный вздох и грозный взгляд.

— Ах, трудная?! Трудная? — меня прорывает. Гормоны, чтоб их! Порой, сама понимаю, что достаю Яра так сильно, и как он бедненький терпит, но ничего с собой поделаться не могу. Как сейчас, например. Но не могу! Не поеду туда! — Вот и вали к своей Лене! С ней же легко! — отворачиваюсь к стенке и начинаю рыдать, как ребенок. Обидные слезу жгут щеки, но остановиться у меня не получается.

— Малыш, — тихий шепот на ушко и нежный поцелуй запускают толпы мурашек по моему телу. Не могу не реагировать на хриплый голос Яра. Это какой-то гипноз... — Ну чего ты? Мне не нужна никакая “лёгкая” другая. Мне нужна только ты. Трудная, вредная, порой невыносимая просто, — я дергаюсь в его крепких объятиях в попытке развернуться и наградить этого гада самым свирепым своим взглядом, но, естественно, у меня ничего не получается. Крепко держит, зараза. — Тихо, не дергайся. Все равно не отпущу, — едва слышный смешок и снова поцелуй, — и да, ты еще та фурия, но! Ты моя фурия! Самая любимая, — поцелуй, — самая родная, — еще один, — самая красивая... Самая лучшая... Моя...

Я начинаю успокаиваться. Слезы высыхают и тихие всхлипывания сменяются мурлыкающими стонами, срывающимися с моих губ. Яр очень нежный и ласковый. Кажется, что с того момента, когда он узнал, что я ношу под сердцем нашего малыша, он стал каким-то более расслабленным, чаще улыбается. Будто груз страха и сомнений сошел с его массивных, сильных плеч. Я задумывалась над тем, почему он был таким серьезным, постоянно хмурым и напряженным. И даже как-то спросила его об этом. На что получила совершенно неожиданный ответ: из-за меня! Оказывается, он боялся, что я в какой-то момент передумаю и снова исчезну из его жизни. Сначала я, конечно, удивилась подобной глупости, но вот потом крепко задумалась. Ведь, по сути, я испытывала те же страхи. Особенно, в свете той пикантной ситуации, что произошла с нами и что по-прежнему грызет мою душу.

Конечно, мы поговорили более детально по этому поводу. Я не хотела, но Ярослав

настоял, потому что ему казалось, что если не обсудить все это со мной, то это будет меня преследовать и мучить, а волноваться мне нельзя. Вот и обсудили. Яр подробнее рассказал мне о том, как встретился с Еленой и Геннадием, ее бывшим супругом, а ныне будущим супругом снова. Насколько я поняла, Яр к нему даже уважением проникся, потому что как бы Геннадий хорошо и трепетно не относился к своей избраннице, он все же не одобрил ее поступка и даже извинился перед Ярмом за нее. И я, конечно, рада, что мы все выяснили, рада, что поговорили, но тот факт, что Елена знала, где Яр живет и на правах хозяйки ворвалась тогда к нему в квартиру, гложет меня и не позволяет так просто сорваться из этого уютного места и вернуться в квартиру к Яру. Он говорит, конечно, что это наша квартира, наш дом, но я теперь не ощущаю его таковым. Будто та неприятная сцена и присутствие другой женщины так, его женщины, пусть и бывшей, осквернили наше уютное местечко. А ведь он говорил, что не приводил туда никого из своих временных пассий... Неприятненько...

— Яр?

— М?

— А где Антон? — руки мужчины, что буквально несколько назад дарили мне невероятное блаженство, а потом нежно обнимали, сейчас напрягаются и нервно сжимают меня в крепких тисках.

— Зачем он тебе? — голос тоже напряжен, — соскучилась уже?

— Милый, не сходи с ума, пожалуйста, — поворачиваюсь и прижимаюсь к его сжатым в одну тонкую линию губам. Чуть расслабляется. — Я просто спрашиваю. Волнуюсь за него. Просто он... Мы так и не поговорили после того, как он...

— Сделал тебе предложение? — Яр срывается на крик. Задела его та ситуация. Я знаю с драке между ними. Знаю, что их обоих вызывали в управление для выяснения обстоятельств драки и обязали посещать психолога на протяжении двух месяцев, чтобы окончательно подтвердить и свою проф квалификацию, и возможность продолжать работать в одной команде. Яр был категорически против психолога, уверяя, что и так все нормально. А вот ненормально! — Волнуется она... Или, может, согласиться хочешь?

— Солнышко, — говорю намеренно спокойным и ровным голосом, понимая, что ситуация с Тошиным предложением до сих пор его жестко триггерит, — ты сейчас кричишь на маму своего малыша... — после того, как Яр, услышав это, резко замолкает и старается успокоиться, уже не получается сдержать улыбки. И мой красавчик, несмотря на прикрытые глаза, конечно же, замечает это.

— Ах ты манипуляторша мелкая! — громкий, искренний смех все же приятнее, чем ругань. — Нашла мое слабое место и теперь пользуешься этим?

— Да!

— И даже не отрицаешь этого?

— Не отрицаю!

— А по жопке своей аппетитной получить хочешь? — резко переворачивает меня на живот и я получаю легкий шлепок по едва прикрытой трусиками попке. — Вот нахрена они тебе, а? — это Яр о трусиках. Бесится, что я сплю в них, а мне нравится его бесить. Потому что потом происходит то, что и сейчас... — Замужняя девушка, — захватывает пальцами предмет его недовольства и начинает медленно стягивать вниз, — должна спать с мужем, — голос становится более хриплым. Мой мужчина снова возбужден. Боже, мы никогда не вылезем из этой кровати! Хотя, технически, это диван, но кого это... Ох... — абсолютно

голенькой...

На этом моменте Ярослав впивается губами в одну из моих ягодиц, слегка прикусывает, отчего я визжу и смеюсь, а потом голос срывается на стон, потому что мой любимый внезапно проводит языком по моей промежности, собирая выступившую на нижних губках влагу.

— Я-я-яр-р-р... — стону в голос от прошивающего все тело удовольствия. Мозг напрочь отключается, я улетаю в nirvanу. С ним всегда так... Только так...

После очередного сеанса “сексуальной терапии для беременных”, как в шутку называет это Ярослав, я просто выключаюсь. Щелк и темнота.

Просыпаюсь я одна. Тело немного ломит, а низ живота сладко ноет от пережитых оргазмов, но я не жалуясь. Я счастлива. И счастлива я ровно до момента, пока в дальнем углу комнаты не замечаю сумку. Дорожную сумку, судя по всему, с вещами. Неужели он поступил по-своему и насильно увезет меня отсюда в квартиру, в которую я пока не готова переезжать?

Злость и разочарование разливаются на душе так, что аж во рту горько становится и начинает тошнить. Два дня меня не тошнило, а тут снова.

Срываюсь с дивана и бегу в ванную, не заморачиваясь даже насчет одежды. Вот в чем была, в том и бегу. Короче, в чем мама родила, но мне плевать. Плевать, потому что тошнит и терпеть нет сил. А еще от обиды. Ну как он мог?!

Заперевшись в ванной, падаю на колени, едва не разбив их в кровь, и меня выворачивает наизнанку. На глазах тут же выступают слезы, но я пока не могу понять причиной их служит тот факт, что я опустошаю свой желудок или же обида на любимого мужчину, что так эгоистично принял решение за нас двоих, забив на мои просьбы?

— Малыш? — тихий стук в дверь отвлекает меня от моего весьма занятого времяпрепровождения.

— Отстань, предатель! — злобно шиплю, поднимаясь и включая воду, чтобы умыться. Потом все же решаю, что я хочу принять душ и забираюсь в кабину.

Включив нужный мне напор воды и отрегулировав температуру, встаю под теплые струи воды. Прикрываю глаза и пытаюсь не заплакать. Сколько я так простояла? Минуту? Пять минут? Десять? Не знаю. Но в какой-то момент я чувствую на себе крепкие руки, что прижимают меня спиной к мокрой обнаженной груди. Большие теплые ладони ложатся на живот, полностью прикрывая его будто в защитном жесте, и меня снова прорывает. Слезы катятся по щекам, но Яр ловит их языком и губами, не позволяя воде растворить и смыть их с моей кожи.

— Так что там за тема с предателем? Когда я успел им стать? — Ярослав спрашивает так тихо, но я слышу даже сквозь шум падающих на нас струй воды.

— Ты собрал мои вещи и собираешься меня увезтитуда! — заявляю обиженно, но при это все же подставляю шею под жалящие поцелуи. Ну, а зачем я буду отказываться от ласки? Я же девочка! Я хочу.

— Я не собирал, — теряется на мгновение, но потом продолжает. И вот почему-то мне кажется, что теперь он улыбается.

— Я видела сумку!

— Какая ты наблюдательная! И как она тебе? Понравилась?

— Ты издеваешься? — разворачиваюсь в его объятиях и заглядываю в его хитрющие глаза, в которых уже всюю пляшут смешинки. Смешно ему!

— Ни в коем разе! Как я могу издеваться над своей любимой девочкой?! — притворное изумление отражается на его красивом лице, покрытом капельками воды. Боже, он прекрасен! Такой большой... Сильный... Красивый... А кожа?! Хочется провести по ней языком, чтобы взорвать свои рецепторы его неповторимым вкусом! Так, стоп! Куда меня понесло?! Нимфоманкой какой-то становлюсь, честное слово... — Земля вызывает Кострову...

— Я еще не Кострова и с учетом того, что ты натворил, могу и не стать ею! — специально его бешу, — передумую и все!

— Кто бы тебе позволил “передумать и все”! — кривляется и коряво пародирует мой голос и мне почему-то так смешно становится, что я даже забываю из-за чего дуюсь на него. — Нет у тебя больше возможности передумать. Это понятно?

— Посмотрим...

— Я тебе “посмотрю”... Коза вредная! — вроде, кричит на меня и старается выглядеть суровым, но вижу, как он едва сдерживается, чтобы не засмеяться. Самого торкает наша маленькая перепалка. Вот только одного не пойме, чего он так спокоен-то? Он же виноват! Или так уверен в своей правоте? — Так что там с сумкой?

— Ты собрал мои вещи...

— Не собирал.

— А чьи тогда там вещи? — непонимающе смотрю на него.

— Мои.

— Твои? Seriously?

Я просила его пока перебраться сюда, пока не будет завершен ремонт в доме, который строит Яр для нас. Он рассказывал мне о нем в самом начале, когда мы решили быть вместе. Говорил, что строит его для нашей семьи. Там, конечно, работы еще много, но месяцев за пять-семь он будет закончен. До рождения малыша мы уже сможем туда переехать. Я понимаю, что Яру неудобно каждый день ездить в управление в город из этой небольшой деревеньки. Неудобно проводить лишний час в дороге, когда этот час он мог бы поспать, но все же просила его об этом, потому что мой организм всеми силами сопротивлялся решению вернуться в квартиру.

Этот разговор состоялся позавчера, когда мы нежились в постели, а уже сегодня он съездил за своими вещами. Ну какой же он лапочка!

— Ты снова плачешь? — улыбаясь, спрашивает Ярослав, когда я прячу лицо у него на груди.

— Угу...

— Почему?

— Потому что ты у меня самый лучший и я просто рада, что ты услышал меня и решил остаться тут со мной.

— Это же было очевидно! Я без тебя не могу, малыш.

— И я без тебя не могу.

— Сильно надо поплакать?

— Угу.

— Точно только от счастья?

— Угу...

— Ну тогда поплачь немножко, а я тебя пока пообнимаю. Мне тоже очень это надо...

И он обнимает. Так крепко и нежно одновременно, словно я самое драгоценное, что

есть в его жизни. Хотя, наверное, так и есть. Ведь он много раз говорил мне об этом.

— Я люблю вас, малышка, — хрипло шепчет мне на ушко, обнимая одной рукой, а второй поглаживая низ живота в том месте, где сейчас находится наш ребенок, — и сделаю все, чтобы вы были счастливы.

— Я знаю, — шепчу в ответ, не сомневаясь в его словах. Знаю, что так и будет.

Яр

Вот же коза непоседливая! Иногда моя женушка любимая меня бесит так сильно, что хочется отшлепать ее по ее шикарной заднице, но я держусь, креплюсь из последних сил. Ничего, осталось совсем немного и наш Сережка появится на свет. И вот тогда...

На самом деле беременность Насти проходила достаточно гладко в плане ее здоровья и самочувствия. Сын тоже развивался в пределах нормы. И все бы ничего, но вот характер нашей мамочки проявился, так сказать, во всей своей изощренной красе. Особенно в последние два месяца. И нет, у нас не было бесконечных скандалов и ссор. Настя просто обижалась по каждому поводу и даже без него. Например, она проплакала и не разговаривала со мной почти двое суток из-за того, что я уснул раньше нее вечером, когда мы вместе легли спать. А еще раз я успокаивал ее истерику на протяжении пары часов, когда мы проезжали мимо зоомагазина и она там увидела маленького милого щенка и, конечно же, она захотела, чтобы он жил с нами. Как сейчас помню ее ультиматум: “Либо он живет с нами, либо я переезжаю к нему сюда!”, заявила тогда сквозь слезы и рыдания моя кругленькая красавица. Дабы исключить ее переезд в зоомагазин, да-да, именно в зоомагазин, пришлось идти и покупать щенка. Теперь с нами уже три месяца живет Боцман — черный лабрадор. Клевый чувак, кстати. Мы с ним вместе стойко переносим все тяготы “беременного” характера Насти.

Но все это меркнет на фоне мысли о том, что совсем скоро, уже через две недели, на свет появится наш сын. И этот факт греет душу настолько, что я готов снова и снова переживать все капризы и выкрутасы Насти, лишь бы она потом подарила мне еще и маленькую копию себя. Но об этом я пока даже не заговариваю, чтобы не быть испепеленным взглядом. Настя может, ага.

Сейчас же Настя меня выбесила тем, что ей бы дома сидеть и доживать последние недели беременности, но нет, мы нашли в интернете информацию об оленьем питомнике и нам приспичило поехать к черту на рога, чтобы посмотреть на северных оленей, блядь! Говоря “к черту на рога”, я, нахрен, ни разу не преувеличиваю. Мы уже четыре часа едем на каком-то арендованном вездеходе по глухим лесным тропам, замеченым сугробами. На дворе двадцать девятое декабря, за окном минус тридцать два градуса и темень хоть глаз выколи, нихера не видно. Еду тупо по навигатору. Трясет так, будто в зону турбулентности попали. Сзади сидит опешивший Боцман с видом “какого хрена тут вообще происходит?”, а рядом со мной довольная, как объевшаяся сметаны кошка, моя беременная жена. Зашибись! Интересно, ребята доехали уже? И ведь не позвонить, потому что, вишенка на торте, связи тут нет!

И как я так попал...

Ведь почти удалось уговорить Настю не ехать. Ага, почти... Телевидение — зло! Почему? А потому что после всех моих разумных аргументов почему нам не стоит ехать за две недели до родов в какую-то глушь смотреть каких-то там оленей и, да поможет мне Бог пережить все это, покормить их морковкой, кстати, морковку мы тоже ездили покупать не какую-то там “обычную”, а особенную, чтобы оленям, сука, понравилась. Так вот после всех моих аргументов моя малышка, о чудо, согласилась, что поездку стоит отложить на момент, когда Сережка наш подрастет и съездить в этот питомник вместе с ним, но в этот почти

счастливым момент на гребанном экране гребанного телевизора запустилась, сука, гребанная новогодняя реклама всем известного напитка. И кого Настя увидела в рекламе? Правильно! Гребаных, сука, оленей!

Итог — мы едем кормить оленей.

— Ну чего ты такой злой? — сбоку раздается нежный голосок моей жены. Поворачиваю голову, смотрю на нее, всем своим видом давая понять, что меня сейчас лучше не трогать, а она там мило и невинно хлопает глазками, будто не из-за нее мы тут. Решено! Быть ее заднице отшлепанной!

— Не беси, — рычу в ответ.

— Я не бесю... бешу... или все же бесю? А, неважно! Так вот, я тебя не бесю и вообще, будет весело! Ребята уже наверняка там. Отлично встретим новый год на природе, посмотрим на оленей...

— Не говори при мне про этих адски-бесячих созданий!

— Все-все, не говорю, — тянется, чмокает меня в щеку. Немного отпускает. Всегда на меня так действует. Сначала выведет из себя, а потом чуть приласкает, похлопает своими ресничками и все, я поплыл... — Это будет самый запоминающийся новый год! Наш первый новый год в качестве настоящей семьи. Ты только представь, — малышка мечтательно прикрывает глаза, поглаживая свой девятимесячный живот через теплый свитер, — вокруг лес, снега много, деревянные домики, беседка, шашлык и все такое! Елку во дворе нарядим, гирлянды там всякие на нее нацепим! — ее глаза загораются неподдельным восторгом. Ну и как тут отказать?!

— Да, будет весело, — нехотя соглашаюсь, чтобы не расстраивать свою девочку, а то снова начнет плакать, а мне за дорогой следить надо. Хотя, дорога — это сильно сказано. Скорее уж тропинка...

— Ну вот увидишь! Все будет круто!

— Будет, — улыбаюсь, глядя на Настю. Такая она милаха у меня. Беременность ей очень идет. Розовые пухленькие щечки, горящие глаза и губы... Губы это отдельная тема для моих эротических фантазий. Они у нее стали еще пухлее, еще желаннее, еще ярче. А грудь... Тут точно без комментариев, а то придется останавливаться и самоудовлетворяться посреди темного леса, потому что штаны задымятся. К такому экстриму я не готов. — Ты как вообще? Нормально себя чувствуешь? — кладу руку на живот, Серега здороваается, как обычно, пинком мне в ладонь. Улыбаюсь.

— Да, нормально.

— Трясло ведь сильно. Может, остановиться и отдохнешь?

— Нет, не нужно. Давай уже доедем побыстрее.

— Ну хорошо. Давай.

Дальше едем молча. Настя мурлыкает песенку какую-то себе под нос, периодически срываясь на громкие ноты. Мотив узнать не получается, в вездеходе громко шумит мотор. Периодически поглядываю на нее, она в ответ смотрит на меня, улыбается, глазки блестят. Боцман, вроде, спит сзади на моей куртке.

Спустя почти час вдалеке начинают мелькать огни уличных фонарей.

— Приехали! — громко вскрикивает Настя, подпрыгивая от нетерпения на месте.

— Приехали, — выдыхаю с облегчением.

Подъехав к нужному двухэтажному деревянному коттеджу, который мы арендовали на все праздники для всей нашей компании, замечаю, что на улице нас уже встречают.

Приехали все: Егор с Леркой, Мак и Ромка, Миха со своей зазнобой, Влад с Ясиной. Даже Антон тут и не один, а с девчонкой какой-то. Впервые видим ее. Но ничего, успеем познакомиться. Она, похоже, чувствует себя не в своей тарелке. Зажатая какая-то, смотрит на всех волчком, руку свою от Антона одергивает, будто боится. Интересно... Но это все потом.

Выхожу, помогаю Насте выбраться из вездехода, выпускаю Ботмана. Тот радостно бежит и со всего маху плюхается в ближайший сугроб, чем вызывает общий радостный смех. Беру Настю под руку, приобнимаю за талию и тихим шагом, чтобы не поскользнуться на дорожке, ведущей к высокому крыльцу дома, подходим к толпе наших самых близких друзей и родственников. Все здороваемся и тепло приветствуем друг друга. Миха пожимает мне руку и тут же забирает из моих объятий свою сестру, сам крепко ее обнимает.

— Привет, колобок мой любимый, — ласково целует ее в лоб, но тут же получает маленьким кулачком в живот. — Ох, бля...

— Это тебе за колобка! — обиженно заявляет моя малышка, поджимая губки.

— Да я ж любя, ты чего, — оправдывается Миха. Да, он не знает всех тонкостей Настиного характера во время беременности, но я тут же подхожу к ней и снова заключаю в свои объятия, тихо покачиваю, поглаживаю по спине.

— Ты у меня самая красивая девочка во всей вселенной! — говорю то, что на самом деле думаю, — и я просто нереально кайфую от твоего животика!

— Честно? — всхлипывает у меня на груди.

— Честно-честно! Клянусь!

Поцеловав свою малышку в красный от мороза носик, помогаю ей подняться по ступенькам. Придерживая Настю за талию, чувствую, что она периодически как-то дергается и сжимается, замедляя шаг, крепче цепляясь в мою руку. Шумной толпой все заваливаются в дом и даже Ботман, наш маленький проныра, весь в снегу забегает вперед нас. Мы с Настей заходим последними.

Присаживаюсь перед Настей на корточки, усаживаю ее на свое колено, помогаю снять теплые меховые ботинки. На автомате щупаю ее стопу, проверяя не замерзли ли ее ножки. Теплая. Хотя это успокаивает, несмотря на то, что меня нехило так потряхивает. Помогая малышке подняться, стягиваю с нее куртку и разворачиваю к себе лицом и спокойным, насколько это возможно в данной ситуации, голосом спрашиваю:

— А теперь скажи мне, родная, как давно у тебя начались схватки?

Яр

Подхватываю Настю на руки и несу в ближайшую комнату, где её можно уложить. Меня трясет так, что рук и ног не ощущаю. Только мою девочку, доверчиво прижимающуюся к груди. Малышка тихо всхлипывает, уткнувшись мокрым носом в мою шею. От этого её жеста по всему телу маршируют толпы мурашек, так и норовящих осесть у меня в штанах, но сейчас не до похоти и возбуждения. Сейчас я врач и я предельно собран. Моя главная задача сделать так, чтобы роды прошли гладко и мой сынишка и моя жена остались здоровы.

Блядь! Охереть! Мы же так готовились к этим родам, тщательно выбирали роддом и врачей. У нас даже сумка уже собранная в шкафу стоит месяц. Все было готово! Все шло гладко и идеально! А потом случились эти гребанные олени и рожать мы будем не в одной из лучших клиник с самым лучшим современным европейским оборудованием под контролем светила медицины, а в заснеженной жопе мира, блядь!

— Ты сердишься? — мой любимый колобочек, видимо, чувствует мой раздрай и внутренние психи. Напрягается в моих руках, а ей нервничать сейчас абсолютно нельзя. Поэтому, собрав всю свою выдержку и самообладание в кулак, благо, живя с Настей, я отточил этот навык до уровня Бога, улыбаюсь ей, попутно оставляя нежный поцелуй в висок:

— Нет, малыш, не сержусь. Волнуюсь просто. Скоро ведь сына на руки возьму, — Настя улыбается, а потом резко морщится и зажимается с тихим болезненным стоном у меня в руках. — Снова схватка?

— Угу-у-у-у, — почти воет. Ой, бля! Как пережить все это?! Засаекаю время, чтобы определить интервал схваток и понять сколько у нас есть времени. — Так, народ, собрались! — команду, — мы рожаем!

— Как?

— Чего делаете? — в один голос спрашивают Антон и Егор.

— Ты сейчас пошутил? — Макар ошарашенно смотрит то на меня, то на пытающуюся продышать болезненную схватку Настю.

— Похоже, что я шучу? — наверное, все мои эмоции сейчас написаны на моем лице. По крайней мере, считывают их все правильно. Егор подрывается с места и тут же “включает” командира.

— Так, слушай мою команду. Мак, — поворачивается к бойцу. Да, сейчас они все превращаются из расслабленных отдыхающих ребят в серьезных бойцов, строго и беспрекословно готовых выполнить приказ командира, — звонишь в скорую. Ромыч, собираешь со всех вездеходов аптечки и тащишь сюда. Девчонки, проводите Настю и Ярослава в спальню на первом этаже, которая ближе к кухне, подготовьте кровать, Яр подскажет что нужно. Выполнять! — все дружно разбегаются в рассыпную. Хорошо, что они все приехали сюда раньше нас и успели посмотреть весь дом. А то я даже не знаю, где тут что находится.

Лера тут же подбегает к нам, ободряюще сжимает мое плечо и улыбается Насте, подмигивает ей, даря поддержку.

— Идем, — Лера указывает в сторону арки, ведущей в коридор, — нам туда.

— А я? — шокированный Миха стоит и ждет указаний. Видно, что он растерян и малость в шоке, но все же готов помогать.

— А ты идешь с Яром и страхуешь, чтобы они добрались до комнаты, там сумки в коридоре стоят. Смотри, чтобы не споткнулись.

— Принято.

Это все я слышу отстраненно. Понимаю, что Миха нас нагнал в момент, когда он придерживает меня за плечо, командуя Лерке бежать дальше и включить свет в спальне.

До комнаты добираемся быстро и без происшествий. Аккуратно укладываю жену на кровать, помогаю ей стянуть теплые штаны. Но как только стягиваю с нее колготки, Настя ойкает и начинает плакать.

— Что? Что такое? снова схватка? Больно? — заваливаю вопросами, параллельно ощупывая живот. Сережка затих совсем. Тоже готовится к встрече. А Настя начинает рыдать громче и отчаяннее. — Настя?!

— Я опи... — заикаясь, пытается мне что-то сказать, но всхлипы и закрытое ладонями лицо не позволяют понять, о чем она говорит. Замечаю медленно растекающееся мокрое пятно под ней. Понимаю, что воды отходят. — Я описалась! — срывается на громкий плач. А мне и смешно, и больно за нее. Она такая крошечная на этой огромной кровати, несмотря на большой, но аккуратный животик. Такая беззащитная сейчас. — Еще и при все-е-ех...

— Родная, тише, — обнимаю малышку, нежно прижимая к себе, — это не то, что ты говоришь. У тебя просто отошли воды. Помнишь, акушерка рассказывала тебе, как будет происходить весь процесс? Не плачь, маленькая.

Настя немного затихает в моих объятиях. Лера, тоже заметив мокрую простыню и услышав наш разговор, быстро отыскивает в шкафах чистое сухое белье.

— Яр, приподними ее, я быстро перестелю белье.

Снова беру Настю на руки и несу в ванную. Туда же бледный, как мел, Миха закидывает нашу сумку. Помогаю жене снять нижнее белье, ставлю в ванную и включаю теплую воду, чтобы немного и согреть ее, и ополоснуть, смыть с ног околоплодные воды. Делаю все очень медленно и аккуратно. Затем сам быстро и качественно мою руки, ощупываю пальцами ее между ножек. Есть небольшое раскрытие. Настя снова морщится, впивается ногтями в мою руку и, придерживая второй рукой животик, сгибается пополам с болезненным стоном.

— М-м-м... — мычит от боли. Двенадцать минут между схватками, засекаю длительность схватки.

Помогаю малышке дышать, глажу поясницу и крепко держу, чтобы не поскользнулась на гладком покрытии ванны. Спустя сорок пять секунд, по моим подсчетам, Настя потихоньку выпрямляется и выдыхает. Выключаю воду, помогаю вытереться насухо большим махровым полотенцем и натягиваю на нее свою футболку. Она ей очень большая, как платье доходит до колен, но не сковывает движений. Ей так будет комфортнее. Подхватываю на руки и несу в спальню.

— А трусики? — с тоской смотрит на сумку, из которой выглядывает нежное кружево.

— Они тебе сейчас не понадобятся, малыш, — стараюсь говорить мягко, потому как Настю сильно потряхивает. Трусит моя малышка. — Потом принесу тебе их, хорошо?

— Хорошо, — покорно соглашается.

В спальне Лера успела перестелить белье и положить по бокам подушки, принесенные из соседних комнат. Отлично, они очень в тему. Рядом лежат чистые простыни и полотенца. Также на тумбочке лежат четыре аптечки. Видимо, Ромыч забегал. В спальне никого. Лера с Михой вышли, чтобы не смущать мою девочку. Но дверь в комнату чуть приоткрыта и из коридора доносятся голоса. Стоят за дверью, чтобы быть на подхвате.

Укладываю Настю на кровать, уже собираюсь выпрямиться, чтобы поправить подушки, как она хватается за мою шею, как утопающий за спасительную соломинку.

— Яр, Ярчик мой, мне так страшно, — жалобно шепчет моя девочка.

— Ну ты чего, маленькая? Все будет хорошо, прорвемся. Нам ведь не впервой так попадать, да? Главное что?

— Что я с тобой? — да, это наша “установка”. Я приучил Настю к мысли, что если я рядом, она может вообще ни о чем не волноваться и ничего не бояться.

— Все верно, малыш. Я рядом, — целую в припухшие от соленых слез губки. Настя охотно подставляется под ласку, ей сейчас это очень нужно, — все будет хорошо.

— Обещаешь?

— Клянусь, родная. Люблю тебя.

— И я тебя люблю.

Мы лежим с Настей вдвоем, болтаем о всякой ерунде. Настя сокрушается, что так и не успела посмотреть сегодня на оленей, а меня лишь от одного слова “олени” начинает трясти.

Интервал между схватками стремительно сокращается. Я понимаю, что скорую мы, скорее всего, не дождемся и будем рожать сами. После очередной схватки снова проверяю раскрытие. Пора...

— Ну что, маленькая, начинаем? — устраиваюсь между Настиных ножек, улыбаюсь и подмигиваю ей, чтобы поддержать.

— А, может, все-таки подождем еще? Дождемся скорую? — мямли в панике со слезами на глазах.

— Какой подождать, Насть? С ума сошла? Я уже Сережкину головку вижу. Ждать нельзя.

— Но...

— Что?

— Я не хочу, не хочу, чтобы ты там все это видел, — по румяным щечкам начинают бежать дорожки слез, — там кровь и некрасиво все...

— Ты думаешь, я крови испугаюсь? — реально не понимаю к чему она клонит. — Я врач, так-то, не забыла?

— Ты не понимаешь!

— Не понимаю! Тебе рожать пора, а мы тут демагогию разводим. Скажи прямо, малыш, ты не доверяешь мне что ли?

— Доверяю, просто... — зажмуривается, глубоко вдыхает и резко выдыхает, — просто ты меня потом хотеть не будешь, — сквозь слезы пытается объяснить мне то, что ее беспокоит, — а я хочу, чтобы ты меня любил и хотел всегда. А девочки на форумах писали, что их мужья после партнерских родов не хотят...

— Ой, бля... Насть, — сажусь на корточки рядом с ней, снимаю перчатки и стираю с ее щечек слезы, — вот ты, вроде, не блондинка у меня, откуда у тебя такая хрень в голове, а? Во-вторых, я врач и крови не боюсь. В-третьих, бред там пишут на твоих форумах, — целую самые любимые на свете губки.

— А во-первых? — спрашивает Настя, мило хлопая мокрыми ресничками.

— Ты о чем?

— Ты сказал, что во-вторых, ты врач. А во-первых?

— А во-первых, как? — аккуратно обхватываю ладонями ее лицо и заглядываю прямо в глаза, прижимаясь лбом ее лбу, уже слегка влажному от волнения, — Как, скажи мне, я могу

тебя разлюбить и не хотеть, если ты мой воздух, смысл моей жизни, малыш? Если бы я знал как это сделать, то не сгорал бы в агонии несколько лет, ожидая, пока ты подрастешь и я смогу забрать тебя себе. А я подышал без тебя. Поэтому, слушай меня внимательно: нет в этой жизни ничего, что могло бы заставить меня тебя разлюбить и перестать хотеть. Поняла?

— Поняла, — шепчет в ответ, а на губах расцветает счастливая улыбка.

— Тогда давай сына встречать? — снова подмигиваю.

— Давай!

А дальше все будто проходит мимо меня. Я выключаю эмоции. Руки действуют на автомате, мозг командует моим телом. В голове пульсирует лишь одна мысль — сделать так, чтобы Настя с Сережкой были в порядке.

Стараюсь абстрагироваться от Настиных криков, что раздирают душу. Ей больно и страшно. Малышка говорила, что больше всего боится боли, что ее тело откажется тужиться в момент, когда это будет необходимо и она тем самым навредит сыну. Она даже по ночам от кошмаров просыпалась. Это превратилось в своего рода фобию. Поэтому мы решили использовать эпидуральную анестезию. Не столько для обезболивания, сколь для Настиного спокойствия. А сейчас все летит к чертям. Ей больно и у нее начинается истерика.

— Малышка, Настя, смотри на меня! Насть! — кричу, но она будто не слышит. Мотает головой из стороны в сторону и не может сделать вдох, а я не могу отойти со своего места, потому как мы уже “в процессе”. — Мак! — ору во весь голос. Сейчас только резкая эмоциональная встряска может привести Настю в чувство. А он своими пошлыми шуточками всегда приводит ее в бешенство. Да и он, к тому же, обладает навыками оказания первой медицинской помощи. Но это на самый крайний случай, который я допускать не намерен. — Макар!

— Тут я уже, — в дверь, предусмотрительно прикрыв глаза ладонью, заходит Макар, — че случилось тут у вас? — спрашивает, но тут же его привычно расслабленный тон меняется, как только он слышит, как Настя задыхается в своей истерике. — Настя? — подлетает к ней и легонько стучит по щекам, — Эй, ты чего это удумала?

— Она боли боялась, сейчас истерика и паника. Помоги ей дышать, контролируй каждый ее вдох. А когда я скажу, заставь ее тужиться.

— Понял, принял, — отвечает мне и снова переключается на Настю. — Слушай. Настен, так дело не пойдет, — врубает свой привычный образ, — у меня, может, единственный шанс выпал тебе под юбку заглянуть, ну точнее футболку, а мне приходится тебя успокаивать. Я ж так все самое интересное пропущу. Потом-то нельзя будет, потом мне Яр морду начистит. А я, можно сказать, мечтал тебе под эту самую юбочку попасть... — что за ересь он несет...

— Вот ду-ра-к, — по слогам проговаривает Настя и начинает смеяться. Фух, кажется, пронесло, — Яр и после этого тебе твою мардашку начистит за такие-то откровения...

— Еще как начищу! — с улыбкой соглашаюсь, но чувствую, как тревога немного отступает, — Малыш, а теперь тужься изо всех сил, родная!

— Больно, Яр... — сквозь слезы шепчет моя девочка.

— Эй, красавица зареванная, — Мак перехватывает ее внимание, — сына увидеть хочешь? Мы тут все его так-то ждем с нетерпением. Так что будь любезна нам эту встречу поскорее организовать. У нас там бухлишко уже на столе стоит, чтобы встречать нового бойца нашего отряда, — в эту минуту я дико благодарен Маку. Хоть меня и бесило

постоянно, что он кидает на мою жену жадные взгляды, но границ он все же никогда не переходил. И даже не собирался. А не смотреть на мою девочку просто невозможно. Она же у меня такая красавица, глаз не оторвать. И сейчас благодаря этому амбалу-разгильдю Настя собирается, впивается своими ногтями в руку Мака, раздирая ее практически до крови, и тужится с громким криком. — Ох, бля, моя рука! За это сделаете меня крестным!

И снова несколько минут пролетают будто в тумане. Крики, звуки, кровь... Все мимо. А потом в ушах раздается самый желанный и долгожданный звук. Первый крик моего сына.

— Ну привет, боец! — улыбаюсь сынишке, — хочешь к маме?

Малявка что-то кряхтит в ответ и снова начинает плакать. Кажется, этим он в мамочку пошел. Но ничего, сейчас можно, а подрастет и станет настоящим мужиком.

— Дай... Дай его мне, Яр, — тихо, но настойчиво просит Настя. Укладываю сына ей на грудь и, удивительно, но он сразу затихает, с интересом наблюдая за ней. — Привет, мой любименький, — целует в его маленький лобик, — привет, мой сладкий...

Пока Настя воркует с Сережкой, забыв обо всех своих страхах и боли, заканчиваю все необходимые мероприятия. Правда приходится еще раз отвлечь Настю, чтобы “родить” пузырь, в котором Серега тусовался все девять месяцев. Переживал, что у самого руки будут дрожать, все же родного сына принимал, но нет. Напрасно волновался.

— Поздравляю, брат! — Макар хлопает меня по плечу и выходит из комнаты. Из коридора слышатся радостные крики и хлопки открываемого шампанского.

Спустя пару минут в комнату проскальзывает Лерка с пакетом снега, как я и просил в самом начале родов. Кладу пакет со снегом Насте на живот, чтобы ускорить сокращение матки.

— Ой, какой он хорошенький, — пищит от восторга и умиления и снова оставляет нас втроем.

Закончив все, укрываю Настю пледом, сам забираю мелкого в ванную, чтобы обмыть. В процессе благодарю всех Святых и своего преподавателя по акушерству и гинекологии Валентина Степановича Игишева за то, что монотонно вдалбливал знания в мою голову.

Спустя десять минут мы с Сережкой возвращаемся в комнату. Думал, что Настя уснула, но нет. Она словно тигрица наблюдает за каждым моим шагом и, стоит мне только приблизиться к кровати, тут же тянет руки, чтобы забрать свой драгоценный комочек к себе поближе. Она будет потрясающей мамой. Я в этом уверен. А уж я изо всех сил буду делать все, чтобы и она, и мой сын считали меня самым лучшим отцом.

Аккуратно ложусь рядом со своими самыми родными и любимыми, целую и слегка приобнимаю свою малышку, заключая в самые нежные и надежные объятия. Все, семья в сборе.

— Я люблю тебя, родная моя, — шепчу, чтобы не разбудить сладко позевывающего сына.

— И я люблю тебя, Яричек мой, — Настя поворачивается ко мне и прячет лицо в изгибе шеи, утыкаясь носиком, — очень люблю. Спасибо тебе...

Так и лежим вместе. Не знаю сколько проходит времени, десять минут или час, но в коридоре слышатся чьи-то тяжелые шаги. Дверь в комнату тихо открывается.

А вот и скорая приехала. Теперь точно можно выдохнуть.

Восемь лет спустя

Настя

— Мам! Мама! — маленькие ножки шустро топают по лестнице на второй этаж и уже спустя минуту в дверь нашей с Яром спальни раздается громкий, нетерпеливый стук. — Ну, мама! Открывай! Ну, мне очень-очень надо! — судя по голосу, Сергей Ярославович совершенно не готов ждать.

Сегодняшнее утро у нас особенное. Сегодня к нам в гости приезжают все наши родственники и друзья со своими семьями и все мужчины с сыновьями, а их насчитывается уже немало за столько-то лет, собираются поехать на рыбалку с ночевкой. У ребят из отряда Ярика это своего рода традиция — то охота в лесу, то рыбалка на озере, что расположено неподалеку от нашего дома. Один раз в году ребята уезжают с ночевкой в палатках, а мы — девочки, остаемся дома и устраиваем свои посиделки. Но у Сережки такой энтузиазм связан с тем, что его впервые возьмут в этот поход. Вчера вечером Ярослав рассказал об этом сыну и в итоге мы еле уложили его спать — настолько сильно он был обрадован и взбудоражен подобным сюрпризом.

Так что ничего удивительного, что на часах всего семь пятнадцать утра, а наша дверь подвергается беспощадному нападению маленьких восьмилетних кулачков.

Наш сынишка — папина радость и гордость. Разумеется, и моя тоже, но сам Сережка гораздо больше радуется, когда его хвалит папа. Яр для него абсолютный и непререкаемый авторитет. Яр воспитывает его также, как воспитывали его самого — делает из него настоящего мужчину, но при этом не дает забывать ему и том, что мужчина должен быть жестким и нестигаемым в работе, а вот дома, как объясняет сыну Яр, надо быть мягче, ведь дома всегда ждут девочки — мама и сестренка, в будущем — его собственная жена и дети. Сережа очень внимательно слушает и впитывает в себя информацию. Он вообще у нас очень умный мальчик. С самого раннего возраста я всегда поражалась тому, какой осознанный у него взгляд на жизнь. Мы с Яриком сразу уловили эти качества в сыне и не стали с ним “сюсюкаться”, как это делают большинство со своими детьми. Мы же с ним всегда разговаривали как с равным и сыну это очень нравилось. Так он чувствовал и понимал свою важность для нас. В школе у него тоже нет проблем с дисциплиной и точными науками. Грамматика, правда, немного хромает, но мы над этим работаем.

Несмотря на всю свою серьезность, ничто детское нам все же не чуждо. А потому периодически случаются вот такие вот эмоциональные сцены, как сейчас.

— Ты же дверь запер? — в панике шепчу мужу, который продолжает самозабвенно вколачиваться в мое разомлевшее после сна тело.

— Само... собой... малыш... — разделяя каждое слово сладкими толчками, успокаивает Яр.

— Надо ответить...

— Сын, — замедляясь на мгновение и переводя дыхание, кричит Яр в сторону двери.

— Папа? — удивляется Сережка, — Ты уже тоже проснулся?

— Так ты так громко маму зовешь, конечно, я тоже проснулся, — ухмыляется и делает резкий выпад бедрами, от чего я едва удерживаюсь, чтобы не вскрикнуть. Даже руку прикусываю, на всякий случай. Гневно смотрю на мужа, а ему все в кайф — улыбка от уха до

уха. Любит он меня в такие неловкие ситуации загонять и наблюдать потом за мной. Говорит, что в такие моменты у меня самые настоящие эмоции.

— А где мама? Мне можно зайти? — сын у нас очень воспитанный. Стал... После случая, который произошел несколько лет назад, когда Сережка утром влетел маленьким ураганом в нашу спальню и метнулся в сторону кровати, на которой мы с Яром “не спали”. После этого у папы с сыном состоялся серьезный “взрослый” разговор, после которого Сережа теперь обязательно стучится и всегда ждет, пока его пригласят войти.

— Мама пока крепко спит, она устала очень, — говорит громко, но тут же шепотом обращается ко мне: — ты же устала очень? — подмигивает.

— Конечно! Ты ж меня укатал уже... — смеюсь в ответ, — скажи Сережке, что через десять минут спущусь к нему.

— Мама спустится через полчаса! — не отрывая от меня своего порочного взгляда, громко сообщает Яр сыну.

— Ладно, — соглашается Сережка и мы слышим удаляющиеся шаги.

— Какие полчаса, Яр? Ты что? Он же звал меня, значит, ему что-то нужно!

— Если бы было срочно, он бы мне рассказал. А раз уж он готов ждать, то это не так уж и срочно, — объясняет Яр, начиная двигаться внутри меня.

— М-м-м, Яричек, сделай так еще-е-е... — голос срывается на тихий стон от того, как глубоко и мощно ощущаются толчки. Будто головка члена задевает какие-то нереально чувствительные точки внутри меня.

— Моя девочка... Люблю тебя, родная...

— И я тебя люблю. Очень-очень люблю, Яр.

Дальше нет места словам. Есть только взгляды, жесты, ласки, нежные касания, которые значат гораздо больше любых слов и признаний. Столько лет прошло, столько лет мы вместе, а ощущение, что все никак насытиться друг другом не можем. Каждая близость как взрыв сверхновой — до звона в ушах и сияющих звездочек перед глазами.

Мы с Яром приходим к финалу практически одновременно. Сначала муж толкает меня в бездну невероятного удовольствия, от которого закатываются глаза и губы распахиваются в беззвучном крике и их тут же запечатывают собственническим поцелуем. Следом за мной с животным рыком кончает Ярик, изливаясь глубоко во мне.

— Красавица моя, — быстро целует в губы, — самая любимая, самая желанная моя девочка!

Мы лежим в объятиях друг друга еще несколько минут, ловя отголоски удовольствия. Затем вместе идем в душ. Там, конечно же, не обходится без второго раунда. Секс в душе — это отдельный вид удовольствия для моего мужа. Он старается не упускать возможности проскользнуть ко мне в кабинку и получить свой “кусочек” секса.

После душа, приведя себя в порядок и распределив обязанности, покидаем наш маленький уютный мирок, который находится в нашей спальне. Ярик идет в десткую, чтобы разбудить и умыться наших мелких сорванцов — полуторагодовалых Костика и Ксюшку, я спускаюсь на кухню, чтобы приготовить всем завтрак и поговорить со старшим сыном.

Костя и Ксюша — двойня, которую я совершенно не ожидала и которой Яр невероятно обрадовался. Мы, конечно, обсуждали появление еще одного ребенка, как только Сережа подрастет. Я хотела потянуть с этим немного подольше, хотя бы пока Сереже не исполнится десять лет, чтобы мой старший малыш не лишался всего нашего внимания. Но судьба распорядилась иначе. Это я сначала так думала, что судьба. А по факту оказалось, что это

все решил Ярик. С громкими речами о том, что он врач и сам будет подбирать мне противозачаточные препараты и витамины, этот... “врач”, блин, пичкал меня витаминами для беременных вместо противозачаточных. Классика жанра прям!

Ох, как я орала на него, когда тест неожиданно показал две яркие красные полоски! А Яр стоял и улыбался, как пришибленный. Я даже подумала, что у него шок. Но когда он сначала подхватил меня на руки, а потом также резко поставил на пол и сам рухнул на колени, зацеловывая мой живот и приговаривая “Наконец-то у меня получилось!”, тут-то мне и стало все понятно. Я, конечно, злилась на него за то, что он единолично принял такое серьезное решение, но злилась недолго, потому что сама хотела еще одного малыша.

Получилось как в анекдоте: я хотела ребенка, Яр хотел ребенка. Ребенок и еще ребенок равно два ребенка. Простая математика. Поистине, будьте осторожны со своими желаниями и четко формулируйте запросы во вселенную, ибо она все слышит.

Вот так у нас и появились Костик и Ксюха, мои любимые карапузы.

— Доброе утро, сынок, — сын сидит на кухне с пинцетом в руках и сосредоточенно достает один из предметов в настольной игре “Операция”. Желает пойти по стопам отца и стать хирургом. — Как дела? Папа сказал, что ты меня звал?

Поцеловав сына в вихрастую макушку и получив в ответ чмок в щечку, нажимаю кнопку на кофемашине, сажусь напротив сына и беру в руки второй пинцет. Уступив мне “ход”, сын поднимает на меня серьезный взгляд.

— Да все хорошо, мам. Просто не мог найти свои резиновые сапоги и запаниковал, что папа не возьмет меня с собой на рыбалку, — спокойно рассказывает Сережка, — а потом сел, подумал и успокоился. Это же папа! Если он обещал меня взять с собой, значит, возьмет. И с сапогами вопрос решит. Он же у нас самый классный и всегда выполняет обещания.

— Да, родной, — смотрю на своего восьмилетнего маленького мужчину и едва сдерживаю слезы восхищения. Он ведь у меня такой... Весь в папу, одним словом. — Папа у нас такой. Я рада, что ты это понимаешь.

— Он меня никогда не подводил! — пожимает плечами как бы между делом, озвучивая очевидный для него факт, — Ой, мама, ты проиграла! — звонко хохочет, глядя на то, как я вздрагиваю от громкого внезапного звука, что издает эта игрушка, когда я задеваю пинцетом стенки условной “раны”. — Я выиграл! Я выиграл! — радуется сын.

— По какому поводу веселье и почему нас не позвали? — в кухню заходит Ярик, держа на руках наших мелких. Те довольно лыбятся и кусают свои кулачки, поливая папочку слюнями.

— Я выиграл! — довольно заявляет Сережка папе, — Но ты, мамочка, не переживай, — поворачивается ко мне, — в следующий раз у тебя обязательно получится. Да же, пап?

— А то! — поддакивает Яр, усаживая детей в их стульчики. — Так, сейчас все сидим тихо, не мешаем маме готовить завтрак. А я пошел собирать наши с тобой вещи, которые понадобятся на рыбалке.

— Я сапоги свои не нашел, — грустно вздыхает старший.

— Хах, не велика беда. У тебя другие в шкафу наверху в коробке лежат. В них и поедешь.

— Ура! — подбегает ко мне и обнимает за талию, — Я же говорил!

— Говорил, — соглашаюсь с сыном, поглаживая его по голове.

— Вы о чем? — Яр подходит к нам и тоже обнимает меня, целуя в висок.

— О том, что ты у нас самый лучший!

— Я такой!

— Ага! И скромный! — смеюсь на пару с сыном.

— Само собой! — важно кивает Яр, — Вымирающий вид!

— Да ты вообще единственный такой, — нежно шепчу мужу на ушко, оставляя легкий поцелуй на его щетинистой щеке. — Мой любимый.

— И ты моя самая любимая. Спасибо тебе.

— За что?

Яр оборачивается и указывает взглядом на кухонный стол, за которым сидят наши дети.

— За это... За нашу семью, о которой я мечтал.

Больше книг на сайте - Knigoed.net